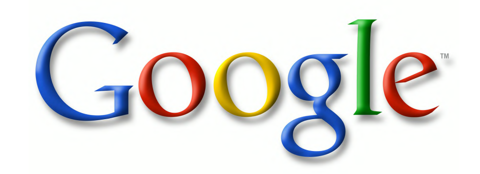
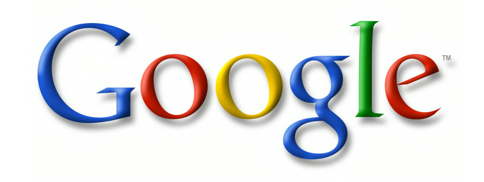

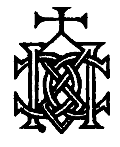

Slav 3098.82

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

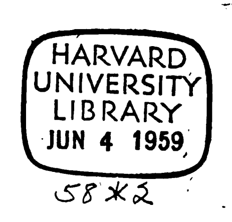
о значеніи у насъ крестьянскаго дѣла,
причинахъ его упадка, и мѣрахъ къ поднятію
сельскаго хозяйства и быта поселянъ.

К. Д. КАВЕЛИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1882.

(69з)

Настоящее изслѣдованіе появилось, въ первый разъ, въ видѣ ряда отдѣльныхъ статей въ „Вѣстникѣ Европы“ 1881 года. Предисловіе къ нему написано авторомъ еще въ январѣ 1881 г, а потому все сказанное имъ, въ связи съ современнымъ положеніемъ вещей, относится исключительно къ тому времени, т. е. къ самому началу 1881 года. Отдѣльное изданіе дополнено теперь отвѣтомъ автора на тѣ возраженія, которыя были вызваны въ печати первымъ появленіемъ его статей въ свѣтъ. Этотъ отвѣтъ помѣщенъ приложеніемъ—въ концѣ.

Спб. 15 апрѣля, 1882.

Давно и много жалуются у насъ на недостатокъ свободы печати, который существенно мѣшаетъ правильному и здоровому росту русской мысли, литературы, науки и искусства. Но ни въ чемъ этотъ недостатокъ не принесъ столько зла, какъ по крестьянскому вопросу. Благодаря невольнымъ умолчаніямъ, или совершенному молчанію, у насъ до сихъ поръ нѣтъ правильнаго, спокойнаго, безпристрастнаго взгляда на этотъ предметъ. Полезныя, вполнѣ безвредныя и безобидныя мысли не могли высказаться, а явно ошибочныя и пристрастныя, опровергаемыя всѣмъ ходомъ русской исторіи, наукой и опытомъ, чужимъ и нашимъ, напротивъ, пользовались въ печати совершенной свободой и высказывались подъ-часъ такъ откровенно и торжествующе, что невольно думалось, будто они пользуются, со стороны цензурнаго вѣдомства, особеннымъ благоволеніемъ и покровительствомъ. Такое предположеніе, конечно, было неосновательно; ему противурѣчило все наше законодательство, перестроившее, съ 1861 года, нашъ гражданскій бытъ; но разладъ между законодательною дѣятельностью и цензурными распоряженіями поддерживалъ недоумѣнія относительно истиннаго смысла и значенія крестьянскаго вопроса въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было не спутаться, не сбиться съ толку, когда Положенія 1861 года 19 февраля и цѣлый рядъ послѣдующихъ преобразованій признали крестьянъ граждански свободными, а говорить въ печати съ сочувствіемъ о крестьянахъ считалось неблаговиднымъ, приводить доводы въ пользу общин-

наго владѣнія, котораго великорусскіе крестьяне до сихъ поръ цѣпко держатся, было чуть-чуть не равнозначительно съ провозглашеніемъ коммунистическихъ теорій; доказывать, что крестьянскіе земельные надѣлы недостаточны, что лежащія на крестьянахъ подати и повинности обременительны, что необходимо допустить и организовать переселеніе крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній—значило заявлять себя политически неблагонадежнымъ! Какъ было не помутиться взглядамъ, когда законодательные акты водворяли убѣжденіе, что свободное состояніе крестьянъ есть благо для русскаго государства, условіе его правильнаго развитія и процвѣтанія; а между тѣмъ, нельзя было ничего сказать въ подтвержденіе этого взгляда, и, напротивъ, совершенно свободно высказывался и точно будто поощрялся въ печати взглядъ, что крестьяне—непробудные пьяницы, лѣнтяи, плуты и воры, съ которыми нельзя имѣть никакого дѣла; что помѣщичьи хозяйства пришли въ упадокъ отъ крайней недобросовѣстности нашихъ рабочихъ, съ которыми совершенно немыслимо сколько-нибудь правильное хозяйство!

Послѣдствія этихъ двухъ различныхъ теченій въ законодательствѣ и административныхъ распоряженіяхъ по дѣламъ печати были самыя горестныя. У огромнаго большинства владѣльцевъ, несочувствовавшихъ отмѣнѣ крѣпостного права, въ томъ видѣ, какъ оно совершилось, и у весьма значительнаго числа административнаго персонала, все болѣе и болѣе пополнявшагося недовольными этой реформой, возродилась, благодаря этому обстоятельству, надежда, что если новыя законоположенія и не будутъ совершенно отмѣнены, то, по крайней мѣрѣ, на дѣлѣ будутъ допущены существенныя отступленія отъ ихъ духа и буквы. Горячія желанія и надежды такого рода, казалось, были не совсѣмъ напрасны. Гдѣ только можно было, Положенія 19 февраля и послѣдующія крестьянскія законоположенія примѣнялись не въ пользу крестьянъ, а въ пользу владѣльцевъ; укрѣпленіе за крестьянами земель, купленныхъ въ прежнее время на ихъ деньги, часто отклонялось подъ самыми ничтожными предлогами; надѣлы отводились, вопреки смыслу Положеній, къ невыгодѣ крестьянъ и къ выгодѣ владѣльцевъ; выкупные платежи и оброки взыскивались съ безпощадною

и разорительною строгостью, причемъ не обращалось никакого вниманія на обстоятельства, дѣлавшія разсрочку или отсрочку не только справедливой, но и необходимой, въ видахъ сохраненія платежныхъ силъ крестьянъ на будущее время. Всякіе пріемы съ цѣлью обмануть крестьянъ при отводѣ имъ надѣла, по возможности стѣснить ихъ, установить экономическую ихъ зависимость отъ владѣльцевъ, не только считались позволенными, но владѣльцы и управляющіе ими гордились и хвастали. Незамѣтное, почтенное меньшинство помѣщиковъ и должностныхъ лицъ, не сочувствовавшихъ такому обороту крестьянскаго дѣла, мало-помалу устранились или были устранены отъ всякаго въ немъ участія.

Всего этого, разумѣется, никакъ нельзя было ни ожидать, ни предвидѣть, судя по началу разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Въ началѣ сангвиники и добродушные, непрактическіе идеалисты —сознаемся, и мы когда-то принадлежали къ ихъ числу—, мечтали о томъ, что владѣльцы воспользуются отмѣной крѣпостного права для установленія иныхъ отношеній къ сельскому населенію, чѣмъ прежнія; что они горячо примутся за поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня новыхъ гражданъ, помогутъ имъ стать твердой ногой посреди новыхъ условій быта и тѣснѣйшимъ образомъ свяжутъ свои интересы съ ихними. Такой способъ дѣйствій указывался самымъ ходомъ вещей, логикою событій; но, къ сожалѣнію, не таковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности случилось то, чему, по состоянію нашей культуры, конечно, и слѣдовало быть. Огромное большинство владѣльцевъ, не обременяя себя заботой о будущемъ, не думая поступиться ни одной изъ прежнихъ своихъ привычекъ въ виду новыхъ обстоятельствъ, жило со дня на день, по возможности по старому, вело упорную и безплодную экономическую борьбу съ бывшими своими крѣпостными,—словомъ, дѣлало все то, что дѣлаютъ люди, неподготовленные солиднымъ образованіемъ, серьёзною мыслью и дѣятельностью къ эрѣ новой гражданской жизни, которая наступила, и которую все давно предсказывало.

Но изъ этого вышло коренное зло и для владѣльцевъ, и для крестьянъ. Тѣ и другіе обѣднѣли, множество ихъ разорилось въ конецъ. Владѣльцы и крестьяне могутъ, при новомъ порядкѣ дѣлъ, хорошо устроиться только при взаимной тѣсной связи и

поддержкѣ. Они безпрестанно нуждаются во взаимной помощи, а это уже предполагаетъ тѣснѣйшую между ними связь и благорасположеніе. Всякому хозяйству нужны рабочіе; крестьянину, по его безграмотству, невѣжеству и бѣдности, нужны совѣтъ, помощь, поддержка, а часто и защита людей образованныхъ и вліятельныхъ, каковы, въ большинствѣ, владѣльцы имѣній. Маломальски устроенное хозяйство доставляетъ своими оборотами заработки окрестному сельскому населенію и представляетъ наглядный примѣръ правильныхъ хозяйственныхъ пріемовъ и порядковъ, которымъ большинству сельскаго населенія негдѣ больше и научиться. Такимъ образомъ, тѣсная нравственная и экономическая связь владѣльцевъ съ крестьянами есть одно изъ первыхъ условій нашего развитія и благосостоянія, безъ котораго они немыслимы или, по крайней мѣрѣ, должны замедлиться на многіе и многіе десятки лѣтъ. Но объ экономической и нравственной связи съ крестьянами большинство владѣльческаго сословія и не думало. Слѣпо и близоруко бросилось оно всячески наверстывать то, чего лишилось вслѣдствіе освобожденія, и тѣмъ поставило себя съ сосѣднимъ, бывшимъ крѣпостнымъ, населеніемъ въ натянутыя и холодныя, подъ-часъ прямо враждебныя отношенія. Результатомъ былъ упадокъ владѣльческихъ хозяйствъ. Множество владѣльцевъ побросали свои имѣнія и разбрелись по столицамъ или чужимъ краямъ. «Абсентеизмъ» владѣльческаго сословія имѣлъ для провинціи, по изложеннымъ выше причинамъ, самыя печальныя послѣдствія; но винить въ немъ однихъ крестьянъ и рабочихъ нельзя. Значительнѣйшая доля вины падаетъ на само владѣльческое сословіе, его неподготовленность къ новому порядку дѣлъ и къ серьёзному, просвѣщенному и настойчивому труду.

Кромѣ этихъ причинъ, приведшихъ крестьянскую реформу совсѣмъ не къ тѣмъ послѣдствіямъ, на какія всѣ разсчитывали, была и другая,—именно, совершенное незнаніе, въ высшихъ административныхъ и интеллигентныхъ слояхъ русскаго общества, нашего сельскаго люда и, вслѣдствіе того, совершенно ошибочныя о немъ представленія. Практически у насъ знаютъ крестьянъ только тѣ, кто по необходимости и роду занятій находится съ ними въ болѣе или менѣе частыхъ дѣловыхъ сношеніяхъ, именно мѣстные помѣщики, низшее духовенство, военные, имѣющіе не-

посредственное дѣло съ солдатами, купцы, промышленники, уѣздные чиновники и т. п. Но въ этихъ слояхъ рѣдко кто старается осмыслить, свести къ общимъ выводамъ свои наблюденія. Что же касается высшаго административнаго персонала и интеллигенціи, пополняемыхъ преимущественно людьми, живущими почти безвыѣздно въ столицахъ или за границей и имѣющими съ крестьянами лишь рѣдкія и случайныя сношенія, то этотъ слой общества почти ихъ не знаетъ и судитъ о нихъ лишь по отрывочнымъ впечатлѣніямъ или по словеснымъ и печатнымъ разсказамъ, которые, кстати замѣтить, сравнительно недавно серьёзно занялись деревней и ея обитателями. Такой крайне скудный и недостаточный матеріалъ свѣдѣній дополняется и поясняется отчасти цвѣтами воображенія, отчасти представленіями о европейскихъ народныхъ массахъ. Но европейская литература и наука отчетливо различаютъ народъ городской и сельскій. Тамъ, гдѣ послѣдній не успѣлъ еще распуститься въ первомъ, тотъ и другой отличаются другъ отъ друга рѣзкими чертами и представляютъ въ психическомъ и соціальномъ отношеніяхъ особые, своеобразные типы, очень непохожіе другъ на друга. Европейцу и въ голову не придетъ смѣшать мужика-земледѣльца или кустаря, съ городскимъ рабочимъ и пролетаріемъ; мы же, въ большинствѣ случаевъ, мало обращаемъ вниманія на это различіе. Говоря о народѣ въ Европѣ, мы обыкновенно имѣемъ въ виду городское населеніе—главнаго дѣятеля современной западно-европейской исторіи, который придалъ свой характеръ и свою печать всему теперешнему быту западной Европы. Но положеніе тамошнихъ дѣлъ, смотря по взгляду, возбуждаетъ у насъ, какъ извѣстно, или самыя глубокія, искреннія сочувствія и свѣтлыя надежды въ будущемъ или, напротивъ, внушаетъ ужасъ, отвращеніе и наводитъ на мрачныя мысли и предчувствія. Прибавимъ къ этому поверхностное знакомство съ русской исторіей, которую, правду сказать, и до сихъ поръ нельзя ни узнать, ни въ особенности понять изъ книгъ, несмотря на то, что ею теперь много и усердно занимаются. Каковы же могутъ быть, при такихъ условіяхъ, наши взгляды на крестьянство и наши понятія о русскомъ простомъ народѣ? Они поражаютъ своею фантастичностью и нелѣпостью. Что для владѣльцевъ, которые не съумѣли поладить

съ мужиками и вслѣдствіе того разорились, сельскій людъ представляется какимъ-то извергомъ, отребьемъ рода человѣческаго, лишеннымъ всякихъ понятій о законѣ, нравственности, справедливости и долгѣ—это, положимъ, понятно. Въ нихъ говоритъ страсть, злоба. Но послушайте друзей и враговъ крестьянства по принципу—и у васъ невольно руки опустятся. Они, какъ есть, ничего не понимаютъ въ мужикѣ!

Для однихъ наши крестьяне чуть-чуть не аркадскіе пастушки. Эти друзья крестьянъ добродушно переносятъ въ село и деревню сцены изъ «Жизни за Царя» и театральные дивертисменты. Приторную фальшь и маниловщину этихъ представленій обильно питаютъ иллюстраціи и дѣтская литература. Добрые люди, составившіе себѣ идиллическія представленія о деревенскихъ Вахромѣяхъ и Маланьяхъ, горько разочаровываются, приходя въ соприкосновеніе съ дѣйствительнымъ сельскимъ людомъ, и зачастую быстро превращаются въ ярыхъ его ненавистниковъ и презирателей. А кто въ этомъ виноватъ? Ужъ конечно не крестьяне.

Другіе, изъ самыхъ почтенныхъ побужденій, переносятъ на крестьянъ всѣ самые свѣтлые и высокіе идеалы человѣческаго совершенства. Правда, сознаются они, во внѣшнихъ своихъ формахъ, въ бытовыхъ условіяхъ и отношеніяхъ, крестьяне не всегда выказываютъ сокровища, сокрытыя въ ихъ нравственной природѣ; но формы, условія и отношенія—одна внѣшняя формальность, дѣло наживное и потому не особенно важное. Важно сердце, умъ, душа, — а они у крестьянъ самыя идеальныя, неподражаемыя, превосходныя. Многіе изъ поборниковъ такихъ воззрѣній, въ пламенномъ энтузіазмѣ, восклицаютъ: не у насъ образованныхъ людей учиться крестьянамъ, а намъ у нихъ! Но даже при самомъ невыгодномъ понятіи о нравственности образованныхъ слоевъ нашего общества, нельзя согласиться съ такимъ взглядомъ, сколько бы мы ни приводили въ своемъ умѣ и совѣсти смягчающихъ обстоятельствъ въ пользу сельскаго люда. Некрасива нравственность нашего, такъ-называемаго, культурнаго слоя и интеллигенціи; да не красива же она, надо сказать, и у нашихъ крестьянъ. Обѣ хуже! Самое дурное то, что за такими туманными сентенціями, неизвѣстно къ чему именно относящимися, обыкновенно, всего чаще безсознательно, скры-

вается желаніе возвести въ идеалъ формы быта, воззрѣній и отношеній, которыя роковымъ ходомъ развитія и исторіи осуждены переродиться и уступить мѣсто другимъ. Возьмемъ, для примѣра, хоть воспѣтый поэтами и прославленный моралистами патріархальный бытъ многочисленныхъ семей, подъ властью одного престарѣлаго и почтеннаго домохозяина. Слова нѣтъ, эта форма быта, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, можетъ быть идеально-прекрасной. Но вѣдь мы знаемъ изъ тысячи наблюденій, что она имѣетъ свое начало и свой конецъ. Неизбѣжная вездѣ индивидуализація разрушаетъ ее, рано или поздно, и создаетъ на ея мѣстѣ бытъ, построенный на индивидуальной самостоятельности людей. Какъ все на свѣтѣ, послѣдній имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства и свои, столько же несомнѣнные органическіе недостатки. Въ своемъ родѣ, бытъ, построенный на индивидуализмѣ, можетъ быть такъ же хорошъ, какъ патріархальный, когда люди стоятъ высоко въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Смотря на вещи просто, надо, когда одна форма быта падаетъ, а другая нарождается, напрягать всѣ силы, чтобы переходъ совершился по возможности правильнѣй, постепеннѣй, безъ скачковъ и перерывовъ, тягостныхъ и вредныхъ для роста общества. Но разъ извѣстныя формы быта и воззрѣній признаются нами идеальными, мы невольно относимся равнодушно или отрицательно и даже враждебно ко всѣмъ другимъ, и вмѣсто того, чтобы приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ новымъ условіямъ существованія, остаемся при идеальномъ созерцаніи того, что ушло, или уходитъ и никогда болѣе не возвратится.

Но самый обыкновенный и распространенный у насъ взглядъ на нашъ сельскій людъ есть тотъ, который, сознательно или безсознательно, переноситъ на крестьянина европейское понятіе о простомъ народѣ; а подъ нимъ обыкновенно подразумѣваются жители городовъ и городскіе рабочіе. Въ Европѣ такое понятіе совершенно естественно. Тамъ весь бытъ опредѣлился по городскому типу и подъ его вліяніемъ: типъ сельчанина удаленъ на второй планъ и не играетъ роли. У насъ такое понятіе, въ примѣненіи къ народнымъ массамъ, не имѣетъ смысла; а между тѣмъ оно-то и лежитъ въ основаніи взглядовъ, разсужденій и выводовъ огромнаго большинства образованныхъ и мыслящихъ

людей» и служитъ исходной точкой законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій. По этому взгляду предполагается, что большинство нашихъ крестьянъ не только грамотны, но и имѣютъ нѣкоторый достатокъ; что они не только знаютъ свои права, но и вполнѣ способны цѣпко за нихъ держаться и ихъ защищать въ случаѣ нарушенія; что имъ, слѣдовательно, не только не нужна опека, но подобно всѣмъ прочимъ классамъ и сословіямъ, не нужны ни поддержка, ни покровительство. Но отсюда вотъ что произошло:

— До освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права и правительственной опеки у нихъ были свои защитники въ лицѣ помѣщиковъ, коронныхъ стряпчихъ и другихъ чиновниковъ. Теперь они совсѣмъ предоставлены собственнымъ силамъ, и имъ не къ кому обратиться за помощью и защитой.

— Прежде обѣднѣвшіе отъ малоземелья крестьяне переселялись помѣщиками и министерствомъ государственныхъ имуществъ въ многоземельныя губерніи, съ разными пособіями и льготами и съ устройствомъ ихъ на новыхъ мѣстахъ. Теперь забота объ этомъ снята и съ помѣщиковъ, и съ вѣдомствъ. Крестьяне могутъ устраиваться, при недостаткѣ земли, какъ знаютъ.

— Прежде, на судѣ гражданскомъ и уголовномъ ихъ руководили и защищали помѣщики и чиновники, подъ опекой которыхъ они находились; теперь ихъ никто не руководитъ и не защищаетъ. Они предоставлены исключительно однимъ своимъ силамъ и средствамъ. Особенно на судѣ гражданскомъ, при господствующей теперь строго-состязательной формѣ судопроизводства, они, по бѣдности и невѣжеству, проигрываютъ процессы, въ которыхъ вся правда на ихъ сторонѣ, — и никому нѣтъ до того никакого дѣла.

— Прежде помѣщики и разныя вѣдомства, отъ которыхъ зависѣли крестьяне, старались, въ собственномъ интересѣ, о томъ, чтобы бремя податей и повинностей не было для нихъ слишкомъ обременительно. Теперь и до этого нѣтъ никому никакого дѣла, вслѣдствіе чего сборы съ крестьянъ съ 1861 года увеличились въ пять, въ шесть и болѣе разъ противъ прежняго.

— Прежде, въ случаѣ чрезвычайныхъ бѣдствій и нуждъ, какъ-то: наводненій, потери скота и лошадей отъ падежа или конокрад-

ства, въ случаѣ разныхъ несчастій, постигавшихъ не цѣлый край, а одну деревню или одного домохозяина, крестьянамъ было къ кому обратиться за помощью. Теперь они получаютъ помощь только въ случаѣ общихъ пожарныхъ бѣдствій и голодухъ; когда же ихъ постигаютъ частныя невзгоды, разоряющія часто до тла, имъ не къ кому прибѣгнуть за помощью, и опять-таки никому нѣтъ никакого до нихъ дѣла.

Вотъ что принесъ нашимъ крестьянамъ взглядъ на нихъ, какъ на гражданъ въ европейскомъ смыслѣ. Они получили всѣ гражданскія права и юридически свободны; а экономически они лишены всякой поддержки и помощи, и пришли въ худшее положеніе, чѣмъ были до отрѣзки надѣловъ, отнятія лѣсовъ и значительнаго возвышенія сборовъ и повинностей.

Знаемъ, что защита и помощь крестьянамъ, со стороны помѣщиковъ и чиновниковъ, были не Богъ вѣсть какія; знаемъ, что подъ предлогомъ покровительства надъ крестьянами совершались негодныя дѣла и творились большія злоупотребленія; знаемъ также, что помощью и защитой далеко не окупались стѣсненія и лишенія, которымъ крестьяне подвергались вслѣдствіе крѣпостной зависимости и административной опеки. Но все же помѣщики и вѣдомства были болѣе или менѣе заинтересованы въ томъ, чтобы крестьяне не были разорены въ конецъ — первые хозяйственнымъ разсчетомъ, послѣднія страхомъ суда и отвѣтственности. Главное же то, что въ законѣ возводилось въ принципъ, что экономическій бытъ крестьянъ требуетъ поддержки и помощи, что они должны быть оберегаемы и защищаемы. Но изъ новаго законодательства этотъ принципъ вычеркнутъ, и объ немъ нѣтъ больше помину. «Думай и заботься самъ о себѣ, какъ хочешь; а если пропадешь—тѣмъ хуже для тебя»,—вотъ девизъ новаго законодательства о крестьянахъ, выведенный последовательно и логически правильно изъ представленія о нихъ, какъ о самостоятельныхъ и полноправныхъ гражданахъ въ европейскомъ смыслѣ. Кромѣ щеголеватой формы, оно, это представленіе, оказывалось и съ практической стороны очень удобнымъ. Во-первыхъ, оно совершенно освобождало администрацію отъ массы скучныхъ заботъ о сельскомъ населеніи; а во-вторыхъ, оно давало бывшимъ помѣщикамъ желанную возможность, безъ

особеннаго труда и хлопотъ, замѣнить упраздненную юридическую зависимость крестьянъ зависимостью экономической, болѣе благовидной, и на первый взглядъ болѣе выгодной, чѣмъ обветшалое, уродливое и до наивности простодушное крѣпостное право.

Взглядъ на нашъ сельскій людъ какъ на простой народъ, чернь въ европейскомъ смыслѣ, имѣетъ у насъ тоже своихъ энтузіастовъ. Мы слыхали, что въ Европѣ чернь представляетъ безпокойную массу людей, недовольныхъ своимъ положеніемъ, готовыхъ, при малѣйшей искрѣ, обратиться въ огнедышащій волканъ, опасный для государства и существующихъ въ немъ порядковъ; что массы народныя — элементъ вѣчнаго движенія, которому, чтобъ удерживать его въ границахъ, необходимо противопоставить оплотъ консервативныхъ силъ, каковыми являются крупное землевладѣніе, капиталъ и высшая интеллигенція. Нашлись люди, которое цѣликомъ перенесли и это воззрѣніе на нашъ деревенскій людъ. На этомъ воззрѣніи построены, напримѣръ, удивительныя политическія комбинаціи генерала Фадѣева, въ книгѣ: «Чѣмъ намъ быть». По его мнѣнію, наше крестьянство — клокочущій кратеръ, готовый каждую минуту произвести взрывъ и разрушить нашъ политическій и гражданскій строй. До такихъ поразительныхъ нелѣпостей, сколько намъ извѣстно, никто еще у насъ не договаривался, за исключеніемъ только сотрудниковъ и покровителей газеты «Вѣсть». Генералу Фадѣеву принадлежитъ безспорно честь, что онъ, изъ ошибочной предпосылки, логически вывелъ ея крайнія послѣдствія. За то, изъ той же предпосылки, были, съ тою же строгой логикой, выведены совсѣмъ другія крайнія послѣдствія, за что мы поплатились нашими лучшими, талантливѣйшими молодыми силами, цѣлымъ поколѣніемъ, погибшимъ жертвою иллюзій, одинаковыхъ, по исходной точкѣ, съ иллюзіями генерала Фадѣева. Невольно вспоминается при этомъ замѣчаніе И. С. Аксакова, обращенное много лѣтъ тому назадъ къ нашимъ консерваторамъ фадѣевскаго пошиба: «вы одѣлись въ бѣлый цвѣтъ; не удивляйтесь же и не сѣтуйте, что другіе наряжаются въ красный». Въ самомъ дѣлѣ, въ основѣ тѣхъ и другихъ воззрѣній лежитъ одна и та же роковая ошибка. Благодаря ей, и ей одной, нашъ крестьянскій

людъ, со времени его раскрѣпощенія, былъ забытъ, для него ничего не сдѣлалось, всевозможной его эксплуатаціи со всѣхъ сторонъ открытъ полный просторъ. Всѣ, имѣвшіе случай близко видѣть положеніе крестьянъ и смотрѣвшіе на вещи просто, съ горестью видѣли, какъ наши крестьяне быстро бѣднѣли, какъ число скота и лошадей у нихъ уменьшалось, и пашня приходила въ запустѣніе, какъ многіе изъ исправныхъ хозяевъ обращались въ бездомныхъ бродягъ. Объ этомъ крестьянскомъ горѣ твердилось ежедневно чуть ли не во всѣхъ газетахъ и во многихъ журналахъ, въ видѣ извѣстій, разсказовъ и повѣстей. Но тѣ, которые объ этомъ говорили и напоминали, считались пессимистами, раздувавшими частные случаи въ общенародное бѣдствіе, — кто знаетъ, можетъ быть, съ преступными цѣлями возбудить общую тревогу и вражду сословій! Такъ отъигрывались мы отъ бѣды, которая все росла и росла, разъѣдая бытъ крестьянъ, подтачивая подъ корень живые соки и силы государства. Наконецъ, зло, возростая, начало мало-по-малу выступать въ такихъ явленіяхъ, значенія которыхъ ужъ никакъ нельзя было истолковать злонамѣренностью провинціальныхъ репортеровъ и столичныхъ литераторовъ. Неурожаи, повальныя болѣзни людей, падежи скота, распространеніе вредныхъ насѣкомыхъ, слабость, хилость молодыхъ людей, призываемыхъ къ отправленію воинской повинности, стали быстро переходить изъ случайныхъ фактовъ въ постоянные и періодическіе. Нынѣшній тяжелый годъ переполошилъ всѣхъ. Но открылъ ли онъ всѣмъ глаза? Въ этомъ позволительно сомнѣваться! Мы все еще смотримъ на указанныя невзгоды какъ на случайныя явленія, приписываемъ ихъ разнымъ неблагопріятнымъ атмосферическимъ и другимъ подобнымъ условіямъ, и все надѣемся: авось, Богъ дастъ, они не повторятся въ будущемъ году, и все пойдетъ у насъ отлично! Но напрасны такія надежды! Не будучи пророкомъ, можно предсказать заранѣе, безъ ошибки, что пока нашъ взглядъ на крестьянъ, а съ нимъ и наши отношенія къ крестьянскому вопросу не измѣнятся коренньмъ образомъ, до тѣхъ поръ ничто у насъ не перемѣнится къ лучшему, напротивъ, все будетъ изъ года въ годъ идти хуже и хуже. Случайно выпадетъ порядочный урожай; но на одинъ такой урожай число слѣдую-

щихъ за нимъ неурожаевъ будетъ все увеличиваться. И чѣмъ дальше мы будемъ откладывать рѣшительныя мѣры противъ органическаго недуга, который насъ гложетъ, тѣмъ труднѣе будетъ съ нимъ бороться. Съ случайнымъ недородомъ хлѣбовъ и бѣдствіями, которыя его сопровождаютъ, можно легко справиться въ странѣ богатой и экономически устроенной; но гдѣ онъ падаетъ на обѣднѣлый народъ и истощенную почву, тамъ дѣйствіе его сокрушительно: это все равно, что болѣзнь, постигающая надломленный и разслабленный организмъ.

Теперь, когда условія печати улучшились и говорить о сельскомъ населеніи съ участіемъ перестало, въ глазахъ подлежащей администраціи, считаться признакомъ превратнаго и опаснаго образа мыслей, крестьянскій вопросъ, какъ и слѣдовало, сразу занялъ въ печати одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Земства и экономическія общества занялись имъ тоже весьма серьёзно въ послѣднее время. Наконецъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, само правительство снова обратило на него особенное вниманіе. При такихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, не безполезно будетъ сгруппировать и подвергнуть критической провѣркѣ какъ ходячія у насъ воззрѣнія на крестьянство, такъ и мѣры, предлагаемыя для поднятія и устройства у насъ крестьянскаго быта. Освѣтить настоящее значеніе у насъ крестьянскаго вопроса и установить правильную точку зрѣнія для его безпристрастной оцѣнки—это, по нашему глубокому убѣжденію, несравненно важнѣе, чѣмъ даже выработать рядъ мѣръ для его правильнаго разрѣшенія. Пренебреженіе, въ которомъ этотъ вопросъ находится у насъ, къ несчастію, слишкомъ долго, и которымъ искусно воспользовались своекорыстіе и хищничество, къ очевидному вреду государства и всего населенія, было прежде и больше всего результатомъ совершенно ошибочнаго и превратнаго взгляда на сельскій людъ вообще и въ особенности у насъ. Мало того: мы не впадемъ въ преувеличеніе, утверждая, что добрая половина путаницы вообще въ нашихъ понятіяхъ, хаоса въ нашихъ головахъ относительно нашихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ и задачъ, имѣютъ свой источникъ, главнымъ образомъ, въ неясномъ или ошибочномъ пониманіи крестьянскаго вопроса, какъ онъ поставленъ исторіей въ Россіи. Поэтому теперь самое время

каждому, кто думалъ объ этомъ предметѣ, высказать свой взглядъ и отдать его на общее сужденіе. Пока у насъ не выработается опредѣленныхъ, ясныхъ понятій о крестьянствѣ и крестьянскомъ вопросѣ, до тѣхъ поръ мы будемъ, какъ доселѣ, шататься изъ стороны въ сторону, подвергая массы народа самому тяжелому, незаслуженному испытанію, а весь нашъ бытъ—весьма серьёзной опасности.

Январь, 1881 г. К. К.

I.

Желая опредѣлить вполнѣ значеніе у насъ крестьянскаго вопроса,—начнемъ съ общеизвѣстнаго и безспорнаго.

Каждый воленъ, въ оцѣнкѣ людей и вещей, слѣдовать своимъ взглядамъ и вкусамъ. Нравится мнѣ человѣкъ, или не нравится,—это мое личное дѣло, которое ни до кого кромѣ меня не касается. Мы же, совершенно по-дѣтски, ведемъ пространные споры о томъ, заслуживаетъ ли нашъ мужикъ любви, или не заслуживаетъ, добродѣтеленъ онъ, или порочень. Въ салонномъ разговорѣ эта матерія можетъ служить весьма удобной тэмой для остроумнѣйшаго фехтованія словами; но ни къ какому результату такіе споры, разумѣется, не ведутъ, потому что, въ концѣ-концовъ, любовь—дѣло личнаго вкуса, котораго ни доказать, ни оспорить нельзя.

Въ дѣловыхъ отношеніяхъ вопросъ ставится значительно иначе. Въ нихъ мы преслѣдуемъ извѣстныя цѣли. Барину нужна помощь мужика, мужику—помощь барина. Тутъ ужъ рѣчь вовсе не о томъ, нравятся ли они другъ другу, или не нравятся. Интересъ, практическая польза, которой добивается тотъ и другой, заставляютъ ихъ искать другъ друга и вступать во взаимныя сношенія, совершенно независимо отъ того, какія чувства они другъ къ другу питаютъ. Хороши они между собою—и отношенія между ними установляются легче, проще, льготнѣй для обѣихъ сторонъ; не вѣрятъ они другъ другу — отношенія между ними установляются осторожнѣй, труднѣй, формальнѣй, съ разными предусмотрительными оговорками. Но въ томъ и

другомъ случаѣ, взаимная, хорошая или дурная оцѣнка, личные вкусы, расположеніе, или нерасположеніе, въ разсчетъ не принимаются. Нуженъ человѣкъ, значитъ и надо вести съ нимъ дѣло, каковъ бы онъ ни былъ.

Далѣе. Каждый изъ насъ—членъ общества, государства. Кромѣ личныхъ, мы имѣемъ еще общественные и государственные интересы. При обсужденіи и соображеніи ихъ, мы еще менѣе, чѣмъ въ нашихъ практическихъ дѣлахъ, можемъ класть на вѣсы наши личные вкусы, наклонности и оцѣнки. Тутъ все дано, опредѣлено и обставлено заранѣе, и нашему личному усмотрѣнію не остается ни простора, ни мѣста. Нашей общественной и политической мысли предстоитъ разрѣшить задачу: какъ достигнуть возможнаго благополучія всѣхъ и каждаго при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ? Отъ себя мы не можемъ ничего придать при разрѣшеніи такой задачи. И цѣль ея дана: это—благополучіе не наше личное, а всѣхъ, какъ они сами его понимаютъ, а не мы за нихъ. Средства для достиженія цѣли тоже даны: это наличныя, дѣйствительныя, а не воображаемыя условія и обстоятельства, которыми мы можемъ орудовать. Задача, выходитъ, самая положительная, при разрѣшеніи которой каждый нашъ шагъ обусловленъ роковымъ образомъ, какъ дѣйствія врача у постели больного. Мы, конечно, можемъ при этомъ догадываться или предвидѣть, болѣе или менѣе ясно, что вслѣдствіе разрѣшенія задачи самыя условія и обстоятельства, съ которыми мы имѣемъ дѣло, измѣнятся, и на ихъ мѣстѣ создадутся другія, но тогда и вся постановка задачи будетъ совсѣмъ другая; теперь же думать объ этомъ—праздная мечта; теперь, сегодня, намъ приходится считаться только съ тѣмъ, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, съ настоящимъ, а не будущимъ, которое еще впереди и когда-то будетъ. Умъ, наука, логика забѣгаютъ далеко впередъ: это ихъ несомнѣнное и неотъемлемое право; но практическая постановка дѣла—нѣчто совсѣмъ другое; она связана по рукамъ и по ногамъ дѣйствительностью, настоящимъ, каково оно теперь. Кто этого не знаетъ, или знать не хочетъ, тотъ—фантазёръ и не сдѣлаетъ никакого дѣла, не подвинетъ его ни на шагъ, только замутитъ и испортитъ. Мало ли что можетъ быть хорошаго черезъ тысячу лѣтъ! Можетъ быть, къ тому времени у насъ будетъ такое же благо-

растворенiе воздуховъ, какъ въ южной Францiи или Италiи; но, вѣдь, изъ этого не разводить же намъ теперь апельсинныхъ и каштановыхъ деревъ въ тверской губернiи! Можетъ быть, къ тому времени наши природныя богатства и взаправду вскроются и станутъ намъ доступны; да сегодня-то они въ туманѣ, не принимаются никѣмъ къ учету, и мы—бѣдный народъ.

Условiя, опредѣляющiя жизнь общества, которыхъ оно перемѣнить не можетъ, должны составлять главнѣйшiй интересъ всѣхъ его членовъ, отъ мала до велика; всякiй изъ нихъ обязанъ, въ видахъ общественнаго самосохраненiя, всячески его оберегать, холить и извлекать изъ него всевозможную общественную пользу. Мы на разные лады любуемся Англiей и англiйскими порядками. И въ самомъ дѣлѣ, есть чѣмъ любоваться! Соцiальныя условiя этой страны самыя критическiя: вся земля принадлежитъ небольшой кучкѣ людей, народныя массы не имѣютъ собственной поземельной осѣдлости. Для Англiи вопросъ жизни и смерти, чтобъ эти массы, висящiя на воздухѣ, имѣли вдоволь работы и заработки, достаточные для поддержанiя ихъ существованiя. Оттого удержанiе въ своихъ рукахъ всемiрной торговли, открытiе и обезпеченiе рынковъ для сбыта англiйскихъ издѣлiй не есть для Англiи дѣло вкуса, честолюбiя или алчности, а насущная, кровная потребность, къ удовлетворенiю которой направлены всѣ ея силы, вся ея политика. Трактаты, союзы, войны, завоеванiя и захваты Англiи объясняются этой главной, нацiональной ея заботой, которой приносится въ жертву все. Какъ ни враждуютъ между собою въ этой странѣ политическiя партiи, но въ вопросѣ нацiональнаго интереса онѣ совершенно между собою согласны и никогда не расходятся: нацiональный интересъ служитъ имъ общей почвой; обереганiе его, какъ одного изъ условiй существованiя, составляетъ общую ихъ задачу, къ разрѣшенiю которой онѣ только стремятся различными путями. Другiе европейскiе народы тоже имѣютъ, каждый свои, присные, кровные интересы, которые составляютъ, такъ сказать, центръ ихъ существованiя, основный стимулъ ихъ внѣшней и внутренней дѣятельности; по этому камертону настроено у нихъ все. Нельзя, напримѣръ, не сказать, что въ настоящее время разноплеменная Австрiя, съ преобладающимъ славянскимъ на-

селеніемъ, вступила на путь національной политики, проглатывая новыя славянскія страны и принявшись, наконецъ, серьёзно за постепенное уравненіе въ правахъ славянъ съ прочими народностями. Такимъ же точно образомъ, каждое государство имѣетъ какой-нибудь свой кровный національный интересъ, которымъ и опредѣляется его жизнь и дѣятельность.

Какой же нашъ выдающійся, преобладающій національный интересъ, при неоднородномъ составѣ населенія и различной исторической судьбѣ многихъ изъ областей, вошедшихъ въ составъ русскаго государства? На этотъ вопросъ краснорѣчиво отвѣчаетъ статистика.

У насъ *восемьдесятъ* процентовъ населенія принадлежатъ къ крестьянскому сословію, и только двадцать приходится на всѣ остальныя сословія — дворянство, духовенство, купцовъ, горожанъ, служилый классъ и войско. Такъ по оффиціальной статистикѣ, которая относитъ людей къ тому или другому разряду по припискѣ; но крестьянъ должно быть еще больше, если принять въ соображеніе, что значительнѣйшая часть купечества, мѣщанъ, ремесленниковъ, приписанныхъ къ городамъ, и войско принадлежитъ тоже къ крестьянству по происхожденію, образу жизни, привычкамъ, понятіямъ и родственнымъ связямъ.

Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе приведенныхъ цифръ, представимъ нѣкоторыя другія, ихъ поясняющія.

До отмѣны крѣпостного права, сельское населеніе составляло 82,5% всего населенія.

Въ 1870 году, въ 50-ти губерніяхъ европейской Россіи было всего жителей обоего пола 65.704, 559. Изъ нихъ крестьянъ 52.845,456, т.-е. 80,4%. Колонистовъ 785,066, т.-е. 1,2%. Вмѣстѣ 81,6%.

Въ 3-хъ остзейскихъ губерніяхъ процентное отношеніе крестьянъ къ другимъ классамъ такое же, какъ въ остальныхъ губерніяхъ (80,4%).

Въ царствѣ польскомъ (въ 1876 г.) крестьяне составляли 83,26%; но въ дѣйствительности занимающихся сельскими промыслами было менѣе, примѣрно около 75—76%, такъ какъ въ 1869 году жители 327 городовъ перечислены въ сельское состояніе.

Въ великомъ княжествѣ финляндскомъ (въ 1875 г.) крестьяне составляли 86,2% всего населенія.

Въ области донскихъ казаковъ крестьяне (317,120) входятъ въ общій счетъ населенія имперіи и составляютъ 29,1% населенія области. Казачье сословіе (690,405 д.) составляетъ 63,5% всего населенія. Вмѣстѣ 92,6%. Но какой процентъ собственно земледѣльцевъ казачьяго сословія—неизвѣстно.

Военно-служащіе цѣлой имперіи, отправляющіе дѣйствительную службу, не входятъ въ приведенныя цифры. Они, примѣрно, составляютъ 1% слишкомъ общаго населенія.

Городскія сословія въ 1870 г. составляли 7,8%, а въ 1857 г.—7,2%. Стало быть, въ 13 лѣтъ прибыло 0,6%. Такое приращеніе ничтожно и легко объясняется припискою къ городамъ дворовыхъ, которые, при крѣпостномъ правѣ, были записаны крестьянами.

Въ имперіи (не считая царства польскаго и великаго княжества финляндскаго) крестьяне имѣютъ въ своемъ владѣніи 121.140,000 десятинъ земли; дворянству и другимъ частнымъ владѣльцамъ принадлежатъ (за исключеніемъ крестьянскихъ надѣловъ) 99.000,000 десят. Слѣдовательно, на 22.140,000 дес. менѣе.

Въ царствѣ польскомъ крестьяне владѣютъ 4.716,347 дес., помѣщики около 3.700,000 десятинъ.

Въ великомъ княжествѣ финляндскомъ у крестьянъ 20.200,000 гектаровъ ($^{35}/_{100}$ десятины), у помѣщиковъ 1.600,000 гектаровъ.

Опредѣлить процентное отношеніе сельскаго населенія къ другимъ въ различныхъ государствахъ, сравнительно съ Россіей, чрезвычайно трудно. Во-первыхъ, у насъ крестьяне исчисляются по припискѣ, въ другихъ государствахъ—по занятію земледѣліемъ; во-вторыхъ, тамъ иногда по занятіямъ распредѣляется все населеніе, иногда же одно производительное.

На *все населеніе* приходится занимающихся сельскимъ хозяйствомъ:

Въ Швеціи 55,3%; во Франціи 51,2%; въ Пруссіи 48,8%; въ Даніи 47%.

Въ Австріи *на все взрослое населеніе* приходится занимающихся сельскимъ хозяйствомъ 37%, въ Венгріи 32%.

Если же взять *одно производительное* населеніе, то изъ него сельскимъ хозяйствомъ занимаются:

Въ Великобританіи: въ Англіи 7,3%; въ Шотландіи 22,4%, въ Ирландіи 36,6%; во Франціи 13,7%; въ Пруссіи 17,6%; въ Италіи 32%; въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ 47,3% (тамъ на 26 милліоновъ непроизводительнаго населенія приходится только $12^1/_2$ милліоновъ производительнаго).

Сдѣлать точное сравненіе такихъ разнородныхъ данныхъ съ свѣдѣніями о сельскомъ населеніи Россіи, гдѣ счетъ ему ведется по другимъ началамъ, невозможно. Приблизительно, хотя въ большинствѣ случаевъ гадательно, сравненіе можетъ быть представлено въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ Россіи сельскимъ хозяйствомъ занимаются 80% всего населенія.

Въ Ирландіи 73%; въ Швеціи 55%; въ Италіи 54%; во Франціи 51%; въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ 50%; въ Даніи 47%; въ Шотландіи 45%; въ Австріи 44%; въ Венгріи 42%; въ Германіи 30%—40% (для всей Германіи точныхъ данныхъ нѣтъ); въ Англіи 15% [1].

Эти цифры достаточно характеризуютъ русское государство, и если многіе зовутъ его, полушутя, полусерьёзно, «мужицкимъ царствомъ», то нельзя не согласиться, что такое названіе весьма мѣтко обозначаетъ Россію по ея наиболѣе характерному признаку. Англію, гдѣ сельчанъ почти совсѣмъ нѣтъ, никто и въ шутку не назоветъ мужицкою державой. Къ государствамъ западной Европы, гдѣ города и городскія сословія играли въ исторіи такую видную роль—и крестьянство совсѣмъ заслонено и отодвинуто на послѣдній планъ, гдѣ горожане или равны ему, или превосходятъ его числомъ, точно также никакъ не шло бы это названіе. Во всей Европѣ оно идетъ только къ намъ, потому что имъ дѣйствительно опредѣляется наша особенность. Она представляется чрезвычайно знаменательной, если припомнимъ, что ни въ московскомъ государствѣ, ни въ развившейся

[1]) Всѣ приводимыя статистическія свѣдѣнія сообщены намъ профессоромъ Ю. Э. Янсономъ. Считаемъ пріятнѣйшимъ долгомъ выразить здѣсь глубоко уважаемому профессору сердечную благодарность за оказанныя намъ въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе и помощь.

изъ него россійской имперіи, ни дворянство, ни церковь и духовенство, ни города и городскія сословія никогда не возвышались, какъ въ западной Европѣ, до степени политически самостоятельныхъ факторовъ общественной и государственной жизни. Хорошо это или дурно—это другой вопросъ, но оно такъ, и съ этимъ, волей-неволей, надо помириться. Любимъ мы сельскій людъ, или не любимъ, мы не можемъ передѣлать или устранить тотъ фактъ, что оно составляетъ у насъ подавляющее большинство населенія, передъ которымъ остальные классы или разряды представляются лишь исключеніемъ.

Какъ численно преобладающій элементъ, крестьянство, самымъ фактомъ своего существованія, должно имѣть огромное вліяніе на весь нашъ бытъ, на весь строй нашей общественной и государственной жизни и, слѣдовательно, составляетъ нашъ главнѣйшій національный интересъ, совершенно независимо отъ того, отвѣчаетъ ли оно нашимъ личнымъ симпатіямъ или нѣтъ. Центръ нашей національной жизни въ крестьянствѣ. Мыслящіе иностранцы, сколько-нибудь знакомые съ Россіей, понимаютъ это. Только для насъ самихъ это кажется еще сомнительнымъ вопросомъ, отъ котораго многіе очень желали бы отчураться ссылками на гражданственность, науку и исторію западной Европы. Но противъ реальнаго факта всякія заклинанія безсильны. Пока мы будемъ упорно отворачиваться отъ дѣйствительности и жить грёзами, наша во всѣхъ отношеніяхъ печальная жизнь будетъ становиться все печальнѣе, недоразумѣнія, опутывающія нашу мысль, будутъ рости, и мы, по прежнему, все будемъ ходить ощупью, наугадъ, терять время въ безплодныхъ попыткахъ передѣлать основныя черты нашей природы и терзать самихъ себя, не понимая, что̀ дѣлаемъ, и тѣмъ доставлять внутреннимъ и внѣшнимъ плутамъ всѣ удобства обдѣлывать свои дѣлишки на нашъ счетъ.

Сильное преобладаніе въ нашемъ населеніи крестьянства не есть только статистическій фактъ, а основная причина своеобразныхъ особенностей, которыми нашъ общественный и государственный бытъ отличается отъ быта всей остальной Европы. Въ этомъ не трудно убѣдиться всякому, кто вдумывался въ различіе между населеніемъ городскимъ и сельскимъ.

Сельчаниномъ называется всякій, кто имѣетъ осѣдлость на извѣстномъ пространствѣ земли и занимается, хотя бы не исключительно, ея обработкой. У насъ большая часть крестьянъ нечерноземной полосы не занимается исключительно пашней; почти всѣ они имѣютъ отхожіе промыслы или работаютъ на фабрикахъ и заводахъ, или занимаются на мѣстахъ своей осѣдлости разными ремеслами, въ видѣ подспорья къ разнообразнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, которыми кормятся и содержатся. Многіе промышляютъ ими на сторонѣ и цѣлыми годами не возвращаются домой. Но семьи такихъ крестьянъ, старики, женщины и дѣти живутъ въ мѣстахъ осѣдлости, обработываютъ землю, хотя бы состоящую въ одномъ огородѣ и коноплянникѣ, а потому и сами они остаются крестьянами не по одному имени, но и на самомъ дѣлѣ. Ихъ тянетъ туда, гдѣ ихъ домъ и семья; сюда они отсылаютъ и несутъ свои заработки и сбереженія; въ это свое хозяйство они складываютъ свои зажитки и, рано или поздно, опять возвращаются въ свой дворъ на постоянное житье.

Совсѣмъ другое горожанинъ. Его осѣдлость не земля, а домъ въ городѣ. Онъ можетъ заниматься и сельскимъ промысломъ, но послѣдній есть лишь подспорье къ тому городскому промыслу, чаще всего ремеслу или торговлѣ, который составляетъ главный предметъ его занятій. Въ городѣ люди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, достатка и образованія, скучены вмѣстѣ, на небольшомъ пространствѣ, и находятся въ весьма частыхъ между собою сношеніяхъ. Односельцы тоже живутъ тѣсно вмѣстѣ и находятся между собою въ такихъ же частыхъ сношеніяхъ; но это — люди одного общественнаго положенія, нравовъ и привычекъ, одной общественной среды и притомъ постоянно одни и тѣ же; въ городѣ, напротивъ, сходятся люди различныхъ положеній и привычекъ и притомъ часто мѣняющіеся, новые, незнакомые другъ другу. Самая осѣдлость въ городѣ совсѣмъ не то, что деревенская; въ деревнѣ осѣдлый — тотъ, кто имѣетъ въ своемъ постоянномъ владѣніи или пользованіи хотя бы самое крохотное пространство земли; городская осѣдлость, напротивъ, не предполагаетъ самостоятельнаго владѣнія или пользованія домомъ. Осѣдлымъ горожаниномъ считается всякій, кто долгое время живетъ

въ одномъ и томъ же городѣ, хотя бы онъ не былъ домовладѣльцемъ и жилъ въ нанятомъ помѣщеніи или квартирѣ.

Эти различныя условія существованія сельчанъ и горожанъ проводятъ рѣзкія различія не только въ образѣ жизни, нравахъ и привычкахъ тѣхъ и другихъ, но и въ ихъ воззрѣніяхъ и въ цѣломъ ихъ умственномъ и нравственномъ складѣ. Горожанинъ новаторъ, космополитъ; сельчанинъ, напротивъ, цѣпко держится за существующее, за преданіе. Горожанинъ считаетъ свое положеніе и свою фортуну дѣломъ собственныхъ усилій и труда; сельчанинъ далеко не такъ вѣритъ въ себя и яснѣе сознаетъ свою зависимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ; онъ гораздо больше горожанина чувствуетъ, что судьба его всегда виситъ на волоскѣ отъ событій, которыхъ человѣкъ отвратить не въ состояніи.

Въ этихъ различіяхъ сельскаго и городского работающаго населенія воспроизводятся ступени развитія человѣка. Онъ одною своею стороною весь въ природѣ, подчиненъ ея неизмѣннымъ законамъ; другою—онъ какъ-бы выдается изъ нея и въ значительной степени высвобождается изъ-подъ ея непосредственной власти. Преслѣдуя свои цѣли, онъ преобразуетъ данныя сочетанія природныхъ явленій и фактовъ сообразно съ своими нуждами и потребностями, и тѣмъ какъ-бы господствуетъ надъ нею своею мыслью, создаетъ въ ней то, чего она, помимо его, не даетъ. Въ этомъ смыслѣ горожанинъ гораздо болѣе, чѣмъ сельчанинъ, выражаетъ дѣятельную, творческую сторону человѣческой природы. Онъ несомнѣнно представляетъ въ природѣ принципъ движенія впередъ, открываетъ, прокладываетъ и освѣщаетъ путь улучшеній и усовершенствованій по всѣмъ направленіямъ. Городъ тянетъ за собою деревню на буксирѣ: такъ всегда было и всегда будетъ, по самому существу дѣла. Но, какъ деревня, по своей природѣ, болѣе склонна къ косности, неподвижности, застою, такъ городъ, въ силу условій своего быта, склоненъ принимать отвлеченности за дѣйствительность, уноситься быстротою творческой мысли за предѣлы реальныхъ условій и въ нетерпѣливомъ преслѣдованіи идеаловъ пренебрегать тѣмъ, что есть, видѣть въ немъ только путы, мѣшающіе движенію впередъ. Вотъ почему и отсутствіе городского элемента и его усиленіе насчетъ сельскаго одинаково

неблагопріятно для быта страны, хотя и въ противоположномъ смыслѣ. Какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для цѣлаго государства, чрезмѣрный застой и чрезмѣрное движеніе одинаково вредны; только на правильномъ гармоническомъ ихъ распредѣленіи и сочетаніи покоится экономія жизни и силъ. Но въ дѣйствительности такого идеальнаго равновѣсія движенія и покоя нѣтъ, да его и быть не можетъ, гдѣ есть жизнь и развитіе. Вездѣ и всегда были, есть и будутъ колебанія, склоняющія вѣсы то въ ту, то въ другую сторону, и они-то и составляютъ животрепещущій интересъ существованія. Бóльшее или меньшее преобладаніе городского или сельскаго элемента въ странѣ опредѣляетъ, такъ или иначе, весь его соціальный строй, независимо отъ степени культуры, которая имѣетъ свои законы развитія.

Все это давно подмѣтили и оцѣнили европейцы. Въ Германіи консервативная партія противупоставляетъ ненавистному ей городскому населенію либеральныхъ бюргеровъ и соціалистовъ-рабочихъ—сельское населеніе мужиковъ; одна изъ любимыхъ ихъ тэмъ—сочувственное отношеніе неограниченной монархической власти, даже австрійской въ Италіи, къ консервативному по своей натурѣ сельскому населенію. Эта власть,—говорятъ они,—ограждала сельчанъ отъ разлагающаго напора и хищничества горожанъ. Во Франціи приверженцы республики не разъ выражали сожалѣніе о томъ, что сельское населеніе было забыто республиканскимъ движеніемъ и отдано въ руки католическимъ попамъ. Въ странѣ, гдѣ политическая и общественная жизнь по преимуществу сложилась по городскому типу и развивалась горожанами, такое признаніе весьма знаменательно и показываетъ, до какой степени, даже тамъ, удержалось и сильно до сихъ поръ различіе горожанъ и сельчанъ. Въ Швейцаріи сохранились и понынѣ живые слѣды и воспоминанія объ антагонизмѣ между селомъ и городомъ. Крестьяне швейцарскихъ кантоновъ, образованныхъ по вѣнскому трактату изъ земель, подвластныхъ Берну, до сихъ поръ питаютъ къ нему большое нерасположеніе. Въ базельскомъ кантонѣ, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, неудовольствіе мужиковъ, подвластныхъ городу Базелю, разрѣшилось войной и раздѣленіемъ кантона на двѣ части: го-

родскую Basel-Stadt и мужицкую Basel-Land, изъ которыхъ каждая имѣетъ особое управленіе. Такое же раздѣленіе существуетъ, если не ошибаемся, и въ кантонѣ Аппенцель. Но въ Европѣ, за очень малыми исключеніями, крестьянство затерто горожанами. Городской типъ и складъ тамъ преобладаютъ; по идеаламъ горожанъ созданы гражданское и политическое устройство и экономическій бытъ. Европейскій міръ, въ этомъ смыслѣ, есть дальнѣйшее развитіе греко-римскаго міра, который былъ по преимуществу міромъ городовъ и горожанъ. Напротивъ, русское государство есть, по преимуществу, міръ селъ и деревень. Городъ въ немъ никогда рѣзко не отличался отъ деревни и никогда не игралъ первенствующей роли.

Многіе убѣждены, что у насъ никогда не было самостоятельной культуры именно вслѣдствіе того, что ни одинъ изъ общественныхъ элементовъ, на которыхъ она покоилась въ древнемъ и новомъ европейскомъ мірѣ, — церковь, высшее владѣльческое сословіе, городской патриціатъ—не развились до политическаго значенія. Но въ правѣ ли мы дѣлать такіе рѣшительные выводы изъ фактовъ, которые подаютъ только поводъ къ вопросу? Всемірная исторія еще не кончилась; мы не знаемъ, какія новыя, небывалыя комбинаціи общественныхъ элементовъ она можетъ привести. Церковь, владѣльческіе классы, горожане внесли чрезвычайно много новаго въ развитіе человѣческаго рода, придали великимъ созданіямъ человѣческаго творчества по всѣмъ отраслямъ свой особенный характеръ и отпечатокъ. Одни сельчане были до сихъ поръ паріями рода человѣческаго, работали на другихъ, служили имъ подножіемъ и каріатидой. Заявлять себя они могли лишь случайно, отрывочно; но и по такимъ немногимъ заявленіямъ уже видно, что весь складъ сельскаго типа совсѣмъ другой, не похожій ни на одинъ изъ тѣхъ различныхъ складовъ, которые до сихъ поръ играли роль въ исторіи. Изъ этого мы, съ бо́льшимъ основаніемъ, можемъ заключить, что страна, въ которой типъ сельчанина выступитъ, наконецъ, какъ одинъ изъ факторовъ общественности, необходимо представитъ собою новую, своеобразную формацію, никогда еще небывалую, по той простой причинѣ, что никогда еще сельскій элементъ не служилъ, такъ сказать, камертономъ общественной и государственной жизни, не

былъ никогда центральнымъ фактомъ, опредѣляющимъ національные интересы. Почему бы такая національная комбинація не была возможна,—мы рѣшительно отказываемся понять. Не потому ли мысль о ней кажется нелѣпою, что мужикъ грубъ, пьетъ сивуху, живетъ подъ соломенной крышей, ѣстъ пушной хлѣбъ, ходитъ въ дерюгѣ и кожухѣ, носитъ лапти, что отъ него разитъ дегтемъ и лукомъ? Подобное соображеніе было бы ужъ черезъ-чуръ наивно! Не въ этомъ же заключается характеристика умственнаго и нравственнаго склада сельской массы. Въ Европѣ мужикъ далеко не таковъ, и у насъ культура его передѣлаетъ. Вспомнимъ, что̀ были, въ средніе вѣка, предки горожанъ, которые создали современную блестящую европейскую культуру, оттеревъ на задній планъ могущественную и гордую аристократію, смотрѣвшую на нихъ свысока, презрительно, называвшую ихъ «ротюрьерами». Внѣшнія формы, образованность, изящество—спутники довольства и приходятъ съ нимъ сами собою. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ особенномъ складѣ ума, чувствъ, въ углѣ зрѣнія, подъ которымъ человѣкъ смотритъ на окружающій міръ; а они у жителей селъ и деревень, при рѣзкомъ различіи городской и сельской жизни, не могутъ не быть иными, чѣмъ у горожанъ.

До какой степени городъ и деревня воспитываютъ различныхъ людей, видно даже на типахъ аристократій. Древняя римская и старинная англійская аристократія, обѣ сначала земскія, сельскія, рѣзко отличаются отъ городского и торговаго патриціата итальянскихъ республикъ, высшей французской буржуазіи и «хлопчато-бумажныхъ лордовъ» современной Англіи.

Скажутъ: почему же именно Россія должна явить міру невиданный и нигдѣ небывалый типъ сельскаго, деревенскаго государства? Не есть-ли это—утопія, праздная и вздорная фантазія не въ мѣру и не по заслугамъ раздутаго національнаго самомнѣнія? До сихъ поръ мы ничѣмъ не заявили себя міру: развѣ это даетъ намъ право считать себя способными, впослѣдствіи, когда-нибудь, выступить представителями новой общественной формаціи?

Что мы непремѣнно выступимъ въ такой роли, за это, разумѣется, никакъ нельзя поручиться. Если мы и впередъ будемъ

относиться къ себѣ такъ же неосмысленно, какъ до сихъ поръ, то гораздо вѣроятнѣе, напротивъ, что мы будемъ обойдены исторіей, и она разрѣшитъ задачи, поставленныя на очередь развитіемъ, въ какой-нибудь другой странѣ. Историческій процессъ ждать насъ, конечно, не станетъ. Какъ въ общественной жизни, такъ и въ исторіи, правъ только тотъ, кто дѣйствуетъ во-время; а кто сидитъ сиднемъ и фантазируетъ, тотъ обходится и забывается безъ всякой жалости. Мы утверждаемъ только, что въ насъ есть данныя для разрѣшенія этой новой задачи, для осуществленія въ дѣйствительности новой комбинаціи общественныхъ элементовъ. На это, кромѣ статистическихъ фактовъ, есть не мало указаній и въ нашемъ отдаленномъ и ближайшемъ прошедшемъ.

Самый, на нашъ взглядъ, поразительный, это—московское государство. Что такое оно было въ сравненіи съ сильнымъ, славнымъ и богатымъ «великимъ господиномъ Новгородомъ»? Вотъ городъ лицомъ къ лицу съ первой грубой и неуклюжей формаціей мужицкаго царства на русской почвѣ. И оно, это царство, а не городъ взяло верхъ, послѣ долгой и тяжкой борьбы. Новгородъ былъ обезсиленъ чернымъ народомъ, который ходилъ жаловаться въ Москву: ему не было житья отъ городскихъ патриціевъ. Въ Псковѣ смердамъ тоже стало отъ нихъ не въ мочь: за все княженіе Ивана III они жаловались, что патриціи украли у нихъ какую-то грамоту.

Царствованіе двухъ Іоанновъ, послѣдняго изъ Рюриковичей, Бориса Годунова и смутное время далеко еще не разъяснены и ждутъ критической разработки; но уже по тому, что выяснено, можно съ нѣкоторою вѣроятностью догадываться, что за весь этотъ длинный, тяжкій, кровавый періодъ, рѣшался вопросъ о томъ, идти ли намъ, въ устройствѣ нашихъ внутреннихъ порядковъ, путемъ, которымъ шли другіе народы, особливо ближайшіе наши западные и сѣверные сосѣди, или намъ суждено создать новый общественный складъ. Что передъ двумя Іоаннами, III и IV, носились идеалы особенной общественной формаціи, на это есть въ томъ, что мы уже знаемъ, недвусмысленныя указанія. Крестьянство смѣшало этихъ двухъ государей въ своихъ воспоминаніяхъ и прославляло подъ однимъ именемъ. Ихъ замыслы далеко опередили время, въ которое они жили; послѣ-

дующая исторія показала, что то были лишь смутныя чаянія, инстинкты, выразившіеся, по тогдашней низкой культурѣ, въ самой грубой и дикой формѣ. Но та же послѣдующая исторія объясняетъ и смыслъ загадочныхъ событій XV и XVI вѣка.

Что притянуло къ намъ Малороссію? Казацкая старшина, если не вся, то значительная ея часть, склонялась своими привычками и сочувствіями къ Польшѣ: но чернь тяготѣла къ Москвѣ; она произвела слитіе обѣихъ странъ въ одно государство.

На нашихъ глазахъ волненія въ западной Россіи и Польшѣ прекратились только съ устройствомъ и обезпеченіемъ крестьянъ.

До 1861 года наше призваніе и роль въ исторіи могли еще заслоняться обманчивымъ видомъ крѣпостного права и построенныхъ на немъ учрежденій; но теперь ихъ уже ничто больше не заслоняетъ. Если мы ихъ и теперь не умѣемъ разглядѣть, то потому только, что не умѣемъ или не хотимъ вдуматься въ смыслъ исторіи и явленій современной жизни. Факты неудержимо и безповоротно направляютъ насъ на путь, указываемый главнымъ, основнымъ условіемъ нашего соціальнаго существованія. Колеблясь ступить на этотъ путь твердо и сознательно, гоняясь за призраками, мы, въ ущербъ себѣ и нашимъ драгоцѣннѣйшимъ національнымъ интересамъ, только теряемъ даромъ время и, какъ показалъ горькій опытъ, плодимъ экономическія и нравственныя бѣдствія, съ которыми такъ трудно бороться.

Разбродъ мыслей, отсутствіе цѣлей въ жизни, умственная и нравственная дряблость, и ихъ всегдашніе спутники—страсть къ наживѣ и растлѣніе, парализующія въ зародышѣ всѣ лучшія и благороднѣйшія стремленія, овладѣли нами, давятъ насъ, только потому, что мы не видимъ и не понимаемъ нашей задачи, не знаемъ, на чемъ сосредоточиться, около чего сгруппироваться, въ чемъ искать національныхъ интересовъ. Стоитъ понять, въ чемъ они заключаются, и наши силы перестанутъ бродить наугадъ, разсѣяваться въ тщетныхъ попыткахъ. Направленныя къ одной цѣли и задачѣ, онѣ оживутъ, осмыслятся и сольются въ одно стройное цѣлое. Мы вянемъ, оттого что не знаемъ, куда идти. И какъ намъ это узнать, когда мы сами себя обманываемъ, на мѣсто дѣйствительныхъ фактовъ ставимъ фантазіи и не вникая въ дѣйствительныя явленія, перетолковываемъ ихъ по

нашей личной прихоти. Не обременяя себя задачей приладить нашу жизнь и дѣятельность къ тѣмъ условіямъ, которыя опредѣляютъ нашу національную физіономію, мы расплываемся въ общностяхъ и отвлеченностяхъ, кому какъ вздумается. Въ громадной сплошной деревнѣ, какова Россія (за исключеніемъ лишь ея оконечностей, имѣвшихъ свою исторію), можно встрѣтить всевозможныя воззрѣнія, но очень рѣдко тѣ, на которыя наталкиваетъ самый складъ русской жизни. На самыхъ разнообразныхъ поприщахъ дѣйствуютъ у насъ по большей части люди, не имѣющіе о деревнѣ ни малѣйшаго понятія, знающіе ее только по слухамъ да по доходамъ, которые она даетъ, или которыхъ не высылаетъ. Прислушайтесь къ тому, что зачастую говорится въ нашихъ образованныхъ и предержащихъ слояхъ о деревнѣ и ея обитателяхъ: это—какая-то нескладная амальгама ошибочныхъ представленій о русскихъ фактахъ, съ дурно понятыми выводами европейской науки и европейскаго опыта, нелѣпая смѣсь нижегородскаго съ французскимъ. И эта помѣсь незнанія съ фантазіей обращается у насъ въ регулятивъ и норму дѣйствительной жизни, служитъ мѣриломъ правильности или неправильности воззрѣній!

Смутное чувство нашей національной особенности, не осмысленное, не возведенное въ національный принципъ, ищетъ ее въ языкѣ и вѣрѣ, и мы истощаемся въ усиліяхъ водворить ихъ въ нашихъ окраинахъ. Но все наше прошедшее и недавнія событія въ Польшѣ и западномъ краѣ доказываютъ съ поразительной убѣдительностью, что тайна пріобщенія окраинъ къ русской жизни и государственному единству лежитъ не въ языкѣ и вѣрѣ, а въ обезпеченіи и упроченіи быта сельскаго населенія, численно преобладающаго во всѣхъ нашихъ провинціяхъ. Это мы до сихъ поръ безсознательно несли и несемъ съ собою всюду, и это надо возвести въ сознательный принципъ русской политики, предоставя каждому вѣрить чему онъ хочетъ и говорить на языкѣ или нарѣчіи, на какомъ говорили его отцы и дѣды, не огорчая никого въ томъ, что составляетъ самое интимное, самое присное въ жизни и бытѣ каждаго человѣка.

Многіе, пожалуй, увидятъ въ такомъ взглядѣ отреченіе отъ европейской культуры, насажденной у насъ съ такими усиліями

и пожертвованіями. Но мы хотѣли бы знать, что̀ общаго имѣетъ съ культурой тотъ или другой національный строй или складъ? Культура, какъ и наука, вѣра, торговля, промышленность, свобода—достояніе всего міра, космополитичны по своему существу; только формы ихъ, смотря по времени, степени развитія и обстоятельствамъ, различны. Чтобъ имѣть право считать сельскій складъ общественной и государственной жизни несовмѣстимымъ съ культурой, надо напередъ доказать, что есть вообще какой-нибудь складъ или строй, съ которымъ она не можетъ ужиться; а этого-то и нельзя никакъ доказать. Видѣть же въ указаніи на преобладающій русскій національный интересъ проповѣдь зипуна, лаптей и курной избы могутъ только любители низкопробнаго остроумія, съ которыми мы спорить не станемъ.

Но насмѣшки—Богъ бы съ ними! Всего хуже то, что тѣ, которые считаютъ крестьянскій вопросъ центральнымъ русскимъ вопросомъ, нужды, потребности и устройства крестьянства—важнѣйшимъ національнымъ русскимъ интересомъ, были зачислены въ ярые демократы, въ разрушители государственныхъ основъ, въ опасные революціонеры, словомъ, въ «красные», по жаргону еще недавно очень распространенному въ извѣстныхъ слояхъ,—и лишены всякой возможности объясниться. Что же, однако, есть справедливаго въ такихъ обвиненіяхъ?

Формулируются эти обвиненія такъ: народныя массы въ Европѣ составляютъ элементъ безпокойства, волненія и разрушенія. Отъ нихъ плохо спится и правительствамъ, и образованнымъ, достаточнымъ классамъ. Вы, говорятъ намъ, считаете народныя массы нашимъ первенствующимъ національнымъ интересомъ. Кто же вы, какъ не демократы и революціонеры?

Выше мы старались показать, что вся эта аргументація покоится на самомъ странномъ смѣшеніи словъ и понятій. Подъ безпокойными народными массами въ Европѣ разумѣютъ безземельныхъ рабочихъ и пролетаріевъ, которые, дѣйствительно, составляютъ элементъ броженія и готовую армію недовольныхъ своимъ положеніемъ. Да и было бы странно, если-бъ они были имъ довольны и спокойны. Но у насъ подъ народными массами разумѣются осѣдлые крестьяне, которые въ самой Европѣ считаются спокойнѣйшимъ и консервативнѣйшимъ слоемъ обще-

ства, нисколько не похожимъ на классъ рабочихъ. Это доказывается тѣмъ, что вся партія консерваторовъ, юнкеровъ и піэтистовъ въ Пруссіи, группировавшаяся около «Крестовой газеты», съ особенною любовью говоритъ о крестьянствѣ; а крестьяне въ цѣломъ мірѣ поразительно сходны между собою, не смотря на частныя, мѣстныя и этнографическія различія. Они представляютъ особый соціальный типъ, какъ дворяне, духовные, чиновники, городскіе рабочіе, военные, купцы, ремесленники. Какимъ же образомъ сторонники крестьянства, признаваемые въ Европѣ за консерваторовъ, могутъ въ одной Россіи считаться демократами и революціонерами? Гг. Скарятинъ и Фадѣевъ, бывшіе сотрудники и вдохновители «Вѣсти» и имъ подобныхъ изданій, никогда не касались этого вопроса. А жаль, было бы интересно послушать, какъ они его разрѣшаютъ.

Исторія, правда, представляетъ не мало примѣровъ крестьянскихъ бунтовъ «безсмысленныхъ и безпощадныхъ» со всѣми признаками расходившейся стихійной силы. Таковы были крестьянскія войны въ Германіи, казацкіе и крестьянскіе бунты въ Малороссіи во времена польскаго владычества, пугачевщина у насъ, жакеріи во Франціи, аграрныя движенія въ Ирландіи. Но противъ кого и когда бывали такіе бунты?—противъ владѣльцевъ земли, когда они гнетомъ и вымогательствами доводили крестьянъ до послѣдней крайности и остервенѣнія. Гракхи, отстаивавшіе права ихъ на государственныя земли, которыя патриціи присвоили исключительно себѣ, не были врагами государства, не потрясали никакихъ основъ. Ихъ неудача отдала Римъ въ руки тріумвировъ и цесарей.

Надо, впрочемъ, и то сказать: въ Европѣ, сто лѣтъ тому назадъ, горделивое и презрительное отношеніе высшихъ классовъ къ низшимъ было понятно и отчасти извинительно. Высшіе классы были тамъ двигателями и создателями культуры и не проходили черезъ опыты, которые у насъ подъ глазами. У насъ же высшія сословія—очень недавняго происхожденія, никакой культуры не создавали, а взяли изъ Европы готовую, да и то не самую ея суть, а одну внѣшнюю ея обстановку. Оттого, весь общественный строй у насъ совершенно иной, чѣмъ въ Европѣ, и взаимныя отношенія разныхъ слоевъ общества совсѣмъ иныя.

У насъ желать, чтобъ, подъ обманчивымъ и лицемѣрнымъ предлогомъ несуществующаго просвѣщенія и едва нарождающейся культуры, сельское населеніе не было осуждено на безъисходное невѣжество, нищету, безправіе и безпомощность, еще не значитъ быть врагомъ образованія и поборникомъ невѣжества, всего менѣе значитъ быть демократомъ и революціонеромъ; ибо перенесеніе на слои русскаго народа названій аристократіи, буржуазіи, демократіи не имѣетъ никакого смысла; самыя роли консерваторовъ и прогрессистовъ распредѣлились у насъ какъ разъ наоборотъ съ тѣмъ, какъ думаютъ Скарятины, Фадѣевы и ихъ сторонники. У насъ консерваторы—это народныя массы, а движеніе, испоконъ вѣка, сосредоточивалось въ верхнихъ наслоеніяхъ русскаго общества. Только относительно крѣпостного права консерваторами являются владѣльческіе классы; но вѣдь не въ этомъ же смыслѣ Скарятинъ съ товарищемъ выдавали себя за консерваторовъ, а насъ за демократовъ. Недоразумѣніе тутъ очевидно; а сколько бѣдъ у насъ изъ-за него произошло—и сказать нельзя! Было ли оно результатомъ горестной ошибки или сознательной мистификаціи,—въ томъ и другомъ случаѣ будущій историкъ нашего времени оцѣнитъ его по достоинству. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ, когда мы больше узнаемъ себя и свою исторію, едва повѣрятъ, что была когда-нибудь возможна наша теперешняя, обычная логика. Выхватить фактъ изъ русской жизни, окрестить его европейскимъ именемъ и, въ силу того понятія, которое соединяется съ этимъ именемъ въ Европѣ, судить и рядить о самомъ фактѣ—вотъ чѣмъ мы усердно занимались до сихъ поръ. Этотъ пріемъ такъ въ насъ въѣлся, что мы иначе почти и не умѣемъ разсуждать. Мы лелѣемъ, любимъ, призываемъ нашими желаніями или отталкиваемъ отъ себя съ ужасомъ, отвращеніемъ и страхомъ—фантомы, созданные воображеніемъ, грезимъ на яву. А насъ еще называютъ реалистами. Какіе мы реалисты: мы —просто дѣти!

Теперь русская печать, не смотря на различіе взглядовъ и направленій, снова принялась съ замѣчательнымъ единодушіемъ за разработку крестьянскаго вопроса. Встрѣчающіяся изрѣдка разномыслія касаются обыкновенно частностей, или же возникаютъ вслѣдствіе недоразумѣній, которыя, мы въ этомъ убѣж-

дены, скоро будутъ разъяснены и устранятся. О крестьянскомъ вопросѣ нѣтъ и не можетъ быть въ русской печати двухъ мнѣній; могутъ быть только оттѣнки, изъ-за которыхъ враждовать не приходится. Всѣ, кому дороги судьбы и интересы русскаго государства и народа, очень хорошо знаютъ и понимаютъ, что отъ экономическаго, умственнаго и нравственнаго состоянія четырехъ пятыхъ народонаселенія зависитъ весь нашъ бытъ. Въ какомъ положеніи находятся крестьяне, въ такомъ будутъ и образованные классы. Зажиточность и богатство послѣднихъ обусловливается достаточностью первыхъ. Мысль, что для владѣльцевъ выгоднѣе бѣдные мужики, чѣмъ богатые, потому что они дешевле нанимаются въ работу, не можетъ же быть возведена въ государственный принципъ. Невѣжество крестьянъ, ихъ грубость, отсутствіе у нихъ потребностей образованной жизни гибельно отражается на ходѣ и развитіи нашей производительности и промышленности, и на состояніи всей нашей гражданственности; нельзя и исчислить, сколько напрасныхъ издержекъ мы изъ-за одного этого несемъ, сколько силъ у насъ только изъ-за этого тратится и пропадаетъ даромъ. Общая польза всѣхъ и всего государства находится, въ этомъ отношеніи, въ прямомъ противорѣчіи съ узко-эгоистическими, своекорыстными, хищническими, безсердечными и въ концѣ-концовъ близорукими и неразсчетливыми стремленіями многихъ, къ несчастію очень многихъ,—всѣми мѣрами мѣшать развитію крестьянства въ Россіи.

Сознаніе этихъ простыхъ истинъ, ясныхъ, какъ день, безспорныхъ какъ дважды два—четыре, начинаетъ мало-по-малу проникать во всѣ слои русскаго общества. Печальные опыты послѣднихъ лѣтъ доказали наглядно, самымъ дѣломъ, въ какія трущобы мы рискуемъ забрести, стараясь перемѣстить естественные, самой исторіей данные, элементы русской жизни и искусственно создать общественныя и политическія комбинаціи, для которыхъ у насъ нѣтъ условій ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ.

Повторяемъ: преобладающій въ Россіи общественный интересъ въ настоящее время и надолго еще впереди это — устройство крестьянъ. Къ этому важнѣйшему дѣлу должны быть направлены всѣ усилія правительства и общества.

II.

Какими мѣрами поднять упавшее благосостояніе крестьянъ? — вотъ, о чемъ крѣпко думаютъ у насъ теперь всѣ, хоть сколько-нибудь понимающіе наше внутреннее положеніе и тѣ бѣды, которыя должны на насъ обрушиться, если крестьянскій вопросъ не будетъ поставленъ и разрѣшенъ правильно.

Собираясь высказать нѣкоторыя мысли по этому предмету, мы должны напередъ оговориться.

Нѣтъ книжки журнала, нѣтъ нумера газеты, гдѣ-бы не говорилось о крестьянахъ и не предлагались мѣры для улучшенія ихъ быта. Въ теченіе послѣдняго года (1880 г.) высказано такимъ образомъ много очень дѣльнаго и толковаго. Мы думаемъ, что съ этой стороны вопросъ исчерпанъ, и сводъ всего, что высказано въ печати, представилъ-бы полную картину того, что предстоитъ дѣлать. Прибавить къ сказанному что-либо новое мы не беремся, да и не такова наша цѣль и задача. Теперь настало время подвести подъ предложенное итоги, сдѣлать изъ него общіе выводы, освѣщенные одною общею мыслью. Только это и заставило насъ взяться за перо, и мы будемъ счастливы, если изъ нашего обзора читатель составитъ себѣ ясное, отчетливое и полное общее понятіе о настоящемъ положеніи крестьянскаго дѣла въ Россіи и о томъ направленіи, въ какомъ желательно вести его далѣе. Само собою разумѣется, что въ настоящемъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о подробныхъ проектахъ необходимыхъ мѣропріятій. Насущная потребность—это выяснить точку зрѣнія на предметъ, относительно котораго всѣ мы, болѣе или менѣе къ сожалѣнію, все еще ходимъ въ туманѣ. Одинъ изъ нашихъ величайшихъ недостатковъ, отъ котораго мы наиболѣе страдаемъ, есть тотъ, что мы не умѣемъ связно думать. О каждомъ предметѣ мы, почти всегда, имѣемъ много очень вѣрныхъ превосходныхъ мыслей, но рѣдко когда мы даемъ себѣ трудъ сообразить ихъ вмѣстѣ. Оттого наблюденіе, до извѣстной степени, въ извѣстной мѣрѣ справедливое, выростаетъ въ нашей головѣ въ единственную и исключительную причину явленія или событія;

что есть другія наблюденія, освѣщающія и объясняющія предметъ съ другихъ сторонъ,—объ этомъ мы забываемъ, по лѣни или неумѣнью правильно думать. Между тѣмъ, вовсе не требуется особеннаго глубокомыслія, чтобъ понять, что всякое дѣйствительное, живое явленіе, каковъ, напримѣръ, постепенный упадокъ крестьянскаго хозяйства, есть всегда результатъ не одной какой-нибудь, а совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ или многихъ причинъ, почему и нельзя вызвать живое явленіе или ослабить и устранить его какой-нибудь одной мѣрой, а нужно для этого одновременное совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ или многихъ мѣръ, разсчитаныхъ на разныя его стороны, органически между собою связанныхъ и направленныхъ къ одной цѣли. Нельзя также ублажать себя розовой надеждой, будто какія-бы то ни было мѣры, будь онѣ наипревосходнѣйшія, могутъ сразу принести свой плодъ. И процвѣтаніе, и упадокъ благосостоянія и культуры, въ которыхъ выражается жизнь общества, всегда и всюду подготовляются исподволь, долгое время, какъ ростъ ребенка или развитіе болѣзни, и никакія манипуляціи не въ состояніи измѣнить органическихъ процессовъ жизни, которые совершаются съ извѣстною послѣдовательностью, въ извѣстной постепенности и требуютъ извѣстнаго времени. Продолжительность ихъ можно замедлить или ускорить, но невозможно вызывать или отклонять ихъ различныя фазы внезапно, какъ фигуры въ калейдоскопѣ. Эти простыя и несомнѣнныя истины, хорошо знакомыя всѣмъ практикамъ, многими у насъ слишкомъ часто забываются. Люди, не привыкшіе обращаться съ живыми явленіями, считаютъ хорошими только тѣ мѣры, которыя тотчасъ-же дѣйствуютъ, съ недовѣріемъ смотрятъ на то, что разсчитано на многіе годы, какъ на книжныя измышленія теоретиковъ и кабинетныхъ ученыхъ, о которыхъ отзываются свысока, какъ о чудакахъ, не имѣющихъ никакого чутья дѣйствительности. Благодаря такому исключительному довѣрію къ непосредственно-пригодному, которое, совершенно ошибочно, смѣшивается съ практически-полезнымъ, мы рѣдко заботимся о томъ, чтобъ овладѣть фактами и направить ихъ развитіе по нашей мысли, а относимся къ нимъ какъ-то страдательно. Вмѣсто того, чтобъ предупреждать ихъ, идти имъ на встрѣчу, мы только отъ нихъ от-

биваемся, когда они нас уже настигли, и надо что-нибудь сдѣлать, чтобъ не стать ихъ жертвою. Отгого жизнь почти всегда застаетъ насъ врасплохъ, неприготовленными, поражаетъ разными неожиданностями, противъ которыхъ мы оказываемся безоружными и безсильными. Жизнь насъ тащитъ за собой, а не мы ее устроиваемъ и направляемъ. Если такое къ ней отношеніе вообще невозможно, то тѣмъ болѣе—въ вопросѣ такой важности, какъ бытъ народныхъ массъ. Понадобятся не годы, а десятки лѣтъ настойчиваго, упорнаго кропотливаго труда и дружныхъ усилій правительства и общества, чтобъ побороть вредное дѣйствіе условій, мѣшающихъ теперь правильному, здоровому развитію нашего крестьянства. Какъ ни больно, а надо сознаться, что много времени упущено и, что вслѣдствіе того, зло пустило глубокіе корни. То, что было легко и просто двадцать лѣтъ тому назадъ, теперь стало несравненно труднѣе; тѣмъ необходимѣе приняться за дѣло скорѣе, не откладывая, чтобъ оно послѣ не сдѣлалось еще труднѣе.

Мѣры для улучшенія положенія крестьянъ должны обнимать всѣ стороны ихъ быта—матеріальную, умственную и нравственную. Было-бы большой ошибкой думать, что одно улучшеніе матеріяльныхъ условій въ состояніи поднять умственный и нравственный уровень крестьянъ, или, что одни уроки нравственности и грамотности могутъ повести ихъ къ матеріальному довольству. Нужно совокупное дѣйствіе и того, и другого. Если не зажиточность, то по-крайней мѣрѣ, безбѣдность есть, конечно, одно изъ необходимыхъ условій образованія и культуры; но одна достаточность и богатство къ нимъ еще не ведутъ. Это видно на умственномъ и нравственномъ состояніи тѣхъ слоевъ нашего же русскаго общества, которые не имѣютъ причины жаловаться на матеріальную нужду и лишенія. Но точно также одно умственное и нравственное развитіе, вопреки довольно распространенному у насъ мнѣнію, еще не ведетъ къ матеріальному благосостоянію Въ дѣйствительности, все находится въ тѣснѣйшей взаимной связи, особливо въ быту народныхъ массъ, живущихъ непосредственною жизнью; у нихъ чувство, мысль и матеріальные факты связаны между собою несравненно тѣснѣе, чѣмъ у развитыхъ и образованныхъ людей. Вотъ почему мы убѣждены,

что улучшеніе быта крестьянъ станетъ у насъ возможнымъ лишь съ той минуты, когда мѣры для поднятія ихъ экономическаго положенія, ихъ умственнаго и нравственнаго уровня, поведутся дружно, рядомъ, поддерживая и дополняя другъ друга. Безъ этого ни одна изъ нихъ не приведетъ къ предположенной цѣли и не подвинетъ крестьянскаго дѣла впередъ.

Послѣ этихъ необходимыхъ оговорокъ, обратимся къ обзору мѣръ, необходимыхъ для экономическаго, умственнаго и нравственнаго развитія крестьянства въ Россіи.

Въ ряду причинъ видимаго упадка крестьянскихъ хозяйствъ прежде и чаще всего указываютъ на малоземелье. Это указаніе подало поводъ къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ, взаимнымъ обвиненіямъ и заподозрѣніямъ самаго тяжкаго свойства. Благодаря имъ, простой и совсѣмъ безобидный экономическій вопросъ перенесенъ въ сферу политики, причисленъ къ разряду подозрительныхъ и опасныхъ, и долгое время былъ исключенъ изъ числа вопросовъ, подлежащихъ печатному обсужденію. Даже и теперь, когда условія печати все-таки не такъ неблагопріятны, какъ были еще недавно, вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи все еще считается однимъ изъ самыхъ щекотливыхъ, даже тѣми, кто на малоземельи крестьянъ не строитъ воздушныхъ замковъ благополучія среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ.

Постараемся освободить вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи отъ искаженій, которымъ онъ подвергся въ глазахъ правительства и публики благодаря полемическимъ преувеличеніямъ, незнанію и своекорыстнымъ разчетамъ, и привести его къ тѣмъ размѣрамъ и къ тому простѣйшему виду, какіе онъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ.

Прежде всего, не надо забывать, что вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи имѣетъ большую важность только для земледѣльческаго населенія. Тамъ, гдѣ главный мѣстный промыселъ крестьянъ—не земледѣліе и не одна изъ отраслей сельскаго хозяйства, а промышленность переработывающая, хотя-бы самая первобытная и грубая, тамъ вопросъ о размѣрахъ крестьянскаго владѣнія не имѣетъ особенной важности; а такихъ мѣстностей, какъ извѣстно, у насъ не мало. Мы говоримъ о разныхъ видахъ кустарнаго промысла, которымъ крестьяне занимаются на мѣс-

тахъ, у себя дома. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ такъ-называемыми отхожими промыслами, которые, во всей почти нечерноземной полосѣ Россіи, обыкновенно составляютъ занятіе земледѣльцевъ. Въ отхожіе промыслы отправляются члены семействъ, подростки, безъ которыхъ хозяева могутъ обойтись при обработкѣ земли, и сами хозяева, когда полевыя работы окончены и дома дѣлать нечего. Такимъ образомъ, отхожіе промыслы служатъ полезнымъ и выгоднымъ подспорьемъ къ земледѣлію. Ихъ развитіе является результатомъ естественнаго желанія крестьянъ не тратить даромъ времени и заработать лишнюю копѣйку въ свободное отъ земледѣлія время. Отхожіе промыслы несомнѣнно играютъ у насъ на Руси не очень видную роль въ развитіи культуры посреди крестьянъ. Что бы ни говорили про развращеніе нравовъ, которое, по отзывамъ старыхъ людей, идетъ рука объ руку съ уходомъ на сторону, нельзя отрицать, что такія занятія расширяютъ кругозоръ крестьянъ, вносятъ въ захолустья не одинъ развратъ, а также и правильные взгляды и привычки болѣе развитаго гражданскаго быта.

Впрочемъ, такіе хорошіе плоды приносятъ отхожіе промыслы только тогда, когда служатъ подспорьемъ къ земледѣлію. Если же одна нужда гонитъ крестьянъ изъ дому и не манитъ назадъ, отхожіе промыслы развиваютъ только безцѣльное бродяжество и скитаніе; люди теряютъ при такомъ условіи осѣдлость и постепенно обращаются въ проходимцевъ, готовыхъ на все. Изъ этого слѣдуетъ, что заработки на сторонѣ могутъ и хорошо, и дурно вліять на крестьянъ, поднимаютъ ихъ благосостояніе, или въ конецъ разрушаютъ ихъ бытъ, смотря по тому, хорошо или дурно крестьянамъ живется на мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости; послѣднее же, у земледѣльческаго населенія, всегда зависитъ отъ условій и пространства землевладѣнія. Каковы же, спрашивается, условія землевладѣнія у нашихъ крестьянъ-земледѣльцевъ? На этотъ вопросъ нельзя отвѣчать вообще. Мѣстами они хороши, мѣстами только удовлетворительны; мѣстами же плохи, или даже очень плохи. Этого, конечно, не рѣшатся отрицать самые предубѣжденные поборники теперешняго положенія крестьянскаго землевладѣнія. Крестьянъ, получившихъ въ даръ четвертные надѣлы, считается болѣе 600 т. душъ. Эта цифра не даетъ, однако,

твердаго основанія для какихъ-либо выводовъ. Она, во-1-хъ, обнимаетъ и земледѣльческое, и не-земледѣльческое населеніе; во-2-хъ, данныя ревизіи, бывшей двадцать лѣтъ тому назадъ, не даютъ возможности опредѣлить отношенія народонаселенія къ землѣ въ настоящее время; въ-3-хъ, въ составъ надѣла входятъ и усадьбы съ огородами и коноплянниками и лѣса, и выпуски; сколько изъ этого пространства находится собственно подъ пашней,—объ этомъ нѣтъ свѣдѣній, а они-то и были бы необходимы для разрѣшенія вопроса о достаточности или недостаточности надѣловъ для земледѣлія. Какъ велико число малоземельныхъ, можно судить уже по тому, что въ 8-ми центральныхъ губерніяхъ, изслѣдованныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, надѣловъ въ 1 и 2 десятины считается 21%; а если къ нимъ причислить надѣлы въ 3 дес., равняющіеся теперь, съ умноженіемъ населенія, 2-хъ-десятиннымъ, то получится 17%, или 1.740,871 душъ.

Нельзя не замѣтить, что вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи ставится у насъ, къ сожалѣнію, весьма неправильно—и не столько изслѣдуется и обсуждается, сколько служитъ поводомъ и предлогомъ для борьбы партій. Есть у насъ не мало людей, которые убѣждены, что имѣй крестьяне земельные надѣлы достаточнаго пространства, крупные и средніе землевладѣльцы остались бы безъ рабочихъ рукъ. Иные идутъ еще дальше и строятъ всѣ свои сельско-хозяйственные разсчеты на крестьянскомъ малоземельи. Эти разсуждаютъ такъ: отъ недостатка земли крестьяне приходятъ въ нищету и готовы, по необходимости, наниматься въ работу чуть ли не изъ-за куска хлѣба, а намъ это съ руки; кромѣ того, недостатокъ земли вынуждаетъ крестьянъ нанимать у сосѣднихъ владѣльцевъ необходимые для нихъ земельные участки на очень выгодныхъ для помѣщиковъ условіяхъ; стало быть, для послѣднихъ малоземелье крестьянъ полезно. Опровергать тѣхъ, которые на чужомъ горѣ и чужой бѣдѣ строятъ свое благополучіе, конечно, не стоитъ; во всякомъ случаѣ, государство не можетъ сообразоваться съ такими взглядами, ни брать ихъ въ основаніе своихъ мѣропріятій. Вопросъ, дѣйствительно заслуживающій внимательнаго разсмотрѣнія и изслѣдованія, заключается въ томъ, въ самомъ ли дѣлѣ крупныя и среднія хозяйства не могутъ держаться при хорошемъ состояніи мелкихъ?

Особенная важность этого вопроса заключается не столько въ его сельско-хозяйственной, технической сторонѣ, сколько въ общественномъ и культурномъ значеніи у насъ правильно поставленныхъ и хорошо веденныхъ большихъ и среднихъ хозяйствъ.

Оставляя въ сторонѣ политическія соображенія и ограничиваясь одною экономическою и культурною стороною дѣла, нельзя не замѣтить, что благоустроенныя большія и среднія хозяйства, разсѣянныя по всей странѣ, могутъ стать, при правильномъ и добросовѣстномъ веденіи дѣла хозяевами, могущественнымъ и благотворнымъ орудіемъ для поднятія благосостоянія и развитія образованія между крестьянами. Каждое хозяйство открываетъ мѣстному населенію близкій рынокъ для сбыта произведеній и для выгодныхъ заработковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественный культурный центръ, откуда полезныя знанія и привычки болѣе зрѣлой гражданственности проникаютъ въ народныя массы. Пока такихъ центровъ у насъ не будетъ, до тѣхъ поръ трудно ожидать поднятія экономическаго, умственнаго и нравственнаго уровня нашего крестьянства, разбросаннаго на такомъ громадномъ пространствѣ. Легкостью и удобствомъ близкаго заработка эти центры только и могутъ если не прекратить, то хоть значительно ослабить и уменьшить теперешнія, чуть-чуть не поголовныя отлучки, иногда на многіе годы, всего взрослаго сельскаго мужского населенія не-черноземныхъ губерній, представляющія, какъ мы видѣли, рядомъ съ выгодными и многія существенно невыгодныя и вредныя стороны. Благоустроенные, хозяйственные и промышленные пункты могутъ удержать сосѣднее рабочее населеніе на мѣстахъ, по близости отъ семействъ, и замѣнить отдаленные культурные центры, гдѣ простой народъ не только образуется, но и развращается.

При такой громадной важности средняго и крупнаго землевладѣнія, бо́льшей у насъ, чѣмъ въ какой-либо другой европейской странѣ, естественно возникаетъ вопросъ: можетъ ли оно удержаться при нѣкоторой степени благосостоянія и довольства рабочаго земледѣльческаго населенія? У насъ онъ до сихъ поръ многими рѣшался отрицательно. Этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется, почему интересы крестьянъ, со времени освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, были въ совершенномъ прене-

бреженіи и забросѣ. Въ ихъ зажиточности и довольствѣ многіе видѣли помѣху развитію устроенныхъ, цвѣтущихъ среднихъ и крупныхъ хозяйствъ, необходимыхъ для блага страны. Иначе нельзя себѣ объяснить того почти систематическаго устраненія всего, чтó въ какомъ бы то ни было отношеніи могло содѣйствовать экономическому благосостоянію крестьянъ и поднятію между ними образованія. Если эта наша догадка справедлива, — а другого сколько-нибудь разумнаго объясненія того, чтó у насъ дѣлалось въ теченіе двадцати лѣтъ по отношенію къ крестьянскому вопросу, нельзя придумать,—то мы, по несчастію, сдѣлались жертвою самаго горестнаго недоразумѣнія и совершеннаго незнанія крестьянъ вообще и нашихъ въ особенности. По нагляднымъ, живымъ примѣрамъ благоустроенныхъ среднихъ и крупныхъ хозяйствъ, какія намъ случалось видѣть и какихъ, къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ такъ мало, мы утверждаемъ, что зажиточность и довольство сосѣднихъ крестьянъ для такихъ хозяйствъ ни мало не опасны; напротивъ, чѣмъ крестьянство зажиточнѣе и образованнѣе, тѣмъ бóльшаго процвѣтанія и развитія могутъ достигать расположенные посреди него хозяйственные и промышленные пункты. Думать, что одна достаточность крестьянъ лишитъ хозяина, заводчика, фабриканта, возможности имѣть нужное количество рабочихъ рукъ, есть одно изъ самыхъ странныхъ предубѣжденій. Когда на мызу, фабрику или заводъ не идутъ рабочіе изъ сосѣднихъ крестьянъ, — это вѣрный признакъ, что тому есть какія-нибудь особенныя причины, не имѣющія ничего общаго съ матеріальною обезпеченностью сельскаго населенія.

Какъ бы ни былъ богатъ крестьянинъ, онъ никогда не упуститъ случая заработать лишній грошъ; таковы его нравы, его складъ ума. Къ тому же, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ крестьянскихъ хозяйствахъ, какъ бы они ни были щедро надѣлены землей, всегда есть подростки и залишнія рабочія силы, которыя крестьянинъ охотно пускаетъ въ дѣло и работу по сосѣдству, если только живетъ съ сосѣдомъ въ добромъ согласіи. Это извѣстно всякому, кто присматривался къ крестьянскому быту. Въ то время, когда одни владѣльцы не могутъ нанять жнецовъ ни за какія деньги, другіе, въ той же мѣстности, въ самую горячую рабочую пору, получаютъ ихъ, сколько нужно, изъ сравни-

тельно зажиточныхъ крестьянскихъ семействъ за обыкновенную мѣстную рабочую плату.

Намъ возразятъ, что опытъ двадцати лѣтъ, прошедшихъ со времени освобожденія крестьянъ, доказываетъ невозможность существованія среднихъ и крупныхъ хозяйствъ рядомъ съ мелкими крестьянскими, даже при недостаточности земельныхъ надѣловъ крестьянъ. Въ подтвержденіе сошлются на извѣстный всѣмъ фактъ, что въ теченіе этого времени большинство помѣщичьихъ хозяйствъ почти повсемѣстно пришли въ упадокъ и отчасти перешли въ другія руки, между прочимъ, въ руки мелкихъ землевладѣльцевъ. Но указывающіе на это несомнѣнное, весьма печальное, явленіе забываютъ объяснить, при какихъ условіяхъ, въ какой обстановкѣ оно совершилось и продолжаетъ совершаться, а это существенно измѣняетъ смыслъ, который ему обыкновенно приписываютъ. Огромное большинство помѣщиковъ не были приготовлены къ веденію хозяйствъ коммерческимъ образомъ, безъ крѣпостного труда; денежные капиталы, вырученные чрезъ выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, а впослѣдствіи полученные подъ залогъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ, употреблены большею частью не на переустройство хозяйствъ сообразно съ новыми обстоятельствами, а частью на уплату прежнихъ долговъ, частью на разныя траты, непроизводительныя для хозяйствъ. Самое же главное и прискорбное то, что большинство помѣщиковъ не могли или не умѣли помириться съ прекращеніемъ крѣпостного права и необходимостью начать жить съ бывшими крѣпостными какъ съ свободными и равноправными сосѣдями. Разстроенныя свои дѣла большинство старалось по возможности поправить разными экономическими прижимками крестьянъ и рабочихъ и тѣмъ значительно ухудшили прежнія, и безъ того не совсѣмъ дружелюбныя, отношенія, вытекавшія изъ крѣпостной зависимости. Эти обстоятельства, а не надѣлъ крестьянъ землей, привели помѣщичьи хозяйства къ упадку. Тѣ, къ сожалѣнію не многія изъ нихъ, которыя благополучно пережили крестьянскую реформу и находятся въ болѣе или менѣе хорошемъ положеніи, наглядно доказываютъ совмѣстимость среднихъ и крупныхъ хозяйствъ съ мелкими. Съ бо́льшимъ распространеніемъ сельско-хозяйственныхъ знаній, съ развитіемъ образованія и гражданственности между

крестьянами и владѣльцами, и съ умноженіемъ населенія, возможность совмѣстнаго существованія тѣхъ и другихъ необходимо замѣнится взаимнымъ ихъ тяготѣніемъ другъ къ другу, взаимною между ними связью, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ будетъ становиться тѣснѣе, такъ-какъ интересы тѣхъ и другихъ не противуположны, а солидарны. Но, скажутъ намъ, удобно и умѣстно ли теперь касаться вопроса о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ? Не усилитъ ли это разные нелѣпые толки въ сельскомъ населеніи? Не будетъ ли это на руку сѣятелямъ смутъ? Не будь такихъ толковъ, или будь недостаточность крестьянскихъ надѣловъ тайной, мы, пожалуй, тоже сочли бы за лучшее, до поры до времени, вовсе не касаться этого вопроса. Но именно при теперешнихъ обстоятельствахъ обходить его, значило бы приписывать ему опасность, которой онъ, безъ покрова таинственности, вовсе не имѣетъ и не можетъ имѣть. Недостаточность, во многихъ мѣстностяхъ, крестьянскаго земельнаго надѣла ни для кого не тайна. Объ этомъ говорятъ люди практическіе — помѣщики, купцы, духовные, чиновники, которыхъ трудно подозрѣвать въ разрушительныхъ идеяхъ, а что касается нелѣпыхъ толковъ крестьянъ, то они питаются и поддерживаются дѣйствительнымъ, крайнимъ недостаткомъ земли у многихъ крестьянскихъ обществъ и совершенно безвыходнымъ ихъ положеніемъ. Пользуясь этимъ, сосѣдніе землевладѣльцы нерѣдко немилосердно и близоруко возвышаютъ арендныя платы за свои земли до баснословныхъ цѣнъ, а правительство не только отказываетъ крестьянамъ въ какой бы то ни было помощи и содѣйствіи къ переселенію на свободныя казенныя земли, но, напротивъ, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, всѣми мѣрами затрудняло его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно происходило само собою. Министерство государственныхъ имуществъ отдавало свои оброчныя статьи въ содержаніе разнымъ промышленникамъ, отъ которыхъ крестьяне получали ихъ за непомѣрно возвышенную арендную плату, и раздавало множество государственныхъ земель, удобныхъ для поселенія, частнымъ лицамъ въ собственность даромъ, или за ничтожную плату. Доведенные до совершенной крайности и отчаянія, крестьяне и фантазируютъ. При такихъ обстоятельствахъ заглушать и заминать вопросъ о недостаточности земельныхъ

крестьянскихъ надѣловъ, значило бы только раздувать его до чудовищныхъ размѣровъ. Тѣ, которые считаютъ этотъ вопросъ щекотливымъ, попадаютъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Разсуждать о малоземельи многихъ крестьянъ, говорятъ намъ, не слѣдуетъ, изъ опасенія, чтобъ это не подало повода къ превратнымъ толкамъ и химерическимъ надеждамъ. Подъ этимъ предлогомъ вопросъ о малоземельи оставляется безъ разрѣшенія; но благодаря этому, зло ростетъ изъ года въ годъ, и подъ конецъ превращается въ цѣлое народное бѣдствіе, которое и порождаетъ вздорные толки. Чтобъ ихъ прекратить, надо, напротивъ, прямо и смѣло поставить вопросъ о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и обдумать, какъ ее устранить: тогда всѣ толки прекратятся, и, какъ было во время отмѣны крѣпостного права, крестьяне, видя, что правительство вошло въ ихъ положеніе, станутъ терпѣливо ждать рѣшенія. Теперешнее положеніе выгодно только для распространителей ложныхъ слуховъ и для тѣхъ, кто извлекаетъ изъ него свои пользы. Имъ, конечно, желательно продолжить теперешнее положеніе дѣлъ на неопредѣленное время, какъ можно дольше, и потому они искусно смѣшиваютъ трезвый и спокойный взглядъ знающихъ и мыслящихъ людей, указывающихъ на зло и необходимость положить ему конецъ,—съ бредомъ, вымученнымъ у части крестьянъ тяжелымъ ихъ положеніемъ, и тѣмъ навлекаютъ на всѣхъ, разсуждающихъ объ этомъ предметѣ, подозрѣніе въ политической неблагонамѣренности.

Очевидно, съ вопросомъ о малоземельи крестьянъ происходитъ у насъ теперь то же самое, что двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ происходило съ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ. Тогда, точно также, считалось крайне опаснымъ для государства обсуждать его; всѣ, указывавшіе на необходимость покончить съ крѣпостнымъ правомъ, считались утопистами, вредными мечтателями, питавшими, въ глубинѣ души, недобрые замыслы. Но логика вещей взяла свое. Пришлось приняться за этотъ вопросъ, и когда онъ сталъ обсуждаться въ комитетахъ, коммиссіяхъ и въ печати, тотчасъ же всѣ умы успокоились, крестьянскіе бунты, число которыхъ до тѣхъ поръ изъ года въ годъ росло, совсѣмъ прекратились, и переходъ къ новому порядку

совершился мирно и спокойно. Попытки замять вопросъ о малоземельи крестьянъ только обострили его и повели къ распространенію безсмысленныхъ толковъ, къ возбужденію ложныхъ надеждъ и ожиданій, гораздо болѣе вредныхъ для землевладѣльцевъ, чѣмъ своевременная правильная постановка дѣла. Какъ извѣстно, знаменитое циркулярное объявленіе одного изъ бывшихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто того, чтобъ успокоить умы, только подлило масла въ огонь. Мало дальновидности показали и дворянскія, и земскія собранія, тщательно обходя вопросъ о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ; ибо отъ дѣйствительнаго факта нельзя ни отмолчаться, ни отчураться заклинаніями: съ нимъ надо считаться, вывести его на свѣтъ Божій, обслѣдовать безъ страха со всѣхъ сторонъ и, введя этимъ его дѣйствіе въ должныя границы, сдѣлать его безвреднымъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьёзно отрицать, что если не во всѣхъ, то въ очень многихъ мѣстностяхъ имперіи земледѣльческое населеніе крайне нуждается въ землѣ, потому ли, что ея отведено слишкомъ мало, или что она совсѣмъ или бо̀льшею частью вовсе негодна для полевого хозяйства. Этой части земледѣльческаго населенія необходимо помочь, необходимо дать возможность пріобрѣсти совершенно необходимое количество земли вдобавокъ или въ замѣнъ той, которою теперь владѣетъ. Весь вопросъ въ томъ, какъ, какимъ образомъ помочь и въ какой мѣрѣ? Къ сожалѣнію, вопросъ объ оказаніи помощи крестьянамъ по увеличенію ихъ землевладѣнія ставится у насъ какъ-то слишкомъ неопредѣленно и обще, что̀ его запутываетъ—и увеличиваетъ и безъ того не малыя трудности его рѣшенія. Приступая къ этому вопросу, необходимо, прежде всего, дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, чего же именно мы хотимъ.

Доставить вообще крестьянамъ возможность пріобрѣсти въ собственность побольше земель? — Но такая задача была бы и ошибочна, и невыполнима. Государство не можетъ поставить себѣ цѣлью вообще усиливать крестьянское землевладѣніе. Не говоря уже о томъ, что никакихъ средствъ не хватило бы на достиженіе такой неопредѣленной цѣли,—государство не можетъ ею задаться. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія—не дѣло государства и правительства, а самихъ крестьянъ, ихъ трудолюбія

и бережливости. Въ планы государства не можетъ входить поощреніе крестьянскаго землевладѣнія на счетъ средняго или крупнаго, уже потому, что, какъ мы видѣли, послѣднія необходимы не менѣе мелкаго для правильнаго развитія сельско-хозяйственной и вообще всякой культуры страны. И такъ, вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія сводится собственно къ доставленію крестьянамъ-землѣдѣльцамъ возможности пріобрѣсти земельные надѣлы или увеличить ихъ въ томъ только случаѣ, когда они или вовсе не имѣютъ удобной для обработки земли, или имѣютъ, но, очевидно, слишкомъ мало для сноснаго существованія. Государство можетъ и должно предохранить землѣдѣльческое населеніе отъ совершеннаго упадка и разоренія вслѣдствіе недостаточности земельныхъ надѣловъ. Это вполнѣ входитъ въ его задачи и виды.

Многіе возражаютъ и противъ такой постановки вопроса, находя заботу объ увеличеніи крестьянскихъ надѣловъ ненужной, безполезной и невозможной. Ненужна она, по ихъ мнѣнію, потому, что если государству слѣдуетъ озаботиться о земельныхъ надѣлахъ крестьянъ, то ему же слѣдуетъ озаботиться о томъ же и относительно другихъ сословій, нерѣдко столько же нуждающихся, какъ и крестьяне. Она безполезна потому, что удовлетворитъ нуждамъ крестьянъ только на время: съ приростомъ населенія придется прибѣгать къ ней снова, и такъ далѣе, пока, наконецъ, дополнять крестьянскіе надѣлы окажется невозможнымъ по недостатку земли. Самая мысль доставить крестьянамъ недостающее имъ количество земли несбыточна. Развѣ гдѣ-нибудь возможно, чтобъ всѣ имѣли въ своемъ владѣніи столько земли, сколько нужно, хотя бы только для удовлетворенія самыхъ неотложныхъ потребностей?

Какъ эти возраженія ни кажутся, съ перваго взгляда, вѣскими, почти неотразимыми, но они вертятся на важныхъ недоразумѣніяхъ, которыя необходимо выяснить, ибо они затемняютъ дѣло и переносятъ вопросъ на почву, ему вовсе не свойственную.

Представить себѣ такое общество, гдѣ каждый имѣетъ довольно земли для безбѣднаго прокормленія съ нея себя съ семействомъ, значитъ просто-на-просто фантазировать. Въ дѣйствительности, не можетъ быть общества, въ которомъ всѣ кормились

бы отъ земли, т.-е. были бы поголовно земледѣльцами. Кромѣ того, какъ бы государство ни было богато землей, въ немъ, рано или поздно, должна наступить минута, когда отъ прироста населенія земледѣльцамъ станетъ тѣсно, и они вынуждены будутъ измѣнить способы земледѣлія, чтобъ съ того же пространства получать больше произведеній. Поэтому, когда возбуждается вопросъ о малоземельи крестьянъ и о средствахъ ему помочь, рѣчь идетъ вовсе не объ идеальномъ снабженіи всѣхъ и каждаго землею, ни о постоянномъ расширеніи крестьянскихъ пашень, по мѣрѣ увеличенія народонаселенія. Задача несравненно проще и скромнѣе: надо доставить той части населенія, которая теперь кормится отъ земли, возможность имѣть ее въ крайне необходимомъ количествѣ и удобную для воздѣлыванія. Есть ли вообще такая возможность или нѣтъ? Если она есть, то какими способами доставить землю нуждающимся въ ней крестьянамъ?—вотъ ближайшіе, практическіе вопросы, къ которымъ, въ концѣ-концевъ, сводится вся задача, выдаваемая, одними по незнанію, другими не безъ заднихъ мыслей, за опасную утопію, навѣянную соціальными и коммунистическими теоріями. Еслибъ такая задача оказалась возможной и удалось ее разрѣшить, то непосредственнымъ результатомъ было бы не всеобщее, поголовное надѣленіе всѣхъ землею, а упроченіе теперешняго быта сельскаго населенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно занимается земледѣліемъ. Послѣдствія этого были бы благотворныя, не только вообще для государства и общества, но и въ особенности для самихъ крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Съ упроченіемъ быта земледѣльцевъ окрѣпла бы ихъ осѣдлость, и приростъ населенія вызвалъ бы необходимость постепеннаго перехода къ лучшимъ пріемамъ земледѣлія, немыслимымъ при теперешней наклонности къ бродяжеству, которая питается и поддерживается больше всего неблагопріятными условіями земледѣльческаго быта, въ особенности же малоземельемъ. Разъ этотъ бытъ будетъ хоть сколько-нибудь упроченъ и обезпеченъ, около сельскаго населенія станетъ лѣпиться и кормиться много бездомнаго и безземельнаго люда, деревенскихъ ремесленниковъ, рабочихъ и служащихъ, въ которыхъ сельчане нуждаются не меньше помѣщиковъ и горожанъ. Избытокъ населенія, по мѣрѣ его увеличенія, шелъ

бы на потребности сосѣднихъ крупныхъ и среднихъ хозяйствъ, такъ-какъ прочно-осѣдлое земледѣльческое населеніе, имѣющее какой-нибудь достатокъ, неохотно и не отъ радости сердца посылаетъ своихъ подростковъ въ далекіе и рискованные отхожіе промыслы; его вынуждаетъ къ тому одна лишь нужда. Когда есть работа по близости, крестьянинъ, въ большинствѣ случаевъ, предпочитаетъ держать сына, внука, племянника по близости, у себя на глазахъ, зная по опыту и изъ примѣра сосѣдей, что внѣ надзора, за глазами, молодые парни забалтываются. Одно малоземелье гонитъ земледѣльцевъ въ дальніе края за заработкомъ и превращаетъ ихъ мало-по-малу въ бродягъ, отучая отъ дома и семьи. Если у большинства крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ сосѣдніе крестьяне не ищутъ заработковъ, то это, почти всегда, вина первыхъ, а не послѣднихъ.

Намъ, можетъ быть, возразятъ, что каждый самъ лучше знаетъ, какъ ему удобнѣе устроиться; что государству и обществу въ это вмѣшиваться не слѣдуетъ. Но такое возраженіе, какъ и многія другія, требуетъ ближайшаго разъясненія. Государству и обществу, конечно, не слѣдуетъ насильно навязывать людямъ то, что̀ оно считаетъ для нихъ наилучшимъ. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но также несомнѣнно, что общество и государство не могутъ сложить съ себя заботы о тѣхъ, кто по чему-либо самъ не въ состояніи устроиться. Имъ государство и общество должны придти на помощь, и нѣтъ въ исторіи примѣра, чтобъ пренебреженіе этой заботой и этой обязанностью прошло даромъ. Девизъ манчестерской школы, что каждый долженъ пещись о себѣ безъ посторонней помощи, совершенно справедливъ, когда силы борющихся одинаковы; но когда онѣ не равны, на государствѣ и обществѣ лежитъ обязанность поддержкою болѣе слабыхъ уравновѣсить шансы борьбы, для пользы и блага всѣхъ. Внѣ государства и общества безразлично, кто одержитъ верхъ; страдаютъ одни побѣжденные, но это ихъ дѣло. Въ устроенномъ же сожительствѣ людей побѣда однихъ элементовъ надъ другими, нарушеніе равновѣсія силъ, есть бѣдствіе, несчастіе, грозящія опасностью всей общественности и всѣмъ ея составнымъ элементамъ, потому что здѣсь всѣ они находятся между собою въ органической связи. Государство и общество для того и суще-

ствуютъ, чтобъ уравновѣшивать общественные элементы и интересы. Для того и стѣсняются болѣе или менѣе всѣ, чтобъ всѣмъ было возможно-хорошо. Отнимите у государства и общества это значеніе, и самое ихъ существованіе теряетъ смыслъ. Вотъ, почему во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, съ понятіемъ о государствѣ и обществѣ неразрывно связывалось понятіе о защитѣ и поддержкѣ тѣхъ, кто не въ состояніи самъ себя отстаивать въ жизненной борьбѣ; только примѣнялось это понятіе неодинаково у разныхъ народовъ и въ разныя эпохи, потому что взглядъ на общество и государство не сразу опредѣлился, а постепенно развивался, выяснялся, совершенствовался, какъ все на свѣтѣ. Въ древнемъ мірѣ несовершеннолѣтніе, умалишенные и женщины были поставлены подъ защиту опеки, имѣвшей публичный характеръ. Въ новомъ мірѣ вмѣшательство государства и общества въ борьбу частныхъ интересовъ чрезвычайно усилилось и продолжаетъ расширяться на нашихъ глазахъ, все глубже и глубже проникая въ ежедневный бытъ людей и захватывая постепенно всѣ его стороны, въ малѣйшихъ подробностяхъ.

Самое поразительное подтвержденіе этого факта представляетъ Великобританія,—классическая страна индивидуальной самостоятельности, почина и невмѣшательства государства въ экономическое развитіе страны и борьбу частныхъ интересовъ. Практичность англичанъ, ихъ отвращеніе къ отвлеченностямъ и общимъ политическимъ и соціальнымъ теоріямъ вошли въ пословицу; а между тѣмъ, этихъ въ высшей степени практическихъ людей сама жизнь, сама необходимость вынудила мало-по-малу допустить и узаконить вмѣшательство государства во взаимныя отношенія фабрикантовъ и нанимаемыхъ ими для фабричной работы дѣтей и женщинъ, въ школьное дѣло, регулировать улучшеніе почвы для земледѣлія, опредѣлить закономъ общественную благотворительность, отношенія между лэндлордами и фермерами въ Ирландіи, выкупить изъ частныхъ рукъ желѣзныя дороги. Вмѣшательство государства, какъ посредника въ борьбѣ частныхъ интересовъ, для согласованія ихъ съ пользами всѣхъ, выказывается въ самой Великобританіи все чаще и чаще, развивается ежегодно и доказываетъ наглядно, что не однѣ отвлеченныя политическія и экономическія теоріи, а сама практика, сама еже-

дневная жизнь вынуждают государство и общество играть, волей-неволей, такую роль. Та же Великобританія живымъ примѣромъ доказываетъ и ту неоспоримую истину, что нарушеніе существенныхъ интересовъ земледѣльческихъ массъ не проходитъ государству даромъ, что оно производитъ болѣзненныя явленія въ жизни цѣлаго общества и, въ концѣ-концовъ, падаетъ тяжкимъ бременемъ на тотъ слой общества, который, повидимому, воспользовался такимъ нарушеніемъ въ свою пользу. Подъ предлогомъ развитія и усовершенствованія сельскаго хозяйства, у мелкихъ земледѣльцевъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, всѣми правдами и неправдами обобраны земли, которыя сосредоточились въ рукахъ немногихъ, крупныхъ и среднихъ землевладѣльцевъ. Сельское хозяйство отъ этого, правда, много выиграло; выиграли также много промышленность и торговля, такъ-какъ народныя массы должны были, чтобъ прокормиться съ семьями, отдать свой трудъ на службу переработывающей и торговой промышленности, или выселиться изъ родины въ чужія страны. Но, что изъ этого вышло? Число бѣдныхъ, требующихъ призрѣнія и помощи, такъ усилилось, что забота о нихъ, превышая средства, удѣляемыя частною благотворительностью, выросла въ общественное дѣло, потребовала общественнаго расхода, покрываемаго обязательнымъ, тяжелымъ налогомъ, который падаетъ на людей достаточныхъ. Они теперь должны удѣлять изъ своего кармана, періодически, значительную сумму, какъ-бы въ вознагражденіе того, что̀ сдѣлано ихъ предками въ нарушеніе интересовъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Имущіе должны теперь, за близорукій своекорыстный разсчетъ предковъ, содержать на свой счетъ потомковъ тѣхъ, которые когда-то были обижены. Таковы послѣдствія старой неправды въ Англіи и Шотландіи. Теперь они все еще сносны, пока масса рукъ заняты фабричнымъ и торговымъ дѣломъ. А что будетъ, когда Великобританія потеряетъ теперешнее первенствующее значеніе въ промышленности и торговлѣ, — что̀ рано или поздно, а непремѣнно должно случиться, по мѣрѣ ихъ развитія въ другихъ странахъ и колоніяхъ? Тогда это искусственно созданное и геніально поддерживаемое общественное зданіе, если оно не будетъ кореннымъ образомъ перестроено, должно разрушиться, ибо паллятивъ обязательной обще-

ственной благотворительности и ежегодное переселеніе, почти равняющееся по размѣрамъ естественному приросту населенія, окажутся уже далеко недостаточными для противудѣйствія органическому пороку всего соціальнаго строя. Въ Ирландіи этотъ порокъ сказался уже теперь вполнѣ ясно и опредѣленно, потому что здѣсь преобладаетъ земледѣліе, и нѣтъ того громаднаго развитія промышленности и торговли, которое въ Англіи, и Шотланіи скрадываетъ ужасы быта, построеннаго на обезземеленіи мужиковъ.

Спрашивается: какимъ образомъ помочь малоземелью нашихъ крестьянъ? Мѣры для этого давнымъ-давно указаны нашею періодическою печатью. Но прежде, чѣмъ ихъ разсматривать, скажемъ, для избѣжанія всякихъ инсинуацій и заподозриваній,— которыя теперь въ такомъ ходу,—что мы въ принципѣ отвергаемъ всякую мысль о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія съ нарушеніемъ правъ другихъ землевладѣльцевъ, вообще отвергаемъ какія бы то ни было принудительныя мѣры, такъ-какъ онѣ, устраняя сегодня одно зло, завтра производятъ еще худшее чтó дѣлаетъ всѣ вообще права шаткими. Вопреки добросовѣстнымъ и недобросовѣстнымъ увѣреніямъ многихъ, мы утверждаемъ, что и въ самомъ сельскомъ населеніи мысль о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія на счетъ другихъ владѣній далеко не такъ распространена, какъ иные думаютъ, хотя и несомнѣнно, что сельскій людъ не питаетъ въ большинству землевладѣльцевъ и помѣщиковъ особеннаго благорасположенія. Наконецъ, точно съ такою же полною увѣренностью мы утверждаемъ, что какъ только будутъ приняты серьёзныя и рѣшительныя мѣры къ улучшенію земельнаго положенія крестьянъ, всѣ нелѣпые, раздуваемые страхомъ толки тотчасъ же падутъ сами собою, и самое нерасположеніе къ помѣщикамъ, о которомъ мы говорили, съ ослабленіемъ теперешняго экономическаго гнета съ ихъ стороны, смѣнится равнодушіемъ къ нимъ. Только не надо отлагать разрѣшенія вопроса въ долгій ящикъ, не надо доводить теперешняго положенія до крайности.

Обратимся теперь къ мѣрамъ, какими можно и должно пособить малоземелью крестьянъ.

Какихъ именно крестьянъ слѣдуетъ считать малоземельными?—

Вотъ первое, что представляется при обсужденіи этого вопроса: ибо только имъ слѣдуетъ придти на помощь; прочимъ должно быть предоставлено самимъ, собственными средствами, пополнить недостатокъ земли, если они найдутъ, что у нихъ ея мало.

Опредѣлить, какой надѣлъ признать, въ различныхъ мѣстностяхъ, достаточнымъ, вообще чрезвычайно трудно. О произведеніи, съ этою цѣлью, особаго изслѣдованія нечего и думать: оно по необходимости затянулось бы на многіе десятки лѣтъ и все-таки не привело бы ни къ какимъ результатамъ, такъ-какъ наша сельско-хозяйственная жизнь находится еще въ младенчествѣ, условія ея далеко не установились и неизвѣстны, и потому, для достаточности или недостаточности надѣловъ, не выработано ещѐ общихъ, объективныхъ признаковъ. Каждый судитъ о ней по-своему, и въ массѣ различныхъ критеріевъ было бы не возможно разобраться и придти къ справедливымъ и для всѣхъ безобиднымъ заключеніямъ. Вотъ почему необходимо принять другое мѣрило достаточности землевладѣнія, болѣе простое, готовое, всѣмъ извѣстное и къ которому всѣ привыкли. За такое мѣрило должны быть приняты *высшіе* размѣры душевого надѣла, установленные по различнымъ мѣстностямъ имперіи Положеніями 19 февраля 1861 года для надѣленія землею помѣщичьихъ крестьянъ при освобожденіи ихъ изъ крѣпостной зависимости. Размѣръ землевладѣнія мы полагали бы опредѣлять не по наличному числу душъ мужескаго пола, а по числу *ревизскихъ душъ, приписанныхъ къ селенію съ правомъ на надѣлъ землею.* Гдѣ по такому исчисленію высшаго душевого надѣла земли недостаетъ, тамъ на пріобрѣтеніе *недостающаго количества* должно быть оказано селенію пособіе. Въ какомъ видѣ,—объ этомъ мы скажемъ ниже.

Такое рѣшеніе вопроса, какъ можно предвидѣть заранѣе, не удовлетворитъ весьма многихъ. Намъ замѣтятъ, что приростъ населенія съ 1861 года, во многихъ мѣстностяхъ, уже обратилъ въ дѣйствительности высшій надѣлъ въ средній или даже въ низшій, соразмѣрно съ количествомъ наличныхъ душъ; что нормы, установленныя Положеніями 19-го февраля, не свободны отъ ошибокъ и во многихъ случаяхъ болѣе или менѣе уменьшены сравнительно съ дѣйствительною потребностью въ земельномъ

надѣлѣ; что наконецъ нельзя и не слѣдуетъ, при разрѣшеніи такого животрепещущаго вопроса, каковъ вопросъ объ обезпеченіи крестьянъ землею, руководствоваться другими соображеніями, кромѣ дѣйствительныхъ потребностей настоящаго времени, съ которыми то, что было двадцать лѣтъ тому назадъ, можетъ весьма существенно расходиться.

Признавая всю серьёзность этихъ доводовъ, мы, съ своей стороны, не можемъ съ ними согласиться по соображеніямъ, которыя въ настоящемъ дѣлѣ должны, какъ мы думаемъ, тоже играть рѣшительную роль. Объ одномъ изъ нихъ мы уже сказали выше: это—совершенная невозможность, въ короткое время, опредѣлить заново, на основаніяхъ точныхъ мѣстныхъ изслѣдованій, потребность въ землѣ для крестьянъ. Такая невозможность, какъ мы сказали, еще осложняется тѣмъ, что первобытная культура, до сихъ поръ исключительно господствующая у крестьянъ, не даетъ никакой точки опоры даже для приблизительнаго опредѣленія потребнаго количества земли при мало-мальски улучшенномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, которое одно и могло бы служить основаніемъ при соображеніяхъ по настоящему вопросу. Кромѣ того, мы никакъ не допускаемъ принципа, что по мѣрѣ умноженія народонаселенія долженъ быть увеличиваемъ и земельный крестьянскій надѣлъ. Очевидная нелѣпость такого принципа не требуетъ доказательствъ. Еслибъ, при громадномъ количествѣ впустѣ лежащихъ государственныхъ земель, и можно было, въ продолженіе нѣкотораго времени, надѣлять крестьянъ землею по мѣрѣ надобности, то и въ такомъ случаѣ принципъ обязательнаго надѣленія долженъ бы быть безусловно отвергнутъ, не только по тѣмъ фантастическимъ надеждамъ и воззрѣніямъ, которыя провозглашеніе такого принципа могло бы воспитать въ земледѣльческихъ массахъ, но потому въ особенности, что разсчетъ на полученіе новыхъ надѣловъ поощрилъ бы косвеннымъ образомъ крестьянъ оставаться при теперешнихъ безобразныхъ порядкахъ и способахъ пользованія землею, не заботясь объ улучшеніи земледѣлія.

Въ виду всего сказаннаго, мы смотримъ на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія какъ на мѣру временную, вызываемую не общими теоретическими или соціальными соображе-

ніями, а единственно настоящимъ положеніемъ извѣстной части крестьянъ-земледѣльцевъ. Она должна поправить и довершить дѣло раскрѣпощенія и положить на будущее время прочное основаніе развитію правильно устроеннаго класса земледѣльцевъ, въ которомъ мы такъ сильно нуждаемся. Какъ довершеніе крестьянской реформы, увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія должно примкнуть къ законоположеніямъ, создавшимъ у насъ классъ свободныхъ земледѣльцевъ, опираться на нихъ и быть лишь ихъ ближайшимъ осуществленіемъ и примѣненіемъ. Только въ такомъ видѣ вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія высвободится изъ туманной неопредѣленности общихъ соображеній и получитъ точную, легко опредѣлимую форму, необходимую во всякомъ практическомъ дѣлѣ. Гдѣ и сколько именно селеній нуждаются въ землѣ, сколько ея недостаетъ, какія мѣры и средства могутъ понадобиться для дополненія существующихъ надѣловъ,—все это, при подобной постановкѣ вопроса, можетъ быть весьма легко приведено къ точнымъ цифрамъ, которыя и послужатъ прочнымъ практическимъ основаніемъ для обсужденія соотвѣтствующихъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій. Мы предлагаемъ принять высшій размѣръ надѣловъ, установленный Положеніями 19-го февраля, за норму достаточнаго землевладѣнія на томъ основаніи, что двадцать лѣтъ спустя послѣ крестьянской реформы, душевые надѣлы, съ приростомъ населенія, почти вездѣ должны были уменьшиться, и въ дѣйствительности, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, крестьяне, даже при увеличеніи ихъ надѣловъ, имѣли бы въ своемъ владѣніи не полный, а средній надѣлъ.

Итакъ, мы полагаемъ необходимымъ оказать крестьянамъ со стороны государства пособіе на пріобрѣтеніе того количества земли, какого имъ теперь недостаетъ до высшаго размѣра по Положеніямъ 19-го февраля 1861 года и по числу *ревизскихъ* душъ.

Въ какомъ видѣ могло бы быть оказано пособіе?

Для этого представляются три способа, давно уже указанные съ разныхъ сторонъ: во-первыхъ, отводъ земель изъ сосѣднихъ незаселенныхъ казенныхъ земель и оброчныхъ статей; во-вторыхъ, пособіе со стороны казны на покупку земли крестьянами

по добровольному соглашенію съ частными владѣльцами, и наконецъ въ-третьихъ, добровольное переселеніе крестьянъ на свободныя государственныя земли съ пособіемъ отъ казны.

Первая изъ этихъ мѣръ—прирѣзка недостающей до полнаго надѣла земли изъ сосѣднихъ незанятыхъ казенныхъ земель и оброчныхъ статей—не только была бы полезна для крестьянъ, но и для самой казны. Это былъ бы самый простой и самый выгодный въ финансовомъ отношеніи способъ извлекать доходъ изъ государственныхъ имуществъ этого рода. Отдача государственныхъ земель въ содержаніе или оброкъ иногда за крайне низкія цѣны, съ отводомъ ихъ крестьянамъ, замѣнилась бы гораздо болѣе прибыльнымъ для казны взиманіемъ хотя бы умѣреннаго поземельнаго оброка, не говоря о косвенныхъ выгодахъ, какія казна и народное хозяйство извлекали бы изъ обращенія необитаемыхъ пространствъ въ населенныя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратилась бы необходимость въ управленіи розданными землями, центральномъ и мѣстномъ, что̀ въ свою очередь доставило бы казнѣ значительныя сбереженія. Но у насъ выгоды и невыгоды операцій съ казенными имуществами нерѣдко опредѣляются только по непосредственной цифрѣ доставляемыхъ ими доходовъ, и не обращается вниманія на расходы, необходимые для ихъ извлеченія; между тѣмъ, зачастую расходъ или равенъ доходу, или превышаетъ его, и вся операція, кажущаяся выгодной, на самомъ дѣлѣ или не приноситъ ничего, или одни убытки.

Гдѣ отводомъ дополнительныхъ надѣловъ нельзя пособить малоземелью крестьянъ, по недостатку казенныхъ земель и оброчныхъ статей, тамъ государство можетъ помочь крестьянамъ своимъ посредничествомъ при покупкѣ ими земель, по добровольнымъ сдѣлкамъ, отъ частныхъ землевладѣльцевъ. Согласно съ тѣмъ, что̀ сказано выше, эта мѣра можетъ относиться только къ тому пространству земли, которое будетъ прикупаться въ дополненіе къ существующимъ надѣламъ до высшаго ихъ размѣра, и притомъ не въ личную и частную собственность крестьянъ, а въ общую собственность селеній. При такихъ условіяхъ, участіе государства въ покупкѣ земель крестьянами будетъ поставлено въ точныя границы, въ которыхъ оно только и возможно, и не

расплывется въ общую, неопредѣленную помощь всѣмъ вообще крестьянамъ, желающимъ купить себѣ земли,—помощь невозможную, превышающую средства государства, и вдобавокъ, по нашему убѣжденію, ненужную. Государство можетъ и должно только помочь нуждѣ крестьянъ, а вовсе не призвано распространять крестьянское землевладѣніе вообще.

Мы не станемъ здѣсь останавливаться на томъ, какимъ именно образомъ государство можетъ оказать пособіе по прикупкѣ крестьянами частныхъ земель въ дополненіе къ своимъ надѣламъ, такъ-какъ этотъ предметъ требуетъ особыхъ финансовыхъ, юридическихъ и техническихъ соображеній. Готовый образчикъ есть въ правилахъ выкупной операціи, которыя полезно было бы упростить. Быть можетъ, окажется также возможнымъ нѣсколько удешевить кредитъ, открываемый государствомъ крестьянамъ.

Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда оба указанные способа пополненія крестьянскаго землевладѣнія до нормы окажутся невозможными, придется прибѣгнуть къ послѣднему, именно къ добровольному переселенію крестьянъ на свободныя государственныя земли, съ пособіемъ отъ казны.

Одной изъ самыхъ прискорбныхъ и крупныхъ ошибокъ управленія государственными имуществами, со времени оставленія его графомъ Киселевымъ, было безспорно то, что организація правильныхъ переселеній малоземельныхъ крестьянъ на свободныя государственныя земли съ пособіемъ отъ правительства была отмѣнена. Плодомъ заботъ графа Киселева былъ цѣлый кодексъ хорошо обдуманныхъ правилъ по этой важной отрасли государственнаго управленія,—кодексъ, который теперь вычеркнутъ изъ свода законовъ. Не будь сдѣлано этой капитальной ошибки, взгляни управленіе государственныхъ имуществъ на дѣло не съ узко фискальной и буржуазной, а съ русской государственной точки зрѣнія, продолжай оно дѣло, организованное талантливымъ и прозорливымъ министромъ,—и государство, и народное хозяйство, и финансы, были бы въ выигрышѣ, и мы бы не были теперь озабочены вопросомъ о малоземельи крестьянъ, не было бы неудовольствій между крестьянами и владѣльцами и никакого помину о нелѣпыхъ слухахъ въ народѣ. У насъ въ Россіи переселеніе малоземельныхъ крестьянъ на свободныя государствен-

ныя земли представляетъ, благодаря обширности пустыхъ пространствъ, ни съ чѣмъ несравнимое преимущество передъ всѣми европейскими государствами; но къ несчастію, пользоваться имъ мы не хотимъ или не умѣемъ. Переселеніе изъ густо населенныхъ мѣстностей въ ненаселенныя, или мало населенныя губерніи и области даетъ государству возможность обратить пустыни, особливо на окраинахъ, въ обитаемыя страны и тѣмъ окончательно и безповоротно сплотить ихъ съ государствомъ узами однороднаго населенія, которыя приращиваютъ области крѣпче и прочнѣе всякой географической границы и международныхъ трактатовъ. Кромѣ того, новыя поселенія, какъ мы уже замѣтили выше, лучшій способъ извлекать доходъ изъ государственныхъ земель, такъ-какъ никакія оброчныя статьи не дадутъ и не сберегутъ государству столько, сколько населенный край. Наконецъ, переселеніе, освобождая переполненную жителями мѣстность отъ избытка населенія и тѣмъ снимая съ нея тяжкое бремя нуждающихся и безполезныхъ людей и давая имъ полезное назначеніе въ другомъ мѣстѣ, гдѣ они нужны, открываетъ остающимся возможность расположиться просторнѣе и тѣмъ избавляетъ ихъ отъ вымучиваемыхъ нуждою отхожихъ промысловъ, которые, въ концѣ-концовъ, далеко не окупаютъ приносимой ими земледѣльческому населенію пользы. Эти соображенія величайшей государственной, финансовой и экономической важности заставляютъ желать скорѣйшаго возстановленія системы правильныхъ, организованныхъ переселеній крестьянъ и примѣненій ея въ возможно широкихъ размѣрахъ, конечно, съ тѣми измѣненіями правилъ, дѣйствовавшихъ при графѣ Киселевѣ, которыхъ требуютъ измѣнившіяся обстоятельства.

Признавая одною изъ настоятельнѣйшихъ потребностей настоящаго времени снова, и по возможности скорѣе, возвратиться къ этой мѣрѣ, мы, однако, считаемъ необходимымъ, для предупрежденія всякихъ недоразумѣній, оговорить, во-1-хъ, что выселеніе малоземельныхъ крестьянъ на новыя мѣста можетъ быть производимо не иначе, какъ по ихъ доброй волѣ и собственному усмотрѣнію; и во-2-хъ, что право на полученіе со стороны казны пособій на переселеніе должно быть предоставлено только тѣмъ изъ крестьянъ, выдворяющихся на новыя мѣста, которыхъ

переселеніе необходимо для надѣленія землею остающихся въ размѣрѣ не болѣе высшаго или нормальнаго надѣла. Въ этихъ видахъ необходимо было бы установить строгое различіе между *поощреніемъ* къ переселенію и *облегченіемъ возможности* переселиться.

Поощреніе состояло бы въ выдачѣ отъ казны пособій и дарованіи различныхъ льготъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Поощряемы къ переселенію должны быть малоземельные крестьяне только въ томъ случаѣ, когда инымъ способомъ нельзя доставить имъ нормальнаго земельнаго надѣла. Но затѣмъ, всѣмъ прочимъ крестьянамъ и лицамъ другихъ званій должна быть предоставлена только возможность селиться на свободныхъ государственныхъ земляхъ и облегчены способы поселенія на собственныя средства безъ пособій и льготъ отъ казны. Такое различеніе сразу поставило бы вопросъ о переселеніяхъ на практическую почву и дало бы возможность съ точностью опредѣлить размѣръ издержекъ, потребныхъ со стороны казны на это важное государственное дѣло. Каждый понимаетъ, что государство можетъ быть обременяемо расходами только на неотложныя потребности. Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда настоятельной нужды въ переселеніи нѣтъ, казнѣ не для чего на него тратиться: оно должно быть предоставлено тѣмъ, кто находитъ въ томъ свои выгоды и имѣетъ достаточныя средства для покрытія необходимыхъ на то расходовъ. По отношенію къ такимъ выселеніямъ государство должно лишь устранять препятствія, такъ-какъ въ его интересы не можетъ входить останавливать естественный отливъ населенія на свободныя земли. Такое облегченіе тѣмъ необходимѣе, что какъ бы ни были тщательны изслѣдованія о малоземельныхъ селеніяхъ, въ свѣдѣнія по этому предмету неизбѣжно вкрадутся ошибки; онѣ и будутъ исправлены на фактѣ облегченіемъ переселеній. Мало того: имъ исправятся, по крайней мѣрѣ отчасти, ошибки и неправильности по опредѣленію размѣра земельныхъ надѣловъ, допущенныя въ самомъ началѣ созданія свободныхъ крестьянъ и отвода имъ земель, и откроется крестьянамъ возможность разселиться какъ имъ удобнѣе.

Какъ бы, впрочемъ, переселеніе крестьянъ ни совершалось, съ пособіемъ или безъ пособій со стороны казны, оно, во вся-

комъ случаѣ, должно быть правильно организовано, а не предоставлено, какъ теперь, судьбѣ и всякаго рода случайностямъ.

Во-первыхъ, необходимо обдумать и опредѣлить мѣстности, которыя всего необходимѣе и желательнѣе заселить и куда, вслѣдствіе того, въ интересахъ государства должно быть направлено переселеніе. Вопросъ этотъ долженъ быть обсужденъ и рѣшенъ въ общихъ видахъ, какъ общій государственный, а не по министерствамъ и вѣдомствамъ, между которыми теперь подѣлены свободныя государственныя земли.

Во-вторыхъ, въ краяхъ и странахъ, куда рѣшено будетъ направить переселеніе, слѣдуетъ выбрать и указать, для колонизаціи, мѣста, дѣйствительно удобныя для поселенія и хлѣбопашества, тогда какъ теперь для переселенія иногда отводятся земли, вовсе не годныя, безводныя степи, въ которыхъ и колодцы рыть крестьянамъ не подъ силу, или и совсѣмъ нельзя добыть воды. До сихъ поръ лучшія земли отводились или даромъ, или за ничтожную плату частнымъ лицамъ и служащимъ, а подъ поселенія—худшія, тогда какъ въ интересахъ государства и въ видахъ общей пользы должно быть поступлено какъ разъ наоборотъ.

Въ-третьихъ, какъ на мѣстахъ, куда будетъ направлена колонизація, такъ и въ мѣстностяхъ откуда ожидаются переселенцы, должны быть устроены пункты, гдѣ послѣдніе могли бы получить всѣ необходимыя свѣдѣнія и объясненія, нѣчто въ родѣ справочныхъ конторъ, которыя относились бы къ запросамъ крестьянъ и ихъ «ходаковъ» съ участіемъ, внимательно, а не по примѣру «кувшинныхъ рылъ» и разнаго рода административныхъ «дантистовъ».

Въ-четвертыхъ, самое движеніе переселенческихъ партій, ихъ отправленіе, слѣдованіе по пути, до прибытія въ тотъ край, гдѣ они должны поселиться, слѣдуетъ правительству организовать возможно удобнымъ для переселенцевъ, образомъ, въ видахъ сбереженія времени, путевыхъ издержекъ, устраненія задержекъ и препятствій на пути. Для сопровожденія переселенческихъ партій должны быть назначаемы лучшіе люди, благорасположенные къ крестьянскому люду, внимательные къ его нуждамъ, вполнѣ добросовѣстные, опытные въ русскихъ житейскихъ дѣлахъ и знающіе

хорошо народныя привычки. Только такіе люди могутъ быть дѣйствительно полезны переселенцамъ въ пути, оказать имъ защиту и помощь въ разныхъ непредвидѣнныхъ случаяхъ и довести ихъ бережно и благополучно до мѣста назначенія.

Въ-пятыхъ, точно такіе же люди необходимы для принятія переселенческихъ партій на мѣстахъ, для отвода имъ мѣстъ поселенія, для сообщенія всѣхъ необходимыхъ въ новомъ мѣстѣ жительства свѣдѣній, для оказанія имъ на первыхъ порахъ, пока они еще не устроились и не обзавелись своимъ хозяйствомъ, необходимой защиты и помощи.

Въ-шестыхъ, время для переселенія должно быть выбрано съ такимъ разсчетомъ, чтобъ оставляющіе свою родину успѣли покончить безъ стѣсненія свои дѣла въ старой родинѣ, а прибывъ на новое мѣсто, могли прямо приняться за устройство своихъ жилищъ и хозяйства и, такимъ образомъ, сразу, безъ потери времени, вступить въ условія новаго существованія

Въ-седьмыхъ, безчисленныя канцелярскія и другія формальности, которыми теперь крестьянинъ, желающій переселиться, опутанъ съ ногъ до головы, и исполненіе которыхъ если не невозможно, то крайне для него разорительно и требуетъ многихъ мѣсяцевъ, а иногда и цѣлыхъ годовъ, должны быть или вовсе отмѣнены, или существенно облегчены и упрощены.

Въ-восьмыхъ, перечисленныя выше мѣры должны быть приняты относительно всѣхъ переселяющихся, какихъ бы то ни было званій, большими и малыми партіями; но поощряемымъ къ переселенію должны быть, сверхъ того, выданы необходимыя пособія на путевыя издержки и на первоначальное обзаведеніе на новыхъ мѣстахъ. Помощь эта можетъ быть оказана и деньгами, и натурою, какъ-то хлѣбомъ, строительнымъ матеріаломъ и т. п., и, наконецъ, льготами отъ податей и повинностей. Смотря по разстоянію мѣста водворенія отъ мѣста теперешняго жительства и другимъ обстоятельствамъ и условіямъ того края, куда направляется переселеніе, и помощь должна быть оказываема различнаго рода, почему ее и нельзя опредѣлить постоянными, точными, общими цифрами. Очень желательно, чтобы она была достаточна, т.-е. давала переселенцамъ возможность дойти до мѣста, водвориться и обзавестись хозяйствомъ, не нуждаясь въ

самомъ необходимомъ; и то только при такомъ условіи сразу же создается прочный благоустроенный бытъ переселенцевъ, а это выгодно отзовется на промышленности и торговлѣ, слѣдовательно, черезъ нихъ, и на возвышеніи доходовъ казны. Чрезмѣрная и неблагоразумная экономія въ этомъ случаѣ неминуемо отразится въ бѣдности переселенныхъ крестьянъ, и на поднятіе ихъ быта впослѣдствіи потребуется гораздо больше затратъ чѣмъ, сколько неразсчетливо сбережено въ началѣ. Словомъ, надо избѣгать, чтобъ дешевое не вышло на дорогое, какъ это у насъ слишкомъ часто случается и въ государственномъ, и въ частномъ хозяйствѣ.

Въ такомъ видѣ представляется намъ вопросъ о малоземельѣ крестьянъ, который, Богъ знаетъ почему, считается у насъ неудобнымъ, щекотливымъ и даже опаснымъ. Одно горестное непониманіе дѣла причиною, что около этого вопроса скопились преудивительныя и престранныя недоразумѣнія, и что онъ разсматривается и толкуется вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ его ставитъ сама жизнь. Пока мы между собою споримъ, взводя другъ на друга, по поводу этого вопроса, самыя вздорныя и нелѣпыя обвиненія и клеветы, зло ростетъ и можетъ, наконецъ, вырости въ нѣчто дѣйствительно опасное, но вовсе не потому, что оно обсуждается, а единственно оттого, что для его ослабленія ничего не дѣлается. Пора перестать надѣяться, что отъ дѣйствительнаго факта можно отмолчаться. Одни дѣти да страусы увѣрены, что нѣтъ опасности, которой они не видятъ. Вопросъ о крестьянскомъ малоземельи не имѣетъ ничего общаго съ соціалистическими и коммунистическими теоріями и можетъ быть разрѣшенъ, безъ малѣйшаго нарушенія чьихъ-либо правъ и законныхъ интересовъ, законодательными и административными мѣрами, полезными не только непосредственно для крестьянъ, но и для общества, и государства.

Доставить земледѣльцамъ поземельные надѣлы достаточныхъ размѣровъ и годные для обработки есть лишь начало дѣла, — первый шагъ, необходимая предпосылка по устройству ихъ быта. Вторая мѣра, столько же необходимая, безъ которой первая не принесетъ ожидаемой пользы, есть правильное устройство крестьянскаго владѣнія. Каждому, кто видалъ крестьянскій бытъ

вблизи, не разъ случалось наблюдать, что даже полные надѣлы и хорошаго качества отведены крестьянамъ такъ неудобно и не выгодно, что пользованіе ими почти невозможно или же сопряжено съ крайними затрудненіями. Во многихъ случаяхъ, устройство землевладѣнія ставитъ ихъ въ полную, чрезвычайно тягостную и разорительную зависимость отъ сосѣднихъ владѣльцевъ, большею частью отъ бывшихъ ихъ помѣщиковъ. Намъ лично извѣстны случаи отвода части пашенной земли крестьянамъ, при увольненіи ихъ изъ крѣпостной зависимости, за пятнадцать верстъ отъ селенія; гораздо чаще, почти вездѣ, допущена вредная черезполосность крестьянскихъ надѣловъ съ землями ихъ бывшихъ владѣльцевъ; нерѣдко надѣлы отведены такимъ образомъ, что господская земля подходитъ къ самому селенію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ положеніе крестьянъ самое тяжкое. Ни оберегать, ни обработывать пашни, находящейся въ далекомъ разстояніи отъ селенія, крестьяне внутреннихъ губерній не могутъ, и вынуждены отдавать ихъ въ наемъ; а это уменьшаетъ, болѣе или менѣе, и безъ того скудныя ихъ пашни. Черезполосица съ бывшими помѣщиками вынуждаетъ крестьянъ, во многихъ мѣстахъ, нанимать или арендовать у владѣльцевъ промежуточныя ихъ земли на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, только изъ того, чтобъ получить возможность спокойно пользоваться своею землею; а близкое сосѣдство господскихъ земель къ селеніямъ служитъ безконечнымъ источникомъ безпрестанныхъ неудовольствій, ссоръ и взаимныхъ претензій. Курица перескочила изъ деревни на землю помѣщика, овца, жеребенокъ, свинья забрели туда,—что при близкомъ сосѣдствѣ, небрежности крестьянъ и невозможности сторожить неизбѣжно и случается безпрестанно,—и начинается взысканіе произвольныхъ штрафовъ, тягостныхъ для крестьянъ; отношенія обостряются, переходятъ во взаимное недоброжелательство и вражду, которыя разрѣшаются нерѣдко «краснымъ пѣтухомъ», пущеннымъ въ хлѣбникъ, сѣнной сарай, домъ или другія строенія помѣщика. Прогонъ скота и лошадей черезъ помѣщичьи черезполосныя земли точно также служитъ источникомъ безконечныхъ взаимныхъ претензій, судбищъ, и въ послѣднемъ результатѣ крайне стѣсняетъ и разоряетъ крестьянъ.

Такія послѣдствія отвода крестьянскихъ надѣловъ безъ вся-

каго вниманія къ нуждамъ и польвамъ сельчанъ, хорошо извѣстны всѣмъ, кто знакомъ съ деревенскими дѣлами и порядками. У насъ теперь идутъ большіе толки о дурномъ состояніи земледѣлія у крестьянъ, о необходимости ввести въ ихъ полевое хозяйство травосѣяніе многопольную систему, объ умноженіи у нихъ скота и т. п., но о томъ, что ни то, ни другое, ни третье немыслимо при черезполосицѣ крестьянскихъ земель съ помѣщичьими, при разбросанности надѣловъ въ разныхъ, иногда отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ, при стѣснительномъ для крестьянъ очертаніи ихъ земли,—объ этомъ мало кто думаетъ. Прежде, чѣмъ говорить объ улучшеніяхъ крестьянскаго полеводства, надо сдѣлать ихъ возможными и выполнимыми, а первое условіе ихъ возможности есть сосредоточеніе крестьянскихъ пашень около селеній и прекращеніе черезполосицы. Надо, чтобъ всѣ крестьянскія пашни находились въ одной межѣ, непосредственно у селеній, и чтобъ къ послѣднимъ не примыкали въ упоръ господскія земли. Вмѣсто того, чтобъ этому всячески способствовать, чтобъ поставить округленіе крестьянскихъ пашенныхъ земель во главу угла благоустройства селеній, законъ не указываетъ къ тому никакихъ способовъ, кромѣ добровольнаго соглашенія, которое во многихъ случаяхъ, по весьма понятнымъ причинамъ, не можетъ состояться. Рѣдкій помѣщикъ захочетъ добровольно поступиться выгодами, которыя ему доставляетъ черезполосица и разбросанность крестьянскихъ земель. Мало того: Положенія 19-го февраля—совершенно непонятно, почему—лишили крестьянъ права требовать не только болѣе правильнаго и удобнаго отвода надѣловъ, но даже уничтоженія черезполосицы съ бывшими своими помѣщиками. Такимъ образомъ, по недосмотру въ законѣ и по ошибкѣ, допущенной въ Положеніяхъ 19-го февраля, теперешній порядокъ владѣнія надѣльной пашней, стѣснительный и разорительный для крестьянъ, ставящій ихъ въ тягостную хозяйственную зависимость отъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ и не допускающій никакихъ улучшеній крестьянскаго полевого хозяйства, грозитъ удержаться, вопреки желанію и волѣ крестьянъ, навсегда. Этимъ увѣковѣчивается источникъ серьёзнаго разлада между мелкими землевладѣльцами съ одной стороны, средними и крупными съ другой—разлада, который же-

лательно было бы всячески и скорѣе ослабить и похоронить, а не раздувать до ожесточенія и ненависти.

Какъ ни незначителенъ можетъ показаться съ перваго взгляда недостатокъ правильнаго устройства и округленности крестьянскихъ пашенъ, но мы по опытамъ, которые имѣли передъ глазами, убѣждены, что онъ, для упроченія крестьянскаго быта и благосостоянія, имѣетъ такое же, если даже не бо́льшее, значеніе, чѣмъ увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ. Причина та, что отъ недостатка надѣловъ страдаетъ лишь часть, и притомъ сравнительно небольшая, крестьянскихъ обществъ, тогда какъ неустройство крестьянскаго землевладѣнія у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ есть зло крайне распространенное, почти повсемѣстное, которое особенно гибельно отзывается на ихъ хозяйственномъ бытѣ и служитъ главною причиною ихъ недружелюбныхъ отношеній къ владѣльцамъ. Вотъ причина, почему мы считаемъ правильное устройство крестьянскаго землевладѣнія дѣломъ величайшей общественной и государственной важности. Необходимо съ нимъ покончить и притомъ не откладывая въ долгій ящикъ. Отведеніе крестьянскихъ владѣній къ однимъ мѣстамъ, около селеній, съ уничтоженіемъ черезполосицы, должно быть поставлено правительствомъ какъ принципъ государственнаго благоустройства и выражено въ видѣ обязательнаго требованія, которое слѣдуетъ и привести въ исполненіе въ опредѣленные, не слишкомъ продолжительные сроки. Сначала необходимо назначить срокъ для добровольныхъ сдѣлокъ и соглашеній, послѣ чего устройство крестьянскаго землевладѣнія, по требованію самихъ крестьянъ или помѣщиковъ, должно быть сдѣлано правительствомъ, по примѣру того, какъ оно поступало при составленіи уставныхъ грамотъ, при прекращеніи черезполосицы въ частныхъ владѣніяхъ, или, какъ опредѣляетъ законъ, при раздѣлѣ наслѣдства, или выдѣлѣ изъ общаго владѣнія, когда они не могутъ состояться по добровольному соглашенію заинтересованныхъ сторонъ. Важное съ государственной точки зрѣнія устройство крестьянскаго землевладѣнія, сложное и мелочное въ исполненіи, не только должно быть зрѣло обдумано въ цѣломъ и частяхъ, но необходимо заранѣе подготовить и обезпечить его скорое, добросовѣстное и умѣлое осуществленіе. Надо заранѣе подготовить личный составъ,

административный и межевой, который могъ бы привести дѣло къ желанному концу въ возможно короткое время; надо также значительно сократить и упростить излишнія и ненужныя формальности, издержки и проволочки, которыя теперь дѣлають размежеваніе равнозначительнымъ цѣлому бѣдствію и разоренію. У насъ обыкновенно надѣются обезпечить правильное примѣненіе закона множествомъ контролирующихъ инстанцій и сложными, мелочными формальностями; но этимъ цѣль не достигается, а создается новое зло, которое почти всегда хуже и тягостнѣе того, которое имѣлось въ виду отвратить. Правильнѣе было бы подрѣзать зло въ самомъ корнѣ—хорошимъ выборомъ людей. Рано или поздно мы должны будемъ къ этому придти; а въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, осторожный и умѣлый выборъ людей будетъ имѣть огромное, рѣшающее значеніе и для настоящаго, и для отдаленнаго будущаго.

III.

Съ дополненіемъ, гдѣ нужно, надѣловъ земледѣльцевъ и правильнымъ устройствомъ ихъ землевладѣнія должно идти рука объ руку болѣе точное и обдуманное опредѣленіе правъ земледѣльцевъ на отведенные имъ надѣлы. Въ основныхъ законоположеніяхъ, создавшихъ въ минувшее царствованіе классъ свободныхъ земледѣльцевъ въ Россіи, допущены были по этому предмету крупныя ошибки, а послѣдующее развитіе крестьянскаго дѣла, вмѣсто того, чтобъ ихъ исправить, только усугубило ихъ, подъ вліяніемъ одностороннихъ воззрѣній, свидѣтельствующихъ о непониманіи задачи и незнаніи быта нашего земледѣльческаго населенія.

Огромное большинство великорусскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ крѣпко держится до сихъ поръ за общинное землевладѣніе. Несмотря на то, что объ этой формѣ пользованія землею написано уже много, и она еще недавно была предметомъ горячей полемики, продолжающейся отчасти и теперь, мы все еще

недовольно ее знаемъ и понимаемъ. Причина заключается въ тѣхъ же глубокихъ недоразумѣніяхъ, которыми окружены всѣ важнѣйшіе русскіе вопросы. Недоразумѣнія эти до того переплетены съ разнаго рода задними мыслями и заподозриваніями, обратившимися у насъ въ хроническую болѣзнь, что отчаяваешься въ самой возможности когда-нибудь изъ нихъ выпутаться.

Глубокіе знатоки быта великорусскихъ и малороссійскихъ крестьянъ пришли къ такому заключенію: малороссіяне больше дорожили личной свободой, великоруссы—землей; оттого у первыхъ развилась личная поземельная собственность, у вторыхъ она не существуетъ и замѣняется общиннымъ землевладѣніемъ. Послѣдствіемъ было то, что въ Малороссіи есть безземельные крестьяне, и число ихъ ростетъ; а у великоруссовъ безземелье, при общинномъ владѣніи, является рѣдкимъ исключеніемъ.

Такъ дѣйствительно и было до отмѣны крѣпостного права.

Съ освобожденіемъ земледѣльческаго населенія отъ крѣпостной зависимости и административной опеки, естественно возникъ вопросъ: какая же форма землевладѣнія желательнѣе для упроченія и улучшенія быта земледѣльцевъ?

Огромное большинство нашихъ образованныхъ и мыслящихъ людей ставило и рѣшало этотъ вопросъ такъ, какъ онъ былъ поставленъ и рѣшенъ въ Европѣ. По этому взгляду, общинное землевладѣніе есть непреодолимая преграда для развитія гражданской и экономической свободы, для успѣховъ земледѣльческой производительности и правильнаго сельскаго хозяйства, наконецъ, для установленія правомѣрныхъ отношеній между людьми. Общинное землевладѣніе,—говорятъ поборники этого взгляда,—вездѣ существовало во времена варварства и вездѣ, съ успѣхами гражданственности, замѣнено личною поземельною собственностью. Стало быть, тѣмъ же путемъ должны идти и мы.

Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній составлены Положенія 19 февраля. Уступки сдѣланы въ пользу существующихъ у великорусскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ понятій и привычекъ, которыхъ законъ не хотѣлъ измѣнять насильственно. Но въ Положеніяхъ 19 февраля всюду просвѣчиваетъ убѣжденіе, что съ успѣхами гражданственности сами крестьяне захотятъ отказаться отъ

общиннаго землевладѣнія, и законъ указываетъ имъ разные способы къ выходу изъ этого порядка пользованія землею.

Однако, никто еще не опровергалъ и не могъ опровергнуть наблюденія, что начало личной поземельной собственности дѣйствуетъ на мелкое землевладѣніе разрушительнымъ образомъ. Право личной собственности обращаетъ землю въ предметъ купли и продажи, въ товаръ, который, подъ вліяніемъ неравной конкурренціи между богатыми и бѣдными, мало-по-малу переходитъ въ руки первыхъ, сосредоточивается въ нихъ и рано или поздно отдаетъ въ ихъ власть обезземеленныя и обездоленныя массы, которыя, вслѣдствіе того, обращаются въ батраковъ и пролетаріевъ. Что это не одно предположеніе, а дѣйствительный фактъ, подтверждается безчисленными наблюденіями не только въ Малороссіи, но и въ Западной Европѣ. Въ странахъ съ высшей культурой значительная часть населенія притягивается фабричною и торговою дѣятельностью; этимъ отчасти парализуются, отчасти скрадываются отъ глазъ вредныя послѣдствія обезземеленія; но тамъ, гдѣ промышленность и торговля мало развиты и требуютъ немного рукъ, гдѣ большинство населенія кормится отъ земли, тамъ разстройство мелкаго поземельнаго владѣнія гибельно отзывается на благосостояніи и бытѣ народныхъ массъ.

Эти различныя наблюденія и выводы изъ своихъ и чужихъ опытовъ послужили основаніемъ для различныхъ воззрѣній на устройство нашего крестьянскаго землевладѣнія.

Тѣ, которые видятъ въ землевладѣніи залогъ прочнаго обезпеченія и будущаго благосостоянія крестьянъ, стоятъ горой за общинное землевладѣніе и хотѣли бы замѣнить имъ между крестьянами личную поземельную собственность даже тамъ, гдѣ послѣдняя успѣла уже прочно укорениться. Люди культурныхъ стремленій вообще, безъ опредѣленной программы, желали бы отмѣны общиннаго землевладѣнія, какъ существенной помѣхи индивидуальному развитію и успѣхамъ сельской промышленности. Наконецъ тѣ, которые видятъ залогъ благоустройства государства въ сильной поземельной аристократіи, или въ богатой буржуазіи, представительницѣ промышленности, торговли и капитала, и подавно желали бы скорѣе отдѣлаться отъ общиннаго

землевладѣнія, которое, правда, доставляетъ жалкое прозябаніе народнымъ массамъ, но за то не даетъ сложиться и устроиться тѣмъ высшимъ слоямъ общества, безъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, немыслимо развитіе и процвѣтаніе государства.

Каждое изъ этихъ воззрѣній отстаиваетъ свою болѣе или менѣе ясно сознаваемую программу всѣми способами, не останавливаясь ни передъ какими. Послушать однихъ, защитники общиннаго владѣнія—ярые демократы, соціалисты и коммунисты, или поборники варварства и азіятскаго строя жизни, враги культуры и прогресса; въ устахъ другихъ, противники общиннаго землевладѣнія—крѣпостники, олигархи, люди, приносящіе народныя массы въ жертву себялюбивой аристократіи и бездушному золотому мѣшку, или же пустоголовые болтуны, отказавшіеся отъ своей народности, поющіе съ чужого голоса, раболѣпные прислужники западно-европейской цивилизаціи.

Кто правъ, и на чемъ остановиться посреди этихъ разнообразныхъ мнѣній, недоразумѣній и инкриминацій? Вотъ вопросъ который, прежде всего, предстоитъ разрѣшить.

Если, какъ доказываютъ факты, общинное владѣніе есть наилучшее, наидѣйствительнѣйшее средство противъ обезземеленія народныхъ массъ и сосредоточенія землевладѣнія въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, во вредъ и ущербъ большинству населенія, то общинное владѣніе необходимо не только сохранить, но поддержать и утвердить закономъ. Особливо это необходимо у насъ, при маломъ развитіи переработывающей промышленности и торговли и при громадномъ преобладаніи земледѣльческаго населенія, которое, какъ мы старались показать въ первой статьѣ, составляетъ характеристическую особенность русскаго государства.

Но если общинное землевладѣніе представляетъ твердый оплотъ противъ обезземеленія народныхъ массъ, то оно, въ теперешнемъ своемъ видѣ, несомнѣнно имѣетъ и весьма существенныя неудобства. Участникъ общиннаго землевладѣнія связанъ по рукамъ и ногамъ; онъ не можетъ воздѣлывать своего участка, какъ бы ему хотѣлось, а долженъ волей-неволей подчиниться порядку полеводства, котораго держатся всѣ прочіе члены одного съ нимъ общества. При такихъ условіяхъ личный починъ въ

улучшенія хозяйства невозможенъ: надо, чтобъ все сельское общество признало необходимость такого улучшенія, а это дѣлается не скоро, тѣмъ болѣе, что, при невозможности отдѣльныхъ личныхъ попытокъ улучшить хозяйство и поставить его на другую ногу, у большинства не можетъ быть передъ глазами образцовъ, которые побудили бы его послѣдовать хорошему примѣру. Оттого это большинство, какъ мы и видимъ, упорно и насильно остается при старыхъ полевыхъ порядкахъ гораздо дольше, чѣмъ бы того требовали его собственныя, очевидныя выгоды. Мало того, при повсемѣстныхъ теперь—въ обществахъ съ общиннымъ пользованіемъ землею—болѣе или менѣе частыхъ переверсткахъ земельныхъ участковъ между хозяевами и передѣлахъ всей земли по числу душъ или работниковъ, никто изъ хозяевъ не можетъ быть увѣренъ, что его тщательно унавоженныя и обработанныя пашни не достанутся, нынче-завтра, другому, въ обмѣнъ на истощенныя, запущенныя и дурно обработанныя. Въ обществахъ, гдѣ ожидается передѣлъ земли, хозяева задолго перестаютъ вывозить въ поле навозъ изъ опасенія, что его трудами и затратами можетъ воспользоваться нерадивый и безпечный хозяинъ. Такіе примѣры мы имѣемъ у себя передъ глазами,—говоримъ на основаніи фактовъ. Очевидно, что подобныя условія крайне неблагопріятны для сельскаго хозяйства и положительно мѣшаютъ его развитію.

Поборники общиннаго владѣнія возражаютъ противъ этого, что оно, однако, уживается даже съ высшими видами сельскохозяйственной культуры, и въ доказательство указываютъ на мѣстности, гдѣ крестьяне разводятъ изстари въ полевомъ надѣлѣ аптекарскія растенія, огородныя овощи, даже плодовыя деревья и кусты, оставаясь, однако, при общинномъ землевладѣніи. Но это возраженіе ничего не доказываетъ. Приводимые примѣры относятся къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ цѣлыя селенія занимаются названными отраслями сельскаго хозяйства, составляющими такимъ образомъ постоянный общій промыселъ всѣхъ жителей селенія. А когда всѣ хозяева занимаются одной и той же полевой культурой, при помощи однихъ и тѣхъ же пріемовъ, переверстка и передѣлъ земли, разумѣется, не могутъ имѣть дурного вліянія на промыселъ, точно также, какъ земля, дающая

обильные урожаи безъ удобренія и при самой первобытной обработкѣ, можетъ передѣляться и разверстываться между хозяевами безъ всякаго неудобства. Обѣ крайнія степени культуры, высшая и первобытная, въ данномъ случаѣ сходятся, но обѣ, очевидно, предполагаютъ, что всѣ, безъ исключенія, участники общиннаго владѣнія одинаково занимаются одной и той же культурой, или что, напротивъ, земля не требуетъ большихъ за собою хлопотъ. Но когда она требуетъ тщательнаго удобренія и обработки, и хозяева захотятъ вести полеводство каждый посвоему или заниматься на своихъ участкахъ разными отраслями сельскаго хозяйства, тогда теперешнее общинное пользованіе, очевидно, дѣлается помѣхой и задержкой для успѣховъ земледѣлія и для частнаго индивидуальнаго почина, направленнаго къ усовершенствованію существующихъ способовъ культуры и введенію улучшенныхъ.

И такъ, или обезпеченіе земледѣльческихъ массъ отъ обезземеленія, но съ пожертвованіемъ индивидуальной самостоятельностью и усовершенствованіемъ земледѣлія и сельскаго хозяйства, или развитіе индивидуальнаго почина между крестьянами, извлеченіе изъ земли возможно бóльшаго дохода при помощи улучшенной культуры, но со введеніемъ между крестьянами личной поземельной собственности и отмѣной общиннаго землевладѣнія, а слѣдовательно прочной и надежной гарантіи противъ обезземеленія—вотъ въ какомъ видѣ ставится теперь вопросъ. Никакой середины, по общему убѣжденію, нѣтъ и быть не можетъ.

Дѣйствительно ли это такъ? Въ самомъ ли дѣлѣ общинное землевладѣніе и улучшенная культура исключаютъ другъ друга?

Мы думаемъ, что въ дѣйствительности никакого противурѣчія между успѣхами земледѣлія и обезпеченіемъ землею народныхъ массъ нѣтъ, что оно существуетъ только въ нашемъ воображеніи, возникло изъ совершенно ошибочной постановки вопроса, вслѣдствіе того только, что мы ложно понимаемъ общинное землевладѣніе. Всѣ почему-то увѣрены, что оно опредѣляетъ права крестьянъ на землю; а между тѣмъ, всѣмъ извѣстно, что оно возможно на земляхъ, занимаемыхъ сельскими обществами на совершенно различныхъ правахъ—на собственной и на чужой землѣ, арендуемой или отведенной въ надѣлъ крестьянамъ во владѣніе и

въ пользованіе изъ земель частныхъ и государственныхъ. Стало быть, общинное землевладѣніе установляетъ не права на землю, а только извѣстный способъ владѣнія и пользованія ею, и при томъ не вообще, а только между тѣми, кто ею владѣетъ сообща. Что только способъ владѣнія и пользованія землею, обычный между великорусскими и бѣлорусскими крестьянами, который мы называемъ общиннымъ, составляетъ существенное препятствіе для успѣховъ земледѣлія,—въ этомъ очень легко убѣдиться изъ слѣдующаго. Представимъ себѣ, что земля, состоящая въ общинномъ владѣніи крестьянъ, обратилась въ ихъ личную собственность, и за каждымъ изъ хозяевъ закрѣпленъ тотъ надѣлъ, которымъ онъ теперь владѣетъ и пользуется на общинномъ правѣ: станутъ ли отъ того для крестьянъ сельско-хозяйственныя условія лучше? Ни мало: земельный надѣлъ, раздробленный на мелкія полоски во всѣхъ трехъ поляхъ и клинахъ, на которые раздѣлены поля, одинаково неудобенъ для сельско хозяйственныхъ улучшеній, на какомъ бы правѣ крестьянинъ имъ ни владѣлъ. Чтобы сельско-хозяйственныя улучшенія были возможны, нужно уничтожить черезполосицу, по крайней мѣрѣ, раздробленность пашни на чрезмѣрно малые участки, отмѣнить или хотя бы сдѣлать крайне рѣдкими переверстки надѣловъ и передѣлы пашни по душамъ. Слѣдовательно, условіямъ улучшеннаго земледѣлія противурѣчитъ общеупотребительный теперь между крестьянами способъ распредѣленія земли, въ особенности пашенной; но этотъ способъ можетъ измѣниться и при общинномъ землевладѣніи, чему мы и выдѣли нерѣдкіе примѣры. Такъ, въ различныхъ мѣстностяхъ сами сельскія общества, мірскими приговорами, постановляютъ производить предѣлы пашни въ промежутки времени не ближе пятнадцати лѣтъ. Знаемъ также, что между крестьянами нѣкоторыхъ селеній уже придуманы разныя мѣры для устраненія, при передѣлахъ пашенъ, несправедливаго обмѣна тощей и дурно обработанной земли на хорошо удобренную и воздѣланную. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже возникаетъ мысль о крайнемъ неудобствѣ раздѣленія пашни на мелкія полоски и о необходимости разбить ее на болѣе крупные загоны. Отсюда видно, что общинное владѣніе допускаетъ различные способы пользованія землею и не связано, какъ многіе думаютъ, съ

тѣми, которые теперь господствуютъ между великорусскими и бѣлорусскими крестьянами. Поэтому, не общинное землевладѣніе, а крайне низкій уровень сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній и понятій препятствуетъ у крестьянъ успѣхамъ земледѣлія. Настаивающіе на отмѣнѣ общиннаго землевладѣнія, какъ главной помѣхи усовершенствованіямъ сельскаго хозяйства въ народныхъ массахъ и указывающіе на водвореніе права личной поземельной крестьянской собственности, какъ на существеннѣйшее условіе для поднятія у насъ земледѣльческой культуры, обнаруживаютъ этимъ незнаніе и непониманіе дѣла, о которомъ судятъ такъ рѣшительно. Все зависитъ, повторяемъ, не отъ правъ на землю, а отъ способовъ пользованія ею. Можно и при общинномъ землевладѣніи создать самыя благопріятныя условія для успѣховъ сельскаго хозяйства; точно также, и при полномъ господствѣ личной поземельной собственности, можетъ существовать такой распорядокъ владѣнія и пользованія землею, при которомъ немыслима правильная и успѣшная эксплуатація земли. Если, какъ мы видѣли, общинное землевладѣніе не опредѣляетъ вовсе правъ на землю, а только способъ ея распредѣленія между соучастниками, то по какой, спрашивается, логикѣ, право личной поземельной собственности можетъ устранить неудобства общиннаго владѣнія? Логики во всемъ этомъ нечего и искать. Весь споръ между поборниками и противниками теперешнихъ сельско-хозяйственныхъ и земельныхъ порядковъ у нашихъ крестьянъ есть непрерывный рядъ поразительнѣйшихъ недоразумѣній, которыя такъ перепутались и смѣшались, что нѣтъ почти никакой возможности изъ нихъ выбраться.

Попытаемся пролить нѣкоторый свѣтъ въ эту темную область, созданную нашимъ незнаніемъ, непониманіемъ, неумѣньемъ разсуждать логически и научно правильно, и современными европейскими реакціонными и прогрессивными стремленіями, какъ они отразились въ нашихъ русскихъ головахъ. Чтобъ сколько нибудь выразумѣть эту путаницу, въ высшей степени характеристическую для нашего времени, придется начать издалека, съ древнѣйшей эпохи русской исторіи.

На основаніи фактовъ, добытыхъ изслѣдованіями, развитіе общиннаго землевладѣнія представляется у насъ въ слѣдующемъ

видѣ. Первоначально свободные люди, соединенные въ общества или товарищества и артели, занимали свободныя земли, поселялись на нихъ и съ общаго согласія установляли способъ владѣнія и пользованія ими. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что тогда, какъ и теперь, усадьбы и пашни отводились въ особое владѣніе и пользованіе домохозяевъ, а выгоны, покосы, лѣса и рыбныя ловли находились въ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ общества. Выходъ изъ послѣдняго былъ свободный, посторонніе могли вступать въ него добровольно, но, конечно, лишь съ согласія всѣхъ прочихъ членовъ.

При такомъ порядкѣ дѣлъ, каждый не иначе какъ добровольно подчинялся условіямъ общаго землевладѣнія и безъ согласія *каждаго* изъ членовъ общества, товарищества или артели, т.-е. безъ *единогласнаго* рѣшенія, нельзя было постановлять никакой мѣры о распорядкѣ земель, обязательной для всѣхъ. Поэтому и круговая отвѣтственность всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ была тоже добровольная. Недовольный обществомъ выходилъ изъ него. Понятно, что, при такихъ условіяхъ общиннаго землевладѣнія, вопросъ о правѣ на землю не возникалъ и не могъ возникнуть. Существовало только отношеніе члена къ обществу. Всѣ они совокупно, на равныхъ правахъ, пользовались землей, на которой поселились и которою владѣли. Со вступленіемъ въ общество начиналось и отношеніе къ землѣ, съ выходомъ изъ перваго прекращалось и послѣднее. Право на землю было одною изъ принадлежностей правъ члена Общества, съ нимъ оно возникало, съ нимъ и оканчивалось. Земли же было много. Когда становилось тѣсно, часть общества отдѣлялась и основывала новыя поселенія. Оттого о передѣлахъ земли вовсе не упоминается. Въ нихъ не было надобности и ихъ не было.

Когда земли перешли постепенно въ собственность частныхъ лицъ, учрежденій, вѣдомствъ и государства, когда свободные землевладѣльцы сначала были прикрѣплены къ землѣ, а потомъ и сами подпали подъ крѣпостное право, первоначальный бытъ свободныхъ поселенныхъ обществъ, а съ нимъ и условія ихъ землевладѣнія, должны были измѣниться кореннымъ образомъ. Свободный выходъ изъ закрѣпощенныхъ поземельныхъ обществъ и свободное въ нихъ вступленіе прекратились. Съ тѣмъ вмѣстѣ

и добровольная круговая порука членовъ общества исчезла и смѣнилась недобровольной, обязательной. Изъ подневольныхъ поселенныхъ обществъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, не было свободнаго выхода, и потому, съ естественнымъ приростомъ населенія, нельзя было разселяться; приходилось на томъ же пространствѣ жить большему числу людей, слѣдовательно, потѣсниться, а такъ-какъ члены поселенныхъ обществъ продолжали, по старымъ понятіямъ, считаться равноправными и всѣ должны были, по тѣмъ же понятіямъ, наравнѣ нести налоги, повинности и службы — средства же для ихъ исправнаго отбыванія давала земля — то пришлось ее разверстывать и передѣлять между всѣми поровну. При первоначальномъ, природномъ плодородіи земли и соотвѣтственныхъ тому первобытныхъ способахъ земледѣлія, такія разверстки и передѣлы должны были казаться естественными и не представляли никакого неудобства.

Въ такомъ-то измѣненномъ, правильнѣе—искаженномъ, видѣ дожило общинное землевладѣніе до нашего времени. Мы его считаемъ народной святыней, воплощеніемъ русскаго народнаго генія, а оно, именно въ тѣхъ его особенностяхъ, которыми нѣкоторые больше всего дорожатъ—въ передѣлѣ и переверсткѣ земель, въ правѣ каждаго на равную ея долю и въ обязательной круговой порукѣ—есть продуктъ прикрѣпленія къ землѣ, крѣпостного права взиманія налога и повинностей съ душъ. Положенія 19-го февраля и послѣдующія органическія законоположенія о крестьянахъ, отмѣнившія крѣпостное право и административную опеку надъ крестьянами и надѣлившія ихъ землей, не измѣнили ни въ чемъ всѣхъ прочихъ условій, созданныхъ прикрѣпленіемъ землѣ и крѣпостною зависимостью. Они только замѣнили единогласныя постановленія о хозяйственныхъ распорядкахъ внутри селеній постановленіемъ приговоровъ по большинству голосовъ. Съ этимъ послѣднее, запоздалое воспоминаніе о когда-то существовавшихъ у насъ свободныхъ поселенныхъ товариществахъ, или артеляхъ, окончательно исчезло. Впрочемъ, подъ вліяніемъ прикрѣпленія къ землѣ и крѣпостного права, оно уже давно потеряло всякій живой, дѣйствительный смыслъ.

Изъ сказаннаго видно, что общинное землевладѣніе, въ томъ видѣ, какъ мы его теперь знаемъ, есть уродливая помѣсь по-

рядковъ, существовавшихъ въ старинныхъ свободныхъ поземельныхъ крестьянскихъ товариществахъ, съ тѣми, какіе возникли съ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ и закрѣпощеніемъ двойною крѣпостью—помѣщичьяго права и подушныхъ налоговъ и повинностей; способъ же пользованія землею, господствующій нынѣ при общинномъ владѣніи, созданъ при условіяхъ первобытнаго земледѣлія и поддерживается теперь низкимъ уровнемъ сельскохозяйственныхъ знаній, невѣжествомъ, бѣдностью и безпомощностью нашего сельскаго люда. Теперь изъ этого археологическаго памятника нельзя больше сдѣлать никакого полезнаго употребленія. Онъ потерялъ всякій живой смыслъ и ветшаетъ съ каждымъ годомъ, служа только тормазомъ для правильнаго развитія земледѣльческаго населенія Россіи. Въ самомъ народѣ, между крестьянами, его неумолимо подтачиваетъ подъ корень усиливающаяся изо дня въ день потребность индивидуальной, личной независимости и свободы, которыя плохо уживаются съ порядками, созданными крѣпостнымъ правомъ и съ исчезнувшими обязательными условіями первобытной сельско-хозяйственной культуры.

Вопросъ о замѣнѣ теперешняго общиннаго землевладѣнія другими, болѣе правильными сельско-хозяйственными порядками возникъ уже давно, но онъ осложнился такими теченіями русской жизни, которыя его совершенно исказили, перенесли совсѣмъ на другую почву и надолго отдалили правильное его рѣшеніе.

Прежде всего, отстранимъ идилліи на славянофильскія темы братства и любви, будто бы лежащихъ въ основаніи общиннаго землевладѣнія и составляющихъ характерное отличіе русскаго народа. Общинное землевладѣніе, въ теперешнемъ своемъ видѣ, есть тяжкое ярмо на шеѣ крестьянина, цѣпь, которая, вмѣстѣ съ подушною податью и круговою порукою, приковываетъ его къ землѣ и лишаетъ свободы. Устранимъ также и фантазіи соціальнаго свойства, будто общинное владѣніе заключаетъ въ себѣ зародышъ права всѣхъ и каждаго на равный надѣлъ землею. Такого химерическаго права вообще нѣтъ и быть не можетъ, и всего менѣе оно доказывается теперешнимъ общиннымъ землевладѣніемъ, въ которомъ равенство земельнаго надѣла вытекаетъ

изъ равенства налоговъ, тягостей и службъ, и подавляетъ всякую личную свободу и починъ отдѣльнаго лица. Устранимъ, наконецъ, и вздорные толки, будто наше общинное землевладѣніе есть коммунистическій институтъ—пошлость, которую пустили въ ходъ иностранцы, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о бытѣ русскаго народа, и которая такъ охотно повторялась еще недавно въ извѣстныхъ великосвѣтскихъ кружкахъ, съ заднею мыслью отмѣнить порядокъ землевладѣнія, сохраняющій землю за крестьянами, и обратить ихъ въ безземельныхъ батраковъ на манеръ великобританскихъ, причемъ подразумѣвалось, что роль англійскихъ лордовъ и джентри, конечно, выпадетъ на долю русскихъ помѣщиковъ. Всѣ такія и имъ подобныя измышленія, плодъ дѣтскаго незнанія и досужей мечты, только спутываютъ понятіи и мѣшаютъ прямо взглянуть на дѣйствительные факты, трезво взвѣсить и оцѣнить ихъ значеніе. Фантастическія представленія, о которыхъ мы говоримъ, не пережили крестьянской реформы, совершившейся въ шестидесятыхъ годахъ. Они испарились и исчезли, уступивъ мѣсто борьбѣ двухъ партій, которыя преслѣдовали уже не отвлеченныя, теоретическія, а вполнѣ практическія, реальныя цѣли. Одна изъ нихъ настаивала на надѣленіи земледѣльческихъ массъ необходимымъ для безбѣднаго существованія количествомъ земли, а также на обезпеченіи и упроченіи этой земли за ними на всегдашнія времена. Другая, напротивъ, старалась провести мысль, что земля должна остаться за ея владѣльцами. Этой партіи желалось обративъ крестьянъ въ арендаторовъ и фермеровъ земель этихъ владѣльцевъ, чрезъ то поставить въ большую или меньшую зависимость отъ послѣднихъ и на вытекающихъ отсюда соціальныхъ условіяхъ построить все зданіе русскаго государства.

Первой удалось провести свою мысль въ органическихъ законахъ, создавшихъ въ Россіи классъ свободныхъ землевладѣльцевъ; но ей не посчастливилось осуществить ее въ дѣйствительности. Дѣло приведенія крестьянской реформы въ исполненіе перешло въ руки противной партіи, которая употребляла всѣ усилія и прибѣгала ко всѣмъ мѣрамъ, чтобъ ослабить на практикѣ строгое, точное и послѣдовательное осуществленіе мысли о крестьянскомъ землевладѣніи. Ей, однако, тоже не удалось про-

вести своей мысли вполнѣ. За то изъ такихъ колебаній въ дѣлѣ величайшей государственной важности произошло то неопредѣленное и невыясненное положеніе, которое имѣло и до сихъ поръ имѣетъ самыя горестныя послѣдствія для всего внутренняго быта имперіи.

Борьба, происходившая въ законодательствѣ и администраціи, перешла и въ литературу, научную и публицистическую. Здѣсь ни одна сторона не могла открыто выступить подъ своимъ знаменемъ съ открытымъ забраломъ: желавшіе обезземеленія крестьянъ не могли высказать своего послѣдняго слова, потому что оффиціальная правительственная программа прямо ставила принципомъ противное; для поборниковъ же этой программы созданы были самыя тяжкія цензурныя условія. Такимъ образомъ, обѣ стороны вынуждены были таить свою мысль, высказываться осторожно, больше намеками и полусловами. Такія условія не могли не затемнить, не извратить вопроса. За невозможностью его обсуждать, сосредоточить на немъ всю полемику, по необходимости, пришлось перенести споръ на другую почву и вести его иносказательно. Возникла горячая борьба объ общинномъ землевладѣніи, причемъ, съ обѣихъ сторонъ, подразумѣвалось совсѣмъ не то, о чемъ открыто шла рѣчь. По странной ироніи судьбы, къ исторической руинѣ, отжившей свой вѣкъ, пріуроченъ живой и практическій современный вопросъ, отъ такого или другого рѣшенія котораго зависитъ вся наша будущность, все наше дальнѣйшее соціальное развитіе. Отъ старины, поросшей плѣсенью, мы требуемъ отвѣта на вопросы, порожденные обстоятельствами и условіями, которыхъ старинные люди не знали и не подозрѣвали; отъ ископаемаго міра ожидаемъ доводовъ и опроверженій нашихъ теперешнихъ взглядовъ, теорій и требованій. Легко вообразить, какая изъ этого должна была произойти путаница въ головахъ.

Одни, опираясь на сельско-хозяйственные, экономическіе, юридическіе и политическіе доводы, желали бы водворить у насъ такое же исключительное господство начала личной поземельной собственности, какъ въ Европѣ, и на этомъ основаніи требуютъ отмѣны общиннаго землевладѣнія. Ратующіе за такую отмѣну безъ заднихъ мыслей ссылаются на примѣръ Европы, гдѣ упразд-

неніе общиннаго владѣнія шло рука объ руку съ водвореніемъ правильной эксплуатаціи земли; но они не обращаютъ вниманія на то, что въ Европѣ упраздненіе общиннаго владѣнія совершено въ пользу средняго и крупнаго землевладѣнія, что оно тамъ шло, рука объ руку, съ обезземеленіемъ мелкихъ владѣльцевъ и создало сельскій пролетаріатъ въ огромныхъ размѣрахъ. Этого они, конечно, не желаютъ, а именно этого-то и желаютъ всѣ требующіе съ заднею мыслью отмѣны общиннаго владѣнія. Такимъ образомъ, невозможность вести полемику на чистоту приводила въ одинъ лагерь, подъ одно знамя, стремленія, не имѣющія между собою ничего общаго. Отбросьте заднюю мысль обезземеленія крестьянъ, и требованіе отмѣны общиннаго землевладѣнія сведется къ требованію иного распорядка крестьянскаго землевладѣнія, болѣе благопріятнаго для сельскаго хозяйства, чѣмъ тотъ, какой теперь существуетъ при общинномъ владѣніи. Противъ такого требованія едва ли кто станетъ спорить.

Такое же смѣшеніе языковъ мы находимъ и между поборниками неприкосновенности крестьянскаго землевладѣнія. Огромное ихъ большинство отстаиваетъ общинное владѣніе не потому, чтобъ дорожило теперешними распорядками земли между общинниками, а потому, что видитъ въ отмѣнѣ общиннаго владѣнія первый шагъ къ обезземеленію крестьянства и ко всѣмъ нескончаемымъ бѣдствіямъ, которыя отсюда проистекаютъ. Очевидно, и въ этомъ случаѣ невозможность прямо и открыто стоять за крестьянскую поземельную собственность, необходимость говорить иносказательно вынудила прикрыться общиннымъ владѣніемъ, чтобъ отстоять права крестьянъ на землю. Но между этимъ ихъ правомъ и общиннымъ владѣніемъ нѣтъ ничего общаго. Поборники послѣдняго допускаютъ возможность отмѣны существующихъ теперь у общинниковъ распорядковъ землевладѣнія и замѣны ихъ другими, лучше отвѣчающими потребностямъ правильнаго земледѣлія. Но общинное землевладѣніе, какъ мы видѣли, и есть только извѣстный распорядокъ земли между членами общины. Правъ на землю онъ не опредѣляетъ. И потому отбросьте опасеніе, что съ отмѣною общиннаго землевладѣнія уничтожится крестьянская поземельная собственность, и число его поборниковъ тотчасъ же значительно сократится.

Такимъ образомъ, полемика, которая теперь ведется, какъ почти всѣ наши русскіе споры, осложнена, съ обѣихъ сторонъ, задними мыслями; чтобъ выбраться, наконецъ, изъ путаницы формъ стариннаго, исчезнувшаго быта съ новыми задачами, надо строго различать тѣ и другія и изслѣдовать ихъ особо, не смѣшивая ихъ между собою. Всякій знаетъ и понимаетъ, что отъ стараго нельзя разомъ перешагнуть къ новому, что особливо сельскія массы чрезвычайно медленно и туго измѣняютъ формы своего быта, свои привычки, понятія, взгляды. Но считаться съ ними, обращаться бережно и осторожно, не производить крутой ломки въ бытѣ народномъ, не значитъ еще возводить то, что уже пережито, въ руководящій принципъ, въ политическій и законодательный догматъ. Надо знать, что было, чтобъ ясно видѣть куда идти, куда направлять жизнь, которая создаетъ новыя потребности и соотвѣтствующія имъ формы. Прошедшее завѣщало намъ много такого, чѣмъ мы можемъ воспользоваться для удовлетворенія новыхъ нуждъ, и не мало такого, что этому мѣшаетъ. Надо употребить въ дѣло первое и устранить послѣднее. Вотъ наша задача въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ. Цѣль— упрочить за земледѣльческимъ населеніемъ отведенныя имъ земли, обезпечить его навсегда отъ обезземеленія и устроить распорядокъ земель между крестьянами удобнымъ и благопріятнымъ для развитія земледѣлія образомъ.

Многое въ этомъ направленіи уже сдѣлано, но еще больше остается сдѣлать. Прошедшее завѣщало, въ привычкахъ и воззрѣніяхъ великорусскаго и бѣлорусскаго племени, владѣніе землею цѣлымъ сельскимъ обществомъ, безъ раздробленія въ частную собственность между отдѣльными домохозяевами. Какъ было показано выше, это образовалось первоначально вслѣдствіе занятія земель цѣлыми товариществами или артелями. Положенія 19-го февраля 1861 года возвели это обычное начало въ законъ и, отмѣнивъ прежнія *единогласныя* постановленія всѣхъ домохозяевъ объ обязательныхъ для всѣхъ распорядкахъ земли, ввели, вмѣсто ихъ, постановленія о томъ же предметѣ *по большинству голосовъ*.

Селенія возведены, такимъ образомъ, въ отвлеченныя реальныя, юридическія лица, а дѣйствительныя лица, бывшія когда-то

при существованіи товариществъ обладателями земли, обращены въ представителей и носителей юридическаго лица, т.-е селенія, которое стало настоящимъ собственникомъ, несмотря на смѣну людей и поколѣній.

Къ сожалѣнію, рядомъ съ этимъ основнымъ началомъ введены разныя противорѣчащія ему правила подъ вліяніемъ предубѣжденія, будто, рано или поздно, переходъ общественной земли въ личную собственность долженъ неизбѣжно совершиться. Такъ, допущенъ выкупъ усадебъ въ личную собственность, безъ пашенъ и другихъ угодій; допущенъ выкупъ цѣлаго надѣла, съ вымежеваніемъ его изъ общинной земли, допущенъ раздѣлъ общинной земли между всѣми домохозяевами; вся выкупная операція, съ пособіемъ отъ правительства, разсчитана на послѣдующее обращеніе общинной земли въ подворную личную собственность; въ земляхъ, отведенныхъ въ надѣлъ государственнымъ крестьянамъ, каждому домохозяину предоставлено право продать свой надѣлъ односельцу или постороннему лицу на правахъ собственности. Такимъ образомъ, послѣднимъ результатомъ органическихъ мѣръ по созданію класса свободныхъ землевладѣльцевъ будетъ обращеніе общинной земли въ личную собственность домохозяевъ, а впослѣдствіи изъ этого неминуемо произойдетъ то, что было вездѣ,—постепенное обезземеленіе крестьянъ и скопленіе ихъ надѣловъ въ рукахъ немногихъ промышленниковъ и капиталистовъ. Еслибъ подобное превращеніе общинной земли въ личную и частную собственность обязательно сопровождалось округленіемъ надѣловъ и выдѣленіемъ ихъ въ особыя хозяйственныя единицы, такую мѣру можно было бы если не оправдать, то, по крайней мѣрѣ, объяснить желаніемъ создать условія, благопріятныя для земледѣлія и культуры, которыхъ мы, при теперешнихъ распорядкахъ общинной земли, не находимъ. Но ничего подобнаго не было сдѣлано. Общинныя земли, обратясь въ личную собственность крестьянъ, по прежнему останутся разбитыми на мелкія полоски съ удержаніемъ черезполосицы. Отмѣнятся, правда, передѣлы и переверстки пашенъ; но измѣнить теперешнее, крайне неудобное и стѣснительное для правильнаго хозяйства распредѣленіе пашенъ станетъ, съ обращеніемъ ихъ въ частную собственность крестьянъ, еще несравненно труднѣе

и не будетъ уже, какъ теперь, зависѣть отъ мірскаго приговора. Такимъ образомъ, теперешняя разорительная трехпольная система увѣковѣчится, и къ улучшенію крестьянскаго хозяйства будутъ закрыты всѣ пути. Теперь, пока выкупная операція еще не совершилась, все это еще поправимо; но когда она разъ завершится и начало личной поземельной собственности окончательно водворится, мы должны будемъ испытать на себѣ всѣ горькія послѣдствія соціальной дезорганизаціи, которая составляетъ ахиллесову пяту и темное пятно въ бытѣ европейскихъ государствъ.

Соединить для крестьянъ всѣ выгоды прочнаго водворенія и наслѣдственнаго владѣнія землею съ условіями, благопріятными для развитія и усовершенствованія земледѣлія можно, по нашему крайнему убѣжденію, лишь признавъ земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ, за *неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельскихъ обществъ и предоставя членамъ обществъ лишь право наслѣдственнаго владѣнія и пользованія этою землею, безъ права ее закладывать или какимъ-либо образомъ отчуждать на правахъ собственности*. Мы непоколебимо убѣждены въ томъ, что только такимъ устройствомъ землевладѣнія будетъ обезпеченъ и упроченъ бытъ земледѣльческаго населенія не у насъ однихъ, но и всюду, и разрѣшится вопросъ о сельскомъ пролетаріатѣ, озабочивающій теперь правительство, владѣющіе классы и мыслящихъ людей въ цѣломъ мірѣ.

Признаніемъ сельскихъ обществъ вѣчными собственниками земель, отведенныхъ въ надѣлъ крестьянамъ, безъ права ихъ отчуждать и закладывать, создается крестьянская земля, изъятая изъ обращенія, не подлежащая куплѣ и продажѣ, чѣмъ устранятся всѣ опасности обезземеленія крестьянъ чрезъ скупку ихъ надѣловъ немногими лицами.

Признаніемъ за каждымъ домохозяиномъ права наслѣдственнаго владѣнія и пользованія отведеннымъ ему надѣломъ устранится крайне вредный для успѣховъ земледѣлія періодическій передѣлъ земель, необезпеченность правъ лица передъ сельскимъ обществомъ по владѣнію землею. Но вмѣстѣ сохранится весьма драгоцѣнное право общества, по взаимному соглашенію домохозяевъ, уничтожить черезполосицу, измѣнить теперешнее распре-

дѣленіе полей, ввести улучшенную эксплуатацію земли, завести участковое ею владѣніе въ одномъ мѣстѣ, или въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но не въ общихъ поляхъ съ другими и т. п. Этимъ устранятся всѣ невыгодныя послѣдствія теперешняго общиннаго землевладѣнія, но сохранятся и всѣ незамѣнимыя полезныя его стороны, которыя, со введеніемъ личной собственности домохозяевъ на отведенные имъ надѣлы, должны, къ несомнѣнному вреду земледѣльческаго населенія, совсѣмъ изчезнуть.

Съ отмѣной періодическихъ передѣловъ земли прекратится и уравненіе земель между всѣми членами сельскаго общества и право каждаго изъ нихъ на равный съ другими земельный надѣлъ.

Противъ этого можно ожидать различныхъ возраженій.

Одни увидятъ въ этомъ посягательство на принципъ равнаго права всѣхъ на землю,—принципъ, который будто бы живетъ въ теперешнемъ общинномъ владѣніи. Но поборники этого принципа забываютъ, что такое равенство есть остатокъ не эпохи гражданской свободы крестьянъ, а напротивъ, какъ мы объяснили выше, выработалось изъ условій прикрѣпленія къ землѣ, закрѣпощенія и подушнаго обложенія податями, повинностями и службами, слѣдовательно, и не имѣетъ того значенія, какое имъ приписывается и должно исчезнуть вмѣстѣ съ условіями, которыя его создали. Кромѣ того, право каждаго на землю и равноправность въ надѣлѣ землею есть самообольщеніе, едва ли стоющее опроверженія. Земля нужна только земледѣльцамъ; занимающіеся другими промыслами нуждаются только въ очагѣ и осѣдлости и посмотрѣли бы на земельный надѣлъ какъ на тягость и обузу, или, что̀ еще хуже, какъ на предметъ спекуляціи и наживы. Мало того: невозможно задаваться даже мыслью дать земельный надѣлъ каждому, желающему его получить; на это не хватило бы земли. Вопросъ о сельскомъ пролетаріатѣ могъ бы считаться вполнѣ разрѣшеннымъ, еслибъ самая значительная часть мѣстнаго земледѣльческаго населенія была обезпечена землей и могла съ своими семьями жить, не нуждаясь въ необходимомъ: ибо гдѣ большинство устроено и обезпечено, тамъ около него проживаетъ безбѣдно много народа работой и промыслами всякаго рода. Опасность для общества не въ томъ,

когда есть бѣдные, а въ томъ, когда большинство бѣдно и необезпечено.

Другіе, не идя такъ далеко и оставаясь на практической почвѣ, укажутъ на невозможность провести предлагаемое нами поземельное устройство при теперешнихъ нашихъ административныхъ, финансовыхъ и полицейскихъ порядкахъ. Но мы и не считаемъ возможнымъ, при существованіи такихъ порядковъ, провести какую бы то ни было полезную перемѣну въ теперешнемъ положеніи нашихъ земледѣльцевъ.

Пока подать и повинности лежатъ на душахъ, необходима паспортная система; пока подати и повинности такъ несоразмѣрно превышаютъ доходы, доставляемые крестьянамъ землею, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи объ упроченіи ихъ быта на теперешнихъ мѣстахъ ихъ осѣдлости, такъ-какъ во многихъ мѣстностяхъ земельный надѣлъ не есть право, преимущество или выгода, а напротивъ бремя, тягость, которая навязывается насильно и отъ которой крестьянинъ радъ радостью отдѣлаться; пока существуетъ круговая порука, отвѣтственность всѣхъ домохозяевъ селенія за своихъ односельцевъ, неисправно платящихъ подати и отбывающихъ повинности, до тѣхъ поръ нечего и говорить объ освобожденіи крестьянъ отъ теперешней, почти крѣпостной, ихъ зависимости отъ міра и мірскихъ заправилъ. Въ общественномъ, какъ и во всякомъ организмѣ, все находится въ тѣсной взаимной связи и взаимно одно другое обусловливаетъ; такъ и въ настоящемъ случаѣ. Нечего и помышлять о правильномъ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, не измѣнивъ тѣхъ условій, которыя были и суть причиною неправильной, ненормальной постановки у насъ крестьянскаго дѣла. Прикрѣпленіе къ землѣ, крѣпостное право, тяжкіе личные налоги и повинности и вытекающія изъ нихъ принудительная круговая порука и паспортная система — логически привели къ рабской зависимости крестьянъ отъ помѣщика, отъ чиновника, отъ міра. Какъ крестьянинъ освобожденъ отъ одного изъ этихъ трехъ видовъ рабства, также точно онъ долженъ быть освобожденъ и отъ остальныхъ двухъ. Прямой налогъ долженъ быть приведенъ къ подати съ земли, не превышающей нѣкоторой и притомъ небольшой части чистаго дохода, которую она теперь приноситъ. Мірской, земскій и другіе сборы

точно также должны быть ограничены небольшою же долею чистаго дохода отъ земли. Разъ, то и другое будетъ сдѣлано, нечего будетъ опасаться безцѣльнаго скитанья крестьянъ, избыванія ими податей и повинностей. Огромное большинство прирастетъ къ землѣ, отъ которой его теперь насильно отрываютъ: нужда, подати и гнетъ общества и мѣстныхъ властей. А тѣ крестьяне, которые занимаются городскими промыслами и не имѣютъ интереса удерживать за собой землю, мало-по-малу совсѣмъ перейдутъ въ города и уступятъ свое мѣсто земледѣльцамъ, къ обоюдной выгодѣ и селъ и городовъ.

Замѣна крѣпостной, вынужденной осѣдлости земледѣльцевъ добровольною, связанною съ собственнымъ интересомъ,—вотъ къ чему слѣдуетъ идти. Только съ разрѣшеніемъ этой задачи, давно уже стоящей на очереди, земледѣльческій бытъ у насъ устроится и окрѣпнетъ. Теперь подати, сборы и повинности, гласные и негласные, прямые и косвенные не даютъ большинству крестьянъ возможности подняться и стать на ноги. Надо существенно облегчить ихъ бремя, и они, оправившись и войдя въ силу, легко будутъ платить отъ избытковъ больше теперешняго.

Свободное вступленіе въ сельское общество, свободный выходъ изъ него станутъ возможны лишь съ той минуты, когда съ измѣненіемъ податной системы, отмѣной круговой поруки и опредѣленіемъ правъ и обязанностей, соединенныхъ съ владѣніемъ и пользованіемъ землей, принадлежащей сельскимъ обществамъ, на правахъ собственности, отмѣнится теперешняя крѣпостная зависимость крестьянъ отъ міра и сельскаго общества.

При такомъ новомъ порядкѣ дѣлъ, поземельныя права сельскихъ обществъ и поселенныхъ на ихъ земляхъ крестьянъ, а также и взаимныя ихъ отношенія по землевладѣнію, опредѣлятся въ слѣдующемъ видѣ:

Сельское общество, въ смыслѣ юридическаго лица, станетъ собственникомъ земли, отведенной въ надѣлъ крестьянамъ, но безъ права закладывать, или какимъ бы то ни было образомъ отчуждать ее. Единственное назначеніе этой земли—служить для раздачи земледѣльцамъ въ безсрочное наслѣдственное владѣніе и пользованіе. Обращать крестьянскіе надѣлы въ выгодныя оброчныя или доходныя статьи, отдаваемыя въ содержаніе, должно

быть безусловно запрещено закономъ. Распоряженіе землею, въ предѣлахъ правъ, предоставленныхъ на нее обществамъ, и съ тѣми ограниченіями, которыя установятся въ силу правъ земледѣльцевъ, получившихъ ее во владѣніе и пользованіе, должно, какъ и теперь, принадлежать членамъ общества по установленному закономъ большинству голосовъ. Властямъ, наблюдающимъ за исполненіемъ закона о крѣпостной землѣ, и самимъ заинтересованнымъ лицамъ должно быть предоставлено право жаловаться на незаконныя распоряженія сельскихъ обществъ крестьянскими землями судамъ, составленнымъ изъ крестьянъ-земледѣльцевъ и хотя бы одного юриста.

Земледѣльцы, принадлежащіе къ обществу, держать отведенную имъ общественную землю на правахъ безсрочнаго и наслѣдственнаго владѣнія и пользованія. Пока она остается за ними, никто, даже цѣлое общество, не въ правѣ отобрать у нихъ эту землю, развѣ только въ случаѣ неисправности по отбыванію податей и повинностей. При новомъ распорядкѣ земель по большинству голосовъ домохозяевъ, каждый изъ нихъ сохраняетъ право получить, въ замѣнъ отходящей отъ него земли, другую, въ томъ же количествѣ и такого же качества. Отчуждать и закладывать землю, полученную отъ общества, владѣлецъ ея не въ правѣ. Выморочные и брошенные владѣльцами участки возвращаются въ распоряженіе общества; въ случаѣ же смерти владѣльца, на участокъ его имѣетъ ближайшее право его жена, дѣти и вообще нисходящее потомство. Никто не имѣетъ *права* держать безсрочно и наслѣдственно болѣе одного надѣла не только въ одномъ обществѣ, но хотя бы и въ разныхъ обществахъ. Два и болѣе надѣла *могутъ быть* отданы одному владѣльцу лишь на время, впредь до предъявленія на нихъ правъ другими, не имѣющими своего надѣла. Отступленіе отъ этого правила можетъ быть допущено въ пользу многочисленныхъ семействъ и тому подобныхъ случаяхъ. Какъ принадлежащая на правахъ собственности обществу, а не поселеннымъ на ней крестьянамъ, общественная земля не можетъ быть обращаема въ продажу на пополненіе казенныхъ и частныхъ взысканій: они падаютъ на строенія и движимое имущество должника и вообще на ихъ личную собственность. При выходѣ изъ общества, вла-

дѣлецъ можетъ сдать свой надѣлъ постороннему лицу не иначе, какъ съ согласія общества. Во всякомъ случаѣ, владѣльцу надѣла, выходящему изъ общества, принадлежитъ право собственности, кромѣ движимаго имущества, на строенія, возведенныя имъ или его предшественниками на его надѣлѣ; эти строенія онъ можетъ продать (но безъ права на землю) или свезти; наконецъ, онъ имѣетъ право получить вознагражденіе за всѣ сдѣланныя имъ самимъ улучшенія въ надѣлѣ, возвысившія его доходность. Самый же надѣлъ переходитъ отъ него къ обществу или другому владѣльцу безвозмездно.

Уменьшеніе или увеличеніе *того или другого* надѣла, измѣненіе его очертаній, переверстка и обмѣнъ его частей допускаются не иначе, какъ съ согласія самого владѣльца и общества. Безъ согласія владѣльцевъ допускается, по рѣшенію установленнаго закономъ большинства членовъ общества, въ видѣ общихъ мѣръ, обязательныхъ для всѣхъ владѣльцевъ въ обществѣ: передѣлъ всѣхъ земель, новое распредѣленіе участковъ, увеличеніе или уменьшеніе ихъ размѣра, введеніе новой системы хозяйства и т. п. Всѣ такія *общія* мѣры, подобно частнымъ, касающимся одного надѣла, могутъ быть обжалованы въ судъ, о которомъ сказано выше.

Таковы главныя черты того поземельнаго устройства, которое мы считаемъ необходимымъ для обезпеченія и упроченія быта земледѣльческаго населенія. Оно устранило бы недостатки теперешняго, на которые было указано выше, и въ то же время возстановило бы основныя черты нашихъ старинныхъ крестьянскихъ общинъ съ тѣми дополненіями и разъясненіями, которыхъ требуетъ болѣе зрѣлая гражданственность и опредѣлившійся бытъ государства. Такое устройство окончательно сняло бы съ сельскаго населенія тройное ярмо крѣпостной зависимости, подъ которымъ оно такъ долго стенало, и открыло бы путь всякимъ усовершенствованіямъ крестьянскаго полеводства по мѣрѣ распространенія въ земледѣльческихъ массахъ болѣе правильныхъ понятій о земледѣліи и сельскомъ хозяйствѣ. Въ числѣ важныхъ преимуществъ такого устройства слѣдуетъ въ особенности указать на то, что оно близко къ теперешнимъ понятіямъ и привычкамъ крестьянъ и, не ломая, не насилуя ихъ быта, поста-

вило бы всякіе успѣхи и улучшенія въ зависимость отъ ихъ постепеннаго умственнаго, нравственнаго и экономическаго развитія; для тѣхъ же земледѣльцевъ, которые выростутъ изъ тѣсныхъ рамокъ общаго уровня и быта земледѣльцевъ, будетъ открыто, какъ и теперь, обширное поле дѣятельности внѣ сельской общины. Ея единственное назначеніе: успокоить, обезпечить и устроить земледѣльческія массы. Эта цѣль предлагаемымъ устройствомъ будетъ достигнута исподоволь вполнѣ.

Но теперешнее наше законодательство и въ особенности практическое его примѣненіе администраціей и судомъ въ предѣлахъ бывшаго московскаго государства, гдѣ почти исключительно господствовало общинное землевладѣніе, нѣсколько уклонились отъ этой цѣли. Что же касается многихъ мѣстностей имперіи, имѣвшихъ, до присоединенія къ ней, свою исторію, то въ нихъ успѣли уже глубоко укорениться начала личной поземельной крестьянской собственности. Спрашивается, какимъ образомъ совершить, здѣсь и тамъ, переходъ къ предполагаемому поземельному устройству, не прибѣгая къ насильственнымъ и крутымъ мѣрамъ, которыя, вмѣсто пользы, принесли бы только существенный и неизгладимый вредъ?

Изъ числа наиболѣе сподручныхъ способовъ, для совершенія такого перехода исподоволь, мы укажемъ на слѣдующее:

Въ Положеніяхъ 19 февраля указаны, какъ мы сказали выше, многіе пути для раздробленія общинной земли между домохозяевами въ частную, личную собственность, и ни одного для обращенія мелкой крестьянской поземельной собственности въ общинную, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, даже въ селеніяхъ невеликорусскихъ, сама необходимость часто наталкиваетъ на такого рода превращеніе земли изъ частной собственности, раздробленной на мелкіе куски, въ общинную. Можно, не нарушая ничьихъ правъ и никакихъ народныхъ привычекъ, прекратить на будущее время раздробленіе общинной земли въ личную собственность крестьянъ и выкупъ надѣловъ отдѣльными домохозяевами, съ выдѣленіемъ ихъ изъ общинной земли, и отмѣнить право бывшихъ государственныхъ крестьянъ продавать свои надѣлы, безвозмездно полученные изъ казенныхъ земель. Вмѣсто того, должно постановить правиломъ, что неотчужденная еще общин-

ная земля, приписанная къ селеніямъ, составляетъ неотчуждаемую и незакладываемую вѣчную собственность селеній и предоставить послѣднимъ право пріобрѣтать вновь землю на имя сельскаго общества и выкупать, въ пользу же общества, надѣлы, пріобрѣтенные домохозяевами и купленные у нихъ посторонними лицами въ частную личную собственность. Выкупъ такихъ надѣловъ изъ частной собственности въ пользу обществъ можно подчинить правиламъ пріобрѣтенія недвижимой собственности на общеполезное употребленіе и поощрить къ такимъ выкупамъ выдачею изъ кредитныхъ установленій долгосрочныхъ ссудъ, съ погашеніемъ ихъ на банковыхъ правилахъ. Такими мѣрами будетъ, по крайней мѣрѣ, остановлено дальнѣйшее распаденіе крестьянскихъ земель и положенъ конецъ начавшемуся уже переходу ихъ въ руки скупщиковъ.

Обращеніе земель, владѣемыхъ на правѣ частной собственности, въ общественныя должно быть допущено безпрепятственно. Теперь нерѣдко случается, что общинныя земли только для виду раздѣляются между крестьянами, чтобъ избѣжать круговой поруки по уплатѣ податей и повинностей. Съ измѣненіемъ податной системы и съ отмѣной круговой поруки, такія раздробленія общественныхъ земель больше не понадобятся, и надо всячески облегчить крестьянамъ возможность отмѣнить такіе фиктивные раздѣлы земель.

Труднѣе обратить въ общественныя земли надѣлы, находящіеся уже на выкупѣ, тѣмъ болѣе въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ выкупъ уже совершился. Исправить эту коренную ошибку положенія о выкупной операціи можно лишь постепенно и въ продолженіе долгаго времени. Съ этою цѣлью могли бы быть приняты слѣдующія мѣры:

Во 1-хъ, постановить правиломъ, что на будущее время выкупной платежъ, вносимый каждымъ домохозяиномъ, имѣетъ значеніе взноса денегъ по общественной раскладкѣ, дѣлаемой съ цѣлью пріобрѣтенія выкупаемой земли не въ личную, а въ общественную собственность.

Во 2-хъ, суммы, уплаченныя въ *погашеніе капитальнаго долга* до изданія такого правила, должны быть возвращены уплатившимъ посредствомъ банковой операціи, если они сами добро-

вольно не согласятся считать ихъ за взносы, сдѣланные по общественной раскладкѣ на пріобрѣтеніе земли въ общественную собственность. Мы полагаемъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ крестьяне, у которыхъ и теперь земля находится въ общинномъ владѣніи, охотно согласятся на такое измѣненіе юридическаго характера сдѣланныхъ ими взносовъ капитальнаго долга; ибо вслѣдствіе передѣловъ, переверстокъ, неисправнаго взноса платежей нѣкоторыми домохозяевами, вслѣдствіе вступленія новыхъ членовъ въ сельскія общества и выхода изъ нихъ прежнихъ, передачи надѣловъ и тому подобныхъ передвиженій поземельныхъ владѣній, личные разсчеты крестьянъ между собою очень запутаны; сверхъ того, далеко не всѣ крестьяне имѣютъ ясное понятіе о юридическомъ характерѣ выкупныхъ взносовъ. Твердо они знаютъ только то, что взносомъ выкупныхъ платежей они пріобрѣтаютъ землю въ собственность, но какую именно, частную и личную, или общественную,—объ этомъ они, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ лишь сбивчивое и неясное представленіе. Взаимные ихъ разсчеты вертятся только на томъ, кто не доплатилъ и кто переплатилъ лишняго. Гдѣ общинное владѣніе продолжается и по сіе время, тамъ крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, едва ли затруднятся признать землю за общественную, а платежи—за общественныя раскладки на ея выкупъ, если только они будутъ увѣрены, что земля останется въ безсрочномъ неприкосновенномъ и наслѣдственномъ владѣніи и пользованіи. Что касается до *процентовъ, уплачиваемыхъ по выкупнымъ ссудамъ*, то они во всякомъ случаѣ не подлежали бы возврату, такъ-какъ представляютъ въ дѣйствительности лишь арендную плату за владѣніе и пользованіе невыкупленною еще землею, впредь до ея окончательнаго выкупа. При такихъ условіяхъ, размѣръ суммъ, подлежащихъ, въ случаѣ требованія, возврату, не можетъ быть слишкомъ значителенъ, а это обстоятельство существенно облегчало бы дѣло.

Гораздо труднѣе провести новое поземельное устройство въ тѣхъ селеніяхъ и цѣлыхъ областяхъ Россіи, гдѣ начало личной поземельной собственности уже успѣло вполнѣ вытѣснить общинное владѣніе и изгладить всѣ его слѣды въ правахъ и привычкахъ сельскаго населенія. Здѣсь это можно не иначе, какъ по-

степенной, въ теченіе долгаго времени, скупкой земель, принадлежащихъ членамъ сельскихъ обществъ на правахъ собственности и обращеніемъ ихъ въ общественныя по добровольнымъ съ ними сдѣлкамъ. Такія сдѣлки, при бѣдности крестьянъ, могутъ сдѣлаться весьма для нихъ желательными, если они увидятъ и убѣдятся на дѣлѣ, что проданныя ими обществу земли въ дѣйствительности остаются въ ихъ безсрочномъ и наслѣдственномъ владѣніи и пользованіи. При такомъ условіи вся сдѣлка представится имъ лишь отказомъ отъ права продавать и закладывать свои земли за щедрое вознагражденіе, равняющееся стоимости всей земли. Такія сдѣлки и на самомъ дѣлѣ будутъ для большинства крестьянъ лишь измѣненіемъ юридическаго титула, на которомъ они владѣютъ: продать землю за полную цѣну, съ оставленіемъ за собою и дѣтьми навсегда, слишкомъ выгодно, чтобъ многіе не захотѣли воспользоваться подобною сдѣлкой. Наконецъ, въ составъ неотчуждаемыхъ общественныхъ земель должны быть также включены всѣ выморочныя земли членовъ сельскихъ обществъ, которыя теперь по закону поступаютъ въ собственность обществъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу большинство земель, принадлежащихъ членамъ обществъ на правахъ собственности, перешли бы въ собственность обществъ, послѣ чего къ немногимъ, остающимся еще въ частномъ правѣ, могли бы уже быть примѣнены правила обязательнаго выкупа. Такъ-какъ въ проведеніи такой реформы заинтересовано и государство, и земство, и сами крестьянскія общества, то фондъ для такихъ сдѣлокъ могъ бы образоваться постепенными малыми взносами отъ казны, земствъ и сельскихъ обществъ. Во всякомъ случаѣ операція скупки должна быть ведена самимъ правительствомъ, какъ дѣло государственное. Отдавать его въ руки спекуляціи не слѣдуетъ, ибо въ ея рукахъ она обошлась бы чрезмѣрно дорого, и тѣмъ принесла бы не пользу, а вредъ.

Таковы, въ самыхъ главныхъ общихъ чертахъ, преобразованія въ поземельномъ устройствѣ крестьянъ, которыя мы считаемъ не только необходимыми вообще, но настоятельными и неотложными. О важности и пользѣ ихъ было говорено выше. Теперь сведемъ, для наглядности, все сказанное въ общіе заключительные итоги.

Предполагаемыя преобразованія имѣютъ задачею отмѣнить послѣдніе остатки закрѣпощенія земледѣльцевъ и перенести на сельскія общества права собственности на землю, занимаемую ихъ членами, съ присвоеніемъ послѣднимъ права безсрочныхъ и наслѣдственныхъ арендаторовъ. Это доставитъ массѣ народа всѣ блага и выгоды поземельной собственности и общиннаго владѣнія безъ вытекающихъ изъ нихъ послѣдствій вредныхъ или для быта народныхъ массъ, или для успѣховъ земледѣлія.

Вездѣ, гдѣ до сихъ поръ существуетъ общинное землевладѣніе, т.-е. во всей Великороссіи, Бѣлоруссіи, предполагаемая реформа закрѣпила и опредѣлила бы юридически существующія уже на фактѣ поземельныя отношенія, не затронувъ ни въ чемъ привычекъ и воззрѣній земледѣльцевъ, что̀ во всякомъ преобразованіи, касающемся народнагоб ыта, такъ неизмѣримо важно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принадлежность земли, на правахъ собственности, обществу, а не отдѣльнымъ домохозяевамъ, дастъ возможность, когда понадобится, устроить поземельное владѣніе внутри сельскихъ обществъ, согласно съ требованіями правильнаго и улучшеннаго земледѣлія, что́, при раздробленіи общинной земли между членами общества на правахъ личной собственности, будетъ совершенно невозможно безъ глубокихъ и коренныхъ потрясеній правъ владѣльцевъ. Если хозяинъ земли есть общество, то оно можетъ, не нарушая ничьихъ правъ, устроить у себя поземельные порядки, какіе оно признаетъ наиболѣе полезными; когда же каждый хозяинъ будетъ собственникомъ своего надѣла, общество будетъ лишено возможности измѣнять существующій распорядокъ полей и угодій.

Если общинныя земли обратятся въ личную собственность крестьянъ, то внутри обществъ неизбѣжно начнется то обезземеленіе бѣднѣйшихъ и скопленіе участковъ въ рукахъ наиболѣе вліятельнаго, зажиточнаго и предпріимчиваго меньшинства, какъ это замѣчалось всюду со введеніемъ личной поземельной собственности и начинается, къ несчастію, уже и у насъ. Существенный смыслъ освобожденія крестьянъ съ землею, единственно въ видахъ обезпеченія осѣдлости народныхъ массъ, былъ бы въ такомъ случаѣ потерянъ, и надѣлы изъ помѣщичьихъ владѣній послужили бы только къ переведенію земель изъ однихъ рукъ въ другія,

безъ всякой пользы для земледѣльческаго населенія. Напротивъ, если право собственности перейдетъ къ сельскимъ обществамъ и общинныя земли будутъ закрѣплены за ними навсегда, безъ права отчужденія, а крестьяне станутъ безсрочными и наслѣдственными арендаторами этихъ земель, то отсюда произойдутъ два послѣдствія, благотворныя для быта земледѣльцевъ: во-первыхъ, при ограниченіи закономъ захвата многихъ надѣловъ въ однѣ руки, огромное большинство крестьянъ сохранитъ осѣдлость и свое хозяйство; во-вторыхъ, арендная плата за земли не будетъ возвышаться по произволу, какъ это дѣлается при отдачѣ земли въ наемъ собственниками; плата эта установится въ умѣренныхъ размѣрахъ самими сельскими жителями, заинтересованными въ томъ, чтобъ она не возвышалась вопреки справедливости. Притомъ, арендная плата въ пользу юридическаго лица—сельскаго общества, можетъ быть регулируема судомъ и закономъ, что немыслимо относительно личной поземельной собственности.

Далѣе: положеніе отдѣльныхъ крестьянъ относительно общественной земли не будетъ ничѣмъ существенно разниться отъ положенія личнаго собственника. Оставаясь безсрочнымъ и наслѣдственнымъ владѣльцемъ своего участка, крестьянинъ, его семья и потомство столько же обезпечены, какъ и личный собственникъ. Оставляя общество, крестьянинъ получитъ вознагражденіе за капиталъ и трудъ, который имъ затраченъ на улучшеніе и поднятіе доходности арендпаго надѣла, бывшаго въ его владѣніи и пользованіи. Единственное различіе его правъ съ правами личнаго собственника заключалось бы только въ томъ, что онъ не можетъ воспользоваться, подъ залогъ своей земли, благомъ поземельнаго кредита, не можетъ также, продажею владѣемой земли, реализировать капиталъ. Но мелкая недвижимая собственность не пользуется у насъ и теперь выгодами поземельнаго кредита; кредитъ же подъ залогъ движимости и строеній и при предполагаемомъ поземельномъ устройствѣ не только возможенъ и желателенъ для крестьянъ, но, какъ мы постараемся показать впослѣдствіи, составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей сельскаго населенія. Здѣсь замѣтимъ, что аргументація въ пользу обращенія всѣхъ крестьянъ въ мелкихъ личныхъ поземельныхъ собственниковъ на томъ основаніи, что они, вслѣд-

ствіе того, получать право закладывать и продавать свои земли, грѣшитъ противъ логики. Намъ говорятъ: мелкій личный собственникъ можетъ продать и заложить свою землю; а владѣющій ею на арендномъ правѣ—не можетъ. Это совершенно справедливо; но также справедливо и то, что не имѣющій вовсе собственной земли не можетъ ни продать, ни заложить ея. Въ общихъ разсужденіяхъ о личной выгодѣ или невыгодѣ того или другого права на землю мы не видимъ правильнаго перехода къ разрѣшенію вопроса о прочномъ устройствѣ быта и осѣдлости массъ, который выросъ въ наше время въ вопросъ первостепенной государственной важности. Что лучше разрѣшаетъ этотъ вопросъ: личная или общественная поземельная собственность— вотъ въ чемъ дѣло. Если справедливо, что послѣдняя благопріятнѣе для осѣдлости народныхъ массъ, то она и должна быть предпочтена, хотя бы личная поземельная собственность и представляла, съ личной точки зрѣнія, несомнѣнныя преимущества. Такая постановка вопроса представляется тѣмъ болѣе правильною, что мы предполагаемъ существованіе, рядомъ съ общественной поземельной собственностью, и личной—мелкой, средней и крупной собственности. Кто ее имѣетъ, или можетъ пріобрѣсти, пусть владѣетъ, пользуется и распоряжается ею, какъ хочетъ, умѣетъ и знаетъ. Крестьянинъ, которому не нравится жить на общественной землѣ и у котораго есть средства, можетъ, если захочетъ, купить себѣ землю, поселиться на ней и стать личнымъ поземельнымъ собственникомъ; онъ можетъ имъ стать, и оставаясь участникомъ въ общественной землѣ. Предлагаемое нами поземельное устройство имѣетъ въ виду не тѣхъ, у кого есть капиталъ, кто предпріимчивъ, а огромное большинство крестьянъ малоимущихъ, кормящихся изо дня въ день отъ земли. Общественная поземельная собственность обезпечитъ и оградитъ отъ случайностей конкурренціи гораздо болѣе, чѣмъ личная поземельная собственность. А мы только это и имѣемъ въ виду. Капиталъ и трудъ, вложенный крестьяниномъ въ общественную землю, во всякомъ случаѣ останется его личною собственностью, которую онъ, оставляя общество, удержитъ за собою или же за которую получитъ вознагражденіе отъ своего преемника.

Намъ замѣтятъ, что съ увеличеніемъ населенія и предлагаемое

нами поземельное устройство не въ состоянiи будетъ обезпечить землею всѣхъ земледѣльцевъ. Но мы вовсе и не задаемся такой неразрѣшимой задачей. Мы имѣемъ въ виду только устройство быта большинства земледѣльческаго населенiя, обезпеченiе ему покойнаго и безбѣднаго существованiя и возможности постепенно улучшать хозяйство и свой бытъ. Это необходимо не только для земледѣльцевъ, но вмѣстѣ и для блага государства, высшихъ слоевъ общества и интеллигенцiи. Гдѣ массамъ, именно большинству ихъ, плохо живется, тамъ общее положенiе тоже становится ненормальнымъ. У насъ же, вдобавокъ, массы простого народа кормятся преимущественно отъ земли; поэтому, у насъ вопросъ объ обезпеченiи за ними землевладѣнiя естественно получаетъ государственную важность; а такое обезпеченiе даетъ не личная, а общественная поземельная собственность, которую регулировать и приспособить къ потребностямъ земледѣльческаго населенiя гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ личную поземельную собственность.

Сказаннымъ исчерпывается все, что мы имѣли сказать о поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Не можемъ довольно настаивать на томъ, что дѣло это не терпитъ отлагательства, что за него надо приняться какъ можно скорѣе, ибо каждый пропущенный годъ только ухудшаетъ положенiе и создаетъ трудности въ возрастающей прогрессiи. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и дезорганизацiи земледѣльческаго населенiя нельзя уже будетъ пособить. Не дай намъ Богъ дожить до этого.

IV.

Читатели, интересующiеся крестьянскимъ дѣломъ, но недостаточно съ нимъ знакомые, быть можетъ, упрекнутъ насъ за то, что, предлагая для крестьянъ новое поземельное устройство, мы не обратили должнаго вниманiя на сельско-хозяйственную сторону вопроса, тогда какъ она одна изъ важнѣйшихъ, если не самая важная.—По вашей мысли, скажутъ намъ, отъ большинства домохозяевъ должно, какъ и теперь, зависѣть распре-

дѣленіе земель между членами общества, устройство надѣловъ, система полеводства, обязательная для меньшинства, на сторонѣ котораго легко могутъ, однако, оказаться люди, болѣе знающіе и опытные по части сельскаго хозяйства. Въ чемъ же будетъ заключаться экономическое преимущество новаго поземельнаго крестьянскаго устройства передъ теперешнимъ? Въ какомъ отношеніи оно будетъ благопріятнѣе для успѣховъ крестьянскаго земледѣлія, чѣмъ общинное землевладѣніе, котораго вредное вліяніе на полевую культуру выяснено со всевозможною очевидностью и признается въ наше время всѣми?

Мы думаемъ, что наиболѣе неблагопріятныя для крестьянскаго хозяйства послѣдствія общиннаго землевладѣнія будутъ устранены, если за каждымъ домохозяиномъ будетъ обезпечено постоянное, наслѣдственное владѣніе и пользованіе землей, на которую онъ имѣетъ право по числу душъ или работниковъ. Этимъ отмѣнится частый переходъ земель отъ однихъ хозяевъ къ другимъ, въ ущербъ заботливыхъ и достаточныхъ крестьянъ и къ несправедливой выгодѣ нерадивыхъ или бѣдныхъ; но въ то же время крестьяне будутъ обезпечены противъ раздробленія общинныхъ земель, которое мы считаемъ вреднымъ и даже опаснымъ не только для благосостоянія крестьянъ, но и для цѣлаго государства.

Впрочемъ, подъ улучшеніемъ крестьянскаго земледѣлія разумѣется обыкновенно не улучшеніе поземельныхъ условій, а введеніе между крестьянами болѣе правильныхъ сельско-хозяйственныхъ пріемовъ, чѣмъ теперешніе. Именно съ этой точки зрѣнія смотрятъ на дѣло тѣ, кто, отвергая необходимость увеличить размѣры крестьянскихъ надѣловъ, настаиваютъ вмѣсто того на распространеніи между крестьянами улучшеннаго полеводства.

Возможно ли въ настоящее время такое улучшеніе, и стоитъ ли теперь этотъ вопросъ на первой очереди, какъ многіе думаютъ? Вотъ что надо разсмотрѣть прежде всего.

Вопросъ объ улучшеніи у крестьянъ земледѣлія возникъ у насъ не такъ давно, но уже имѣетъ за себя многихъ горячихъ сторонниковъ. Это неудивительно. Кто видалъ и знаетъ, какъ плохо и небрежно нашъ крестьянинъ обращается съ навозомъ, пашнею, покосомъ, лошадью, коровою; какъ неразсчетливо, наавось, онъ сѣетъ, убираетъ хлѣбъ, молотитъ и вѣетъ, сколько

нелѣпѣйшихъ предразсудковъ и невѣжественныхъ понятій вносить въ свои занятія по хозяйству, тотъ естественно приходитъ къ мысли, что улучшеніе крестьянскаго земледѣлія должно стоять на ближайшей очереди. Вдобавокъ, знающіе люди утверждаютъ, что распложеніе вредныхъ насѣкомыхъ, опустошающихъ всходы, покосы и хлѣба въ Россіи, находится въ причинной связи съ дурной обработкой полей, замѣной культуры озимыхъ хлѣбовъ посѣвомъ яровыхъ, и поднятіемъ пашни не съ осени, а весной. Если эти выводы подтвердятся точными изслѣдованіями, то усиливающійся изъ года въ годъ захватъ нашихъ полей вредными жучками, мухами и гусеницами послужитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что земледѣліе у насъ не только не улучшается, а къ несчастію падаетъ, и представитъ наглядное, графическое изображеніе распространенія его упадка.

Что земледѣліе у насъ вступило въ періодъ остраго кризиса, это, къ сожалѣнію, правда. Но отъ чего онъ произошелъ и какъ ему помочь, объ этомъ мнѣнія очень различны. Передъ этимъ фактомъ, какъ и передъ другими, одинаково губительными, мы по обыкновенію ходимъ въ туманѣ, хватаемся за первое, что попадется подъ руку, какъ за якорь спасенія, и строимъ на отрывочныхъ данныхъ цѣлые взгляды, забывая о другихъ данныхъ, которыя идутъ съ ними рядомъ и могли бы навести на другія соображенія. Къ этому еще присоединяется наша несчастная страсть обращать все на свѣтѣ въ орудіе запугиваній, заподозриваній и инсинуацій. Это спутываетъ всѣ наши мысли и не даетъ никакому вопросу выясниться въ его настоящемъ свѣтѣ.

Говорятъ, земледѣліе находится у крестьянъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Это справедливо. Но развѣ у однихъ крестьянъ? За рѣдкими исключеніями, оно тащится въ заржавѣлой рутинной колеѣ также въ помѣщичьихъ и купеческихъ хозяйствахъ, у арендаторовъ и съемщиковъ. Наша хищническая эксплуатація земли, безразсчетное высасываніе изъ нея производительныхъ силъ, не возвращая ихъ инымъ способомъ, вошли въ пословицу. Почему же на крестьянъ преимущественно указывается какъ на небрежныхъ, нерадивыхъ хозяевъ? Они ведутъ свои хозяйства, правда, не лучше, но за то и не хуже огромнаго большинства крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ.

Причинами жалкаго положенія нашего сельскаго хозяйства называютъ: почти поголовное незнакомство съ техническою стороною дѣла, недостатокъ, дороговизну и негодность рабочихъ рукъ и служащаго персонала, недостатокъ капиталовъ и дороговизну поземельнаго кредита, неустроенность и неправильность торговли сельскими произведеніями, путей сообщенія и способовъ перевозки, недостатокъ близкихъ и вѣрныхъ пунктовъ сбыта, трудность полученія и дороговизну необходимѣйшихъ предметовъ и орудій правильнаго хозяйства, личную и имущественную необезпеченность, крайне стѣснительное законодательство, которое вяжетъ по рукамъ и ногамъ и подавляетъ всякую промышленную предпріимчивость и энергію и т. п. Всѣ эти помѣхи успѣшному развитію земледѣлія и сельскаго хозяйства дѣйствительно существуютъ и имѣютъ на него очень вредное вліяніе. Но можно ли назвать ихъ главными? Вѣдь онѣ дѣйствуютъ испоконъ вѣка. Справедливость требуетъ сказать, что многія изъ нихъ, въ наше время, скорѣй ослабѣли, чѣмъ усилились. Отчего же, не смотря на то, земледѣліе у насъ падаетъ? Положимъ, что у помѣщиковъ оно упало вслѣдствіе сильнаго уменьшенія или потери дорового труда; а у крестьянъ отчего хозяйства тоже пошатнулись? Вѣдь они, вслѣдствіе освобожденія, несомнѣнно выиграли. Положимъ, свѣдѣнія ихъ въ агрономіи не Богъ вѣсть какія; но вѣдь нѣтъ такого мужика, который бы не зналъ, что суглинокъ и супесокъ нужно хорошо удобрять, а черноземъ пахать поглубже; что для удобренія надо держать побольше скота и т. п. На такой нехитрой агрономической мудрости и было прежде построено помѣщичье и крестьянское хозяйство, и шли они себѣ помаленьку, доставляя средства жить или хоть перебиваться изъ году въ годъ. Отчего же теперь и отъ этой азбуки сельскаго хозяйства крестьяне какъ будто отстали, скота и лошадей противъ прежняго у нихъ убавилось на добрую половину, а мѣстами и гораздо болѣе того, даже тамъ, гдѣ на недостатокъ земли и угодьевъ нельзя пожаловаться? Этого нельзя объяснить обыкновенно приводимыми причинами, даже съ присоединеніемъ къ нимъ пьянства, лѣни и разврата мужика, которые многими особенно подчеркиваются. Главная, коренная причина всему — тягость налоговъ, наша финансовая политика. Въ какихъ-нибудь

тридцать лѣтъ государственный бюджетъ утроился, денежныя земскія повинности учетверились. Крупная промышленность до послѣдняго времени пользовалась у насъ всевозможнымъ покровительствомъ и поддержкою государства, а мелкая и крестьянское хозяйство были оставлены на произволъ судьбы. Тяжкое бремя податей, взваленное на крестьянъ, вынудило ихъ сбывать, за что попало, не только свои произведенія, но и необходимыя орудія производства — скотъ и лошадей; пришлось и землю попримучить, и строеніе оставить безъ починки и ремонта. Выжидать хорошихъ цѣнъ на произведенія стало не подъ силу, и мелкій капиталистъ-кулакъ забралъ мужика въ неволю, ставитъ цѣну, какую хочетъ, и тогда, когда крестьянинъ ему продаетъ, и тогда, когда у него покупаетъ. Всѣ мелкія и среднія хозяйства и производства должны были вслѣдствіе того пасть; удержались одни крупныя. Пока ярмо податей не будетъ облегчено и финансовая политика не измѣнится, до тѣхъ поръ нечего и думать объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія и хозяйства. Напирая на второстепенныя условія, неблагопріятствующія его развитію, мы только себя обманываемъ и отводимъ глаза отъ главной причины, которая мѣшаетъ всему. Сперва надо устранить ее и потомъ уже подумать о введеніи сельско-хозяйственныхъ улучшеній и усовершенствованій. До тѣхъ же поръ возбужденіе у насъ общаго вопроса объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія и хозяйства будетъ походить на горькую иронію или свидѣтельствовать о наивномъ незнаніи самыхъ простыхъ вещей. Чтобы начать улучшенія сельскаго хозяйства, надо напередъ озаботиться о томъ, чтобы оно могло существовать; а теперешнія условія ведутъ къ систематическому его уничтоженію у крестьянъ. Чтобъ наши слова не показались голословнымъ пессимизмомъ, напомнимъ объ условіяхъ крестьянскаго полеводства, и пусть самъ читатель разсудитъ, преувеличиваемъ мы наше теперешнее печальное положеніе, или говоримъ правду.

Съ чего начинаетъ всякій хозяинъ, собирающійся хоть сколько-нибудь осмысленно вести свое хозяйство? Онъ прежде всего старается округлить и устроить свою землю такъ, чтобы при данныхъ обстоятельствахъ правильное хозяйство на ней вообще было возможно. Такъ дѣлали и въ Европѣ. Регулированіе и

округленіе владѣній заняли цѣлый періодъ въ сельско-хозяйственномъ развитіи западной Европы и послужили въ Англіи и Германіи, какъ извѣстно, поводомъ и предлогомъ къ обезземеленію сельскихъ жителей въ огромныхъ размѣрахъ. У насъ такое округленіе и устройство земли недоступно не только домохозяевамъ, но и цѣлымъ селеніямъ. Положенія 19-го февраля, неизвѣстно по какой причинѣ, лишили крестьянъ права требовать уничтоженія черезполосицы съ владѣльцами. А при черезполосицѣ не только правильное, но часто и никакое вообще хозяйство немыслимо.

Изъ множества такого рода стѣсненій, вяжущихъ крестьянъ по рукамъ и ногамъ въ ихъ полевомъ хозяйствѣ, выхватываютъ одно, съ которымъ крестьянамъ справиться всего легче, потому что оно отъ нихъ самихъ зависитъ,—именно черезполосность и передѣлъ *общинныхъ* земель, и росписываютъ яркими красками безобразіе, которое отсюда проистекаетъ. Почему-же такъ нападаютъ именно на общинное владѣніе и благоразумно умалчиваютъ о невозможности или крайнихъ стѣсненіяхъ полевого хозяйства крестьянъ отъ черезполосицы съ *владѣльцами*. Не потому-ли, что послѣдняя очень выгодна для бывшихъ помѣщиковъ и что общинное владѣніе, каково оно ни есть, мѣшаетъ обезземеленію крестьянъ? Сельско-хозяйственные непорядки, проистекающіе изъ черезполосицы и передѣловъ общинныхъ земель, съ успѣхами земледѣлія и съ поднятіемъ образованія между крестьянами, непремѣнно и легко будутъ замѣнены болѣе правильнымъ и болѣе благопріятнымъ для сельскаго хозяйства земельнымъ устройствомъ. Но пока стѣснительный для крестьянъ законъ, запрещающій имъ требовать разверстки земель съ посторонними владѣльцами, не будетъ отмѣненъ, до тѣхъ поръ о сколько-нибудь правильномъ крестьянскомъ хозяйствѣ нечего и говорить, потому-что сами помѣщики врядъ-ли согласятся добровольно отказаться отъ привилегіи, доставляющей имъ столько выгодъ въ видѣ денежныхъ платежей, арендъ и рабочей силы.

Далѣе: для того, чтобъ подумать объ улучшеніи хозяйства, крестьянину нужно имѣть въ своемъ распоряженіи хоть какія-нибудь средства на необходимыя затраты. Нужно и скота прибавить, и сѣмянъ купить, и плужокъ; а у него не только ника-

кихъ средствъ въ запасѣ нѣтъ, но онъ и необходимое продаетъ, чтобъ подати уплатить и прокормиться съ семьей. Злая нужда гонитъ его изъ деревни и дому на сторону, чтобъ заработать деньги на насущныя надобности. О какихъ-же улучшеніяхъ земледѣлія можетъ быть рѣчь при такихъ обстоятельствахъ? Вдобавокъ, для крестьянина не существуетъ кредита, не только дешеваго, но на условіяхъ сколько-нибудь сносныхъ. Какъ-же онъ начнетъ поправлять свое хозяйство?

Представимъ себѣ, однако, такого крестьянина-счастливца, у котораго и земля отрубная есть, и кое-какія деньги, и добрая воля улучшить свое хозяйство. Гдѣ и какъ онъ научится, что ему дѣлать и какъ приняться за дѣло? Для большихъ и среднихъ хозяйствъ кое-что уже сдѣлано съ этою цѣлью; для мелкихъ, крестьянскихъ—ровно ничего. Давно-ли помѣщики, и то не многіе, принялись за осмысленное хозяйство примѣнительно къ нашимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ? У насъ еще не успѣли выработаться и опредѣлиться типы на опытѣ изведанныхъ, осмысленныхъ, большихъ и среднихъ хозяйствъ для различныхъ мѣстностей, такъ-что каждому начинающему хозяину приходится чуть не Америку открывать въ своемъ имѣніи и идти ощупью, дѣлая на каждомъ шагу кучу ошибокъ и ненужныхъ расходовъ. Крестьянину-же негдѣ ни поучиться, ни посмотрѣть, ни послушать, ни почитать такого, что бы ему, въ его быту, могло быть полезно.

Вотъ, при какой обстановкѣ ставится у насъ вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго земледѣлія. Не насмѣшка-ли это? Не праздная-ли это мечта, которой мы потому предаемся, что продолжаемъ сквозь очки смотрѣть на дѣйствительную жизнь. Мы смѣемся надъ мыслями и планами Петра Великаго, въ ребяческой увѣренности, что онъ хотѣлъ подѣлать изъ насъ голландцевъ и шведовъ. Чѣмъ-же, однако, лучше, практичнѣе мысль завести между нашими мужиками усовершенствованную культуру полей? И какими мѣрами завели-бы мы ее у нихъ? При наилучшихъ условіяхъ, при живомъ примѣрѣ подъ глазами, при увѣренности получить помощь и поддержку на переходные годы, они колеблются и не рѣшаются разстаться съ заведенными порядками, имѣя на то свои, весьма вѣскія причины. Не дума-

ють-ли сторонники улучшеній прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ, какъ они ихъ затѣвали въ видахъ уничтоженія общиннаго землевладѣнія? Это было-бы совсѣмъ по-петровски, съ тою только существенною разницею, что Петръ ясно и твердо зналъ, чего хотѣлъ; а современные реформаторы народнаго быта и хозяйства этого не знаютъ, потому-что типы русскаго національнаго хозяйства, какъ сказано, еще не выработались, и пока еще только въ зародышѣ. Къ чему-же мы будемъ принуждать крестьянъ?

Нельзя здѣсь кстати не указать на поразительное противорѣчіе, которое красной ниткой проходитъ чрезъ все, что у насъ теперь дѣлается, по крайней мѣрѣ, дѣлалось до сихъ поръ. Минувшее царствованіе дало крестьянамъ гражданскія права и призвало ихъ къ гражданской жизни. Вслѣдствіе этого, громадное большинство населенія имперіи, долгое время затертое и заслоненное тонкимъ слоемъ господствующихъ классовъ, выросло изъ-подъ земли къ человѣческому и гражданскому существованію. Воспитавшись въ теченіи вѣковъ подъ крайне своеобразными опредѣленіями нашего деревенскаго быта, это большинство представляетъ совершенно особый типъ культуры, не имѣющій съ культурою образованныхъ слоевъ почти ничего общаго. Слѣдовало-бы ожидать, что на выработку новыхъ гражданъ, на пріобщеніе ихъ къ установившимся уже общественнымъ формаціямъ и условіямъ правильной гражданственности, будутъ направлены всѣ усилія, обращены всѣ наличныя средства. Такъ поступили шведы съ финнами. У насъ-же видимъ совсѣмъ другое. До сего дня предметомъ заботъ остаются, по старому, выдающіеся слои общества, города и промышленные классы. Какую сторону жизни ни взять,— общественную, экономическую, умственную, или нравственную,— по всѣмъ безъ изъятія то и другое, сравнительно даже многое, дѣлается для высшихъ слоевъ, и ничего или почти ничего для огромнаго большинства. Въ этомъ отношеніи направленіе правительственной и частной дѣятельности не разнится почти ничѣмъ, и безпрестанныя напоминанія большинства печатныхъ органовъ остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Идеалы, выношенные и воспитанные въ городской или великосвѣтской средѣ, вскормленные на европейскихъ книгахъ и понятіяхъ, аристократиче-

скихъ, монархическихъ, буржуазныхъ, клерикальныхъ или радикальныхъ, не прилажены къ нуждамъ, потребностямъ и воззрѣніямъ крестьянскихъ массъ, форма этихъ идеаловъ остается нашему сельскому населенію непонятною и чуждою. Въ этомъ заключается главная причина, почему сельское населеніе равнодушно къ культурнымъ слоямъ, а они, въ большинствѣ, къ сельскому населенію. Обѣ составные элемента русской общественности живутъ каждый своею особенною жизнью, какъ было до дарованія крестьянамъ гражданскихъ правъ.

Это замѣчаніе вполнѣ относится и къ предмету, который насъ теперь занимаетъ, именно, къ крестьянскому земледѣлію и хозяйству. Улучшеніе его поставлено задачею; но для ея разрѣшенія, даже для приготовленія ея разрѣшенія въ будущемъ, ровно ничего не дѣлается. А дѣла—бездна.

У насъ есть сельско-хозяйственныя школы, даже академіи, есть училища для приготовленія управляющихъ и приказчиковъ, но нѣтъ самыхъ простыхъ незатѣйливыхъ школъ, приноровленныхъ къ понятіямъ и потребностямъ крестьянъ, гдѣ бы парень лѣтъ 15-ти и старше, хотя бы безграмотный, могъ практически, съ наглядки, ознакомиться съ простѣйшими улучшенными сельско-хозяйственными пріемами, орудіями, сѣмянами, скотомъ и лошадьми. Чѣмъ проще, незатѣйливѣй такія школы, чѣмъ онѣ ближе къ уровню теперешнихъ невѣжественныхъ сельскихъ массъ, представляя только нѣкоторое, необходимѣйшее улучшеніе противъ того, что у нихъ есть теперь,—тѣмъ успѣхъ и вліяніе такихъ школъ были бы вѣрнѣе и болѣе обезпечены. Такія школы должны бы быть разбросаны сотнями по деревнямъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ живутъ крестьяне-земледѣльцы. А у насъ едва ли найдется и одна такая школа.

У насъ есть сельско-хозяйственныя фермы, общія и спеціальныя, устроенныя по всѣмъ правиламъ усовершенствованной агрономіи. Онѣ представляютъ образцы культуры и улучшенныхъ орудій. Въ научномъ отношеніи онѣ, безъ сомнѣнія, и полезны, и необходимы. Очень можетъ быть, что онѣ достигаютъ и практическихъ цѣлей въ примѣненіи къ крупнымъ и среднимъ хозяйствамъ. Но для крестьянскихъ хозяйствъ ничего подобнаго нѣтъ. Для крестьянъ нужны не фермы съ лучшими образцами, а такія,

которыя бы на дѣлѣ, практически имъ доказывали, что улучшенные пріемы и орудія земледѣлія выгоднѣе тѣхъ, какіе они употребляютъ. На такія фермы они охотно стали бы ходить смотрѣть и учиться. Фермы этого рода должны быть самыя простыя, не хитрыя, представлять только мѣстное крестьянское улучшенное хозяйство и показывать крестьянамъ, какъ наивыгоднѣйшимъ образомъ, съ малыми затратами, вести крестьянское хозяйство при данныхъ мѣстныхъ условіяхъ. Такія фермы должны быть устроены при сельско-хозяйственныхъ школахъ, ибо самыя эти школы, какъ мы ихъ себѣ представляемъ, должны быть не иное что, какъ такія фермы съ учениками въ видѣ работниковъ. Роль фермъ могли бы также играть и маленькія аренды, размѣрами не больше обыкновенныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, сдаваемыя на самыхъ льготныхъ условіяхъ хорошимъ хозяевамъ изъ крестьянъ, съ обязательствомъ вести на нихъ хозяйство улучшеннымъ способомъ и улучшенными орудіями. Такія крестьянскія фермы должны быть разсѣяны сотнями посреди земледѣльческаго населенія; затѣмъ, чтобъ хозяйство на нихъ велось какъ слѣдуетъ, долженъ быть установленъ бдительный и серьезный надзоръ, конечно, не бумажный, формальный и стѣснительный, а дѣйствительный и разумный, помогающій дѣлу. При нѣкоторомъ вниманіи, такія фермы сослужили бы, въ какія нибудь десять-пятнадцать лѣтъ, двѣ великія службы странѣ: живымъ, нагляднымъ и близкимъ примѣромъ онѣ пріохотили бы крестьянъ къ правильному хозяйству и въ то же время выработали бы на практикѣ различные типы маленькихъ крестьянскихъ хозяйствъ, самыхъ подходящихъ къ даннымъ мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Давнымъ-давно пора подумать о такихъ фермахъ. А у насъ, сколько извѣстно, до сихъ поръ нѣтъ ни одной.

Скотоводство у крестьянъ-земледѣльцевъ находится въ печальнѣйшемъ положеніи и идетъ, какъ и все ихъ хозяйство, не впередъ, а назадъ. Крестьянскія клячи—маленькія, тощія, слабосильныя, вошли въ пословицу. Въ газетахъ пишутъ, что созданныя Петромъ Великимъ холмогорская порода коровъ и извѣстная порода битюговъ, превосходнѣйшій типъ русской рабочей лошади, начинаютъ на мѣстахъ портиться и изводиться. Помочь улучшенію расъ лошадей и рогатаго скота у крестьянъ могли бы только

всѣмъ доступныя, недорогія случныя конюшни, разбросанныя повсюду. У насъ объ этомъ прежде много думали и кое-что въ этомъ смыслѣ даже сдѣлано. Но со времени освобожденія крестьянъ, когда полное невниманіе къ ихъ нуждамъ было возведено въ административный принципъ и поставлено во главу угла внутренней политики, о случныхъ конюшняхъ даже улучшенныхъ породъ лошадей не стало слышно. А ихъ нужны сотни и тысячи, чтобъ онѣ были у крестьянъ вездѣ по близости, подъ руками, иначе онѣ не принесутъ пользы; не вести же крестьянину своей коровы или лошади за тридцать-сорокъ верстъ на случку; у него на это и средствъ не станетъ, еслибъ и была охота. Для крупнаго и средняго землевладѣнія дѣлается у насъ и въ этомъ отношеніи много хорошаго; для крестьянскихъ же хозяйствъ—ничего.

Чтобъ улучшить крестьянскія хозяйства, нужны хорошія сѣмяна и болѣе совершенныя орудія, чѣмъ тѣ, какія теперь въ употребленіи у крестьянъ. Нужда въ плугахъ, въ молотилкахъ, въ вѣялкахъ, простыхъ и дешевыхъ, такъ велика, что здѣсь и тамъ сами крестьяне начинаютъ ихъ изготовлять и они распространяются на большіе районы, заходятъ даже въ отдаленныя мѣста. Такимъ образомъ, сама нужда стучится въ дверь и показываетъ, что нужно. Для крупныхъ и среднихъ хозяйствъ сельскія общества и сельско-хозяйственная администрація уже сдѣлали и продолжаютъ дѣлать многое, чтобы удовлетворить такой нуждѣ; но для мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ тоже не сдѣлано ничего по этой части. Небольшихъ складовъ улучшенныхъ сѣмянъ и наипростѣйшихъ, дешевыхъ, необходимѣйшихъ орудій, разсчитанныхъ на крестьянскія надобности, нѣтъ нигдѣ. Нужныхъ крестьянину сѣмянъ и орудій ему не только негдѣ купить, да и посмотрѣть-то на нихъ негдѣ. Какъ же онъ объ нихъ узнаетъ, съ ними познакомится? Откуда можетъ у него запасть въ умъ спасительное сомнѣніе въ непогрѣшимости сельско-хозяйственныхъ пріемовъ, заведенныхъ отцами и дѣдами? Будь у него подъ бокомъ то, что ему полезно знать, онъ бы посмотрѣлъ и подумалъ; а теперь ему и въ голову не приходитъ, что можно сдѣлать какъ-нибудь лучше. А то, что онъ видитъ по этой части хорошаго въ большихъ и среднихъ хозяйствахъ ему не по карману, да и не идетъ къ его маленькому хозяйству.

Наконецъ, могучимъ распространителемъ правильныхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній между крестьянами могли бы служить просто написанныя, незамысловатыя дешевыя книжки съ чертежами и рисунками, которыя объясняли бы, нагляднымъ и живымъ образомъ, главнѣйшіе недостатки теперешняго крестьянскаго хозяйства и домашняго обихода и необходимѣйшія въ немъ улучшенія, польза и доступность которыхъ бросались бы ему въ глаза. Грамотность дѣлаетъ у насъ въ простомъ народѣ большіе успѣхи, вкусъ къ чтенію понемногу развивается не только между грамотными, но и между безграмотными, изъ которыхъ иные охотно слушаютъ, когда имъ читаютъ. Но и въ этомъ отношеніи у насъ для крестьянъ ничего не дѣлается. Мы больше любимъ выспреннія сельско-хозяйственныя соображенія, охотно восходимъ на вершины сельско-хозяйственныхъ знаній, разсчитанныхъ на большія и среднія экономіи; а о томъ, что у насъ цѣлые милліоны хозяевъ не знаютъ и азбуки сельскаго хозяйства, что имъ, какъ манна небесная, нужны самыя элементарныя сельско-хозяйственныя свѣдѣнія, которыхъ имъ почерпнуть рѣшительно неоткуда,—объ этомъ у насъ почти никто не думаетъ. Не многіе изъ насъ знаютъ даже, что напечатать и пустить въ продажу книжку вовсе еще не значитъ довести ее до свѣдѣнія простолюдиновъ. Книжки, которыя для нихъ пишутся, до нихъ почти не доходятъ; а у насъ, вдобавокъ, и писать-то для крестьянъ очень рѣдко кто умѣетъ; еще не выучились, за недосугомъ. Наша администрація имѣла бы всѣ средства пропустить полезныя сельско-хозяйственныя публикаціи во всѣ самыя глухія захолустья имперіи, въ любомъ количествѣ экземпляровъ. Съумѣла же она пропустить въ нихъ Положенія 19 февраля. Умно и толково написанныя книжки о томъ, что крестьянину крайне необходимо знать въ его домашнемъ обиходѣ, были бы теперь полезны не менѣе Положеній 19 февраля. Но такихъ книжекъ нѣтъ, ихъ никто не имѣетъ и о составленіи ихъ мало кто заботится. А послушаешь,—сколько толковъ о любви къ народу вообще и къ крестьянину въ особенности!

Итакъ, вотъ сколько условій нужно для того, чтобъ улучшеніе крестьянскаго хозяйства стало возможно. Такъ какъ ни одного изъ этихъ условій, начиная съ правильнаго устройства

крестьянскаго землевладѣнія, нѣтъ, то и нельзя поднимать этого вопроса. Всему свое время и своя очередь. Есть здѣсь и тамъ отдѣльныя мѣстности, отдѣльныя селенія, гдѣ, вслѣдствіе особенно благопріятныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, усовершенствованіе крестьянскаго хозяйства возможно. Но такіе исключительные случаи могутъ быть предметомъ не общихъ мѣропріятій, а частныхъ изслѣдованій и заботливости, и должны быть имъ всецѣло предоставлены. Мы же говоримъ здѣсь объ общихъ мѣрахъ для устройства крестьянскаго быта. При теперешнихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, улучшенія крестьянскаго хозяйства общими мѣрами невозможны и немыслимы. Чтобъ вести дѣло съ успѣхомъ, надо начинать его съ начала, а не съ конца или середины. Устроимъ сперва поземельныя владѣнія крестьянъ какъ слѣдуетъ, снимемъ съ нихъ чрезмѣрныя подати и повинности, которыя не даютъ имъ вздохнуть свободно. И то уже будетъ огромнымъ успѣхомъ, если, благодаря такимъ мѣрамъ, крестьяне будутъ въ состояніи примѣнять хоть тѣ понятія и знанія о сельскомъ хозяйствѣ и полеводствѣ, какимъ научились у своихъ отцовъ и дѣдовъ. Затѣмъ, облегчимъ имъ всячески способы ознакомиться съ условіями и пріемами правильнаго хозяйства и примѣнить свои знанія къ дѣлу на своей землѣ; тогда крестьяне сами, скорѣе, чѣмъ мы думаемъ, перейдутъ и къ многополью, и къ травосѣянію, и къ улучшеннымъ орудіямъ, и къ умноженію и улучшенію скота и лошадей. Ко всему этому побудитъ ихъ собственный интересъ, выгода, гораздо дѣйствительнѣе и вѣрнѣе всякихъ принудительныхъ мѣръ. У насъ же разсуждаютъ какъ разъ наоборотъ, и прежде всего, по преданію и привычкѣ, хватаются за принужденіе, не давая себѣ труда подумать, къ какому результату оно можетъ привести. Принужденіе, возведенное во всеобщій принципъ, какъ у насъ, порождаетъ подъ конецъ полнѣйшее равнодушіе ко всему, даже къ собственному интересу, и отучаетъ умъ и волю отъ самодѣятельности. Кромѣ того, какъ мы старались показать, принудительныя мѣры, по части улучшенія земледѣлія и хозяйства, не привели бы у насъ ни къ чему, потому что для такого улучшенія нѣтъ необходимой почвы и подготовки; ввелись бы только, къ новому стѣсненію крестьянъ, административная регламентація, надзоръ и контроль со всѣми ихъ докуками и придирками въ

такую область частной дѣятельности, куда они до сихъ поръ, къ счастью, еще не заглядывали. Разъ, они сюда проникнутъ, можно быть увѣрену заранѣе, что противъ всякихъ нововведеній по земледѣлію и сельскому хозяйству у крестьянъ вкоренятся такія предубѣжденія, которыхъ потомъ нельзя будетъ искоренить и десятками лѣтъ. Вотъ причина, почему мы, съ своей стороны, были бы даже противъ запрещенія частыхъ передѣловъ общинной земли,— мѣры самой раціональной, относительно полезной и наиболѣе удобоисполнимой изъ всѣхъ обязательныхъ мѣръ, какія предлагались по крестьянскому хозяйству. Когда отмѣнится подушная подать, мало-по-малу ослабѣетъ и исчезнетъ и разверстка земли по душамъ; на мѣсто ея по необходимости выработается понятіе о хозяйственной поземельной единицѣ, различной въ разныхъ мѣстностяхъ; можетъ быть, образуется представленіе о нѣсколькихъ различныхъ единицахъ такого рода, соотвѣтствующихъ сильнымъ, среднимъ и малымъ, или слабымъ крестьянскимъ хозяйствамъ. Тогда—но только тогда—наступитъ время помочь крестьянамъ законодательными мѣрами установить новыя условія быта, ограничить частые передѣлы и переверстки земель внутри селеній, содѣйствовать прекращенію въ нихъ черезполосицы и т. п., словомъ, постепенно урегулировать постоянными правилами поземельные порядки въ селеніяхъ, уже подготовленные измѣнившимися понятіями и убѣжденіями самихъ крестьянъ. Теперь надо приступать къ этому дѣлу съ крайнею осторожностью, предоставляя самой жизни и практикѣ опредѣлить дальнѣйшее направленіе и развитіе поземельныхъ отношеній внутри сельскихъ обществъ. Въ такомъ сложномъ и щекотливомъ дѣлѣ законодательство должно, не забѣгая впередъ, слѣдить за естественнымъ развитіемъ—и только помогать ему, расчищая дорогу.

V.

У крестьянъ есть пословица: «мужикъ что корова — кто пройдетъ, тотъ и подоитъ». Нужно знать деревню и видѣть вблизи крестьянское житье-бытье, чтобъ вполнѣ понять печальный смыслъ этой горькой ироніи мужика надъ самимъ собой. Только лѣнивый его не обираетъ. Явные, закономъ установленные поборы, налоги, повинности, службы и работы сами по себѣ составляютъ уже весьма солидное бремя для его скудныхъ средствъ, особливо если сообразить, что, кромѣ налоговъ прямыхъ, онъ платитъ массу косвенныхъ, которые обыкновенно не считаются, но которые онъ долженъ волей-неволей нести. Мы умѣемъ чрезвычайно краснорѣчиво распространяться о томъ, что крестьянинъ пропиваетъ несмѣтное количество денегъ, но при этомъ забываемъ, что у насъ, какъ и вездѣ, онъ строго держится заведенныхъ обычаевъ, «которые не нами начались и не нами кончатся»; а эти обычаи, въ очень многихъ случаяхъ жизни, непремѣнно требуютъ покупки вина, хотя бы на него и не было денегъ, и крестьянинъ былъ бы радъ не покупать его вовсе. Обрядъ, обычай неотступно требуетъ угощенія виномъ родныхъ и знакомыхъ на крестинахъ, помолвкахъ, свадьбахъ, похоронахъ, въ великіе и храмовые праздники. Попойки на покосахъ, столь обычныя у крестьянъ, обусловлены частью усталостью, необходимостью подкрѣпить силы, частью же тоже обычаемъ, указывающимъ на прежде бывшее въ пору покоса какое-то языческое празднество. Заболѣлъ крестьянинъ, легъ въ больницу — плати; отправляется онъ въ заработки, часто по лихой нуждѣ — бери паспортъ и опять плати; попалъ, не только за неправду, а за свою правду въ судъ — опять плати и плати. Ни родиться, ни жениться, ни умереть крестьянинъ не можетъ безданно-беспошлинно: за все положена плата, иногда не только тяжелая, но просто разорительная. Создалось земство, — ему плати особо, и тоже не мало. О томъ, что придется промазать и такого, о чемъ ни въ какомъ законѣ не написано, нечего и говорить; невѣжда и неучъ-мужикъ, не имѣя знакомства и связей, запла-

титъ негласныхъ поборовъ больше, чѣмъ гласныхъ и явныхъ, часто за то, отъ чего ему же придется потомъ отплачиваться съизнова и въ три-дорога. Такимъ образомъ, крестьянинъ со всѣхъ сторонъ обремененъ поборами, отплачивается направо и налѣво за все и про все, уплачиваетъ большую премію за свое невѣжество. На покрытіе всѣхъ этихъ расходовъ у него два источника: продажа своихъ произведеній и личный трудъ. Но по нуждѣ и злой судьбѣ мужика, доходы его отъ этихъ источниковъ доводятся почти до нуля, или же приносятъ ему лишнее бремя и разореніе. Читатель подумаетъ, что мы преувеличиваемъ, бьемъ на эффектъ. Вотъ однако несомнѣнные факты.— Къ «новинѣ», т.-е. къ новому хлѣбу, когда всѣ запасы пришли къ концу и перехватить ихъ не у кого, цѣны на всѣ жизненные продукты сильно возвышаются на рынкѣ: торговецъ спѣшитъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ и продаетъ дорого. Убранъ хлѣбъ съ поля, мужикъ отъ нужды спѣшитъ везти на рынокъ продать что можно: тогда цѣны вдругъ сильно падаютъ, торговецъ пользуется случаемъ купить какъ можно дешевле; а мужику продать необходимо,—и продаетъ онъ за то, что ему даютъ. Слѣдующей зимой или весной ему приходится, чтобъ прокормиться, снова покупать то, что онъ продалъ съ осени за безцѣнокъ, и опять онъ покупаетъ по дорогой цѣнѣ. Такимъ образомъ, продавая дешево и покупая дорого, крестьянинъ всегда въ накладѣ, а причиной одна его нужда и безпомощность.

А трудъ? казалось бы, трудъ, по крайней мѣрѣ, долженъ выручить крестьянина. Въ земледѣльческомъ краю трудъ по воздѣлыванію земли долженъ быть въ цѣнѣ? Но та же лихая нужда и безпомощность обратили и продажу труда въ самый обременительный видъ займа. Трудъ дорогъ ко времени, когда онъ нуженъ; когда же онъ не нуженъ, онъ идетъ ни за что; а крестьянинъ продаетъ свой трудъ въ то время, когда онъ никому не нуженъ! Въ исходѣ зимы, когда у крестьянина хлѣбъ весь, средства поистощились, а надо и подати платить, и прокормиться съ семьей, и кое-что по дому къ весеннимъ и лѣтнимъ работамъ справить, онъ беретъ у землевладѣльцевъ хлѣбъ подъ работу будущимъ лѣтомъ. Землевладѣльцу работа лѣтомъ нужна,

но желающихъ получить хлѣба подъ работу много. Пользуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ, онъ входитъ съ мужикомъ въ такую сдѣлку: выданный хлѣбъ долженъ быть возвращенъ сполна, натурою или деньгами по заранѣе назначенной цѣнѣ, которая нерѣдко опредѣляется выше рыночной; а за «пожданье», т.-е. въ видѣ процента, получающій ссуду обязуется убрать съ поля извѣстное количество хлѣба, ярового или озимаго (вдвое меньше противъ ярового), т.-е. сжать или скосить, связать въ снопы, отвезти въ хлѣбный сарай и сложить порядкомъ. Если перевести эти условія на деньги, то выходитъ такой расчетъ: четверть ржи, лѣтъ пять-шесть тому назадъ, стоила у насъ 6 рублей. Хлѣбъ, занятый въ мартѣ или апрѣлѣ, надо по условію возвратить въ сентябрѣ или октябрѣ, т.-е. черезъ шесть мѣсяцевъ; подъ уборку десятины ржи или двухъ десятинъ ярового, что по мѣстнымъ цѣнамъ стоило на деньги 3 рубля, выдавалась четверть ржи. И такъ, за заемъ въ 6 рублей, крестьянинъ платилъ 3 рубля въ 6 мѣсяцевъ, т.-е. 50%. Съ тѣхъ поръ, что рожь сильно вздорожала, о такихъ сдѣлкахъ стало мало слышно. Превратились онѣ или измѣнили свою форму — намъ неизвѣстно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онѣ были очень обыкновенны и чуть ли не повсемѣстны во внутреннихъ земледѣльческихъ густонаселенныхъ губерніяхъ.

Если крайняя нужда крестьянъ обратила продажу ими труда въ одну изъ самыхъ тяжкихъ и разорительныхъ формъ займа, то легко себѣ представить, на какихъ условіяхъ мужики бываютъ вынуждены занимать не подъ работу; размѣръ процентовъ въ такихъ случаяхъ превышаетъ всякое вѣроятіе. Мы слыхали о займѣ рубля изъ 10 копѣекъ процентовъ въ недѣлю, что составитъ въ годъ 520%.

Съ мыслью помочь крестьянамъ въ ихъ кровной нуждѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ поощрить ихъ къ бережливости, устроены ссудо-сберегательныя товарищества, съ пособіемъ отъ правительства. Основный принципъ этихъ учрежденій есть тотъ, что крестьяне, имѣющіе избытки, образуютъ своими взносами складочный капиталъ, изъ котораго выдаются нуждающимся краткосрочныя ссуды съ уплатою умѣренныхъ процентовъ. Изъ этихъ процентовъ выдается дивидендъ вкладчикамъ. Такимъ образомъ, достигаются

двѣ полезныя цѣли: тѣ крестьяне, которые имѣютъ деньги, находятъ у себя по близости выгодное для нихъ помѣщеніе, и это побуждаетъ ихъ къ бережливости; другіе же, нуждающіеся въ ссудѣ, получаютъ возможность у себя дома, не отлучаясь далеко, дѣлать займы на сравнительно весьма умѣренныхъ и выгодныхъ условіяхъ. Размѣры и условія вкладовъ и ссудъ разсчитаны по крестьянскимъ нуждамъ.

Польза этихъ учрежденій неоспорима. Она мѣстами отчасти парализуется тѣмъ обстоятельствомъ, что выданныя ссуды, по крайней бѣдности заемщиковъ, обращаются изъ краткосрочныхъ въ долгосрочныя и переписываются изъ года въ годъ за одними и тѣми же заемщиками. Этому значительно способствуетъ, что займы, какъ говорятъ, часто дѣлаются не для оборотовъ или вообще не съ производительною цѣлью, а на уплату податей и податныхъ недоимокъ, и слѣд. не достигаютъ главнаго своего назначенія доставить крестьянамъ средства для поправленія ихъ состоянія и хозяйства, а только покрываютъ текущія неотложныя нужды, налагая на заемщиковъ новыя тягости въ будущемъ. При такихъ условіяхъ ссудосберегательныя товарищества не могутъ приносить крестьянамъ и малой доли той пользы, какую они могли бы приносить при другихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Кромѣ того, замѣтимъ, что эти учрежденія разсчитаны на нужды крестьянъ торговыхъ и промышленныхъ, а не земледѣльцевъ. Вклады предполагаютъ сбереженія, хотя бы самыя малыя, а краткосрочные займы предполагаютъ относительно быстрые денежные обороты, которые возможны только въ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ, а никакъ не въ земледѣліи. Сельскій трактирщикъ, торговецъ, кабатчикъ, крестьянинъ, имѣющій, кромѣ надѣльной, свою особенную землю, мелкій подрядчикъ всякаго рода работъ, сельскій ремесленникъ-хозяинъ, — вотъ для кого ссудосберегательныя товарищества полезны и какъ кассы сбереженій, и какъ источникъ позаимствованій на короткіе сроки и за умѣренные проценты. А кто едва сводитъ концы съ концами, кто считается зажиточнымъ, когда переходитъ изъ одного года въ другой безъ долговъ съ своимъ хлѣбомъ, кто занимаетъ зимой, чтобъ отдать осенью, по продажѣ новаго хлѣба или другихъ произведеній земли, — всѣ эти люди,

то-есть огромное большинство крестьянъ-земледѣльцевъ, не имѣютъ денежныхъ сбереженій и не могутъ обязываться срочными коммерческими займами. Имъ нужна помощь извнѣ, обыкновенно небольшая, но разсчитанная по времени, по крайней мѣрѣ, на годовой хозяйственный оборотъ, съ отсрочкой въ случаѣ неурожая, пожара или другого несчастія, нарушившаго однообразный ходъ ихъ обычнаго существованія. Безъ такихъ отсрочекъ, ссуда послужитъ крестьянину-земледѣльцу не спасительной поддержкой и подспорьемъ, а разореньемъ, вынуждая его, для уплаты долга, ослабить свое хозяйство.

Распространеніе въ Россіи однихъ крестьянскихъ ссудосберегательныхъ товариществъ и совершенное отсутствіе крестьянскихъ кредитныхъ учрежденій другой формы подтверждаетъ мысль, что мы еще не дѣлаемъ, какъ бы слѣдовало, строгаго различія между потребностями населенія земледѣльческаго и промышленнаго или торговаго. Это замѣчается во всемъ. Давно ли, напримѣръ, мы поняли, что денежные продовольственные капиталы не въ состояніи отвратить нужды въ хлѣбѣ для прокормленія и на посѣвъ, если рядомъ съ ними не будетъ существовать правильно организованныхъ и содержимыхъ въ порядкѣ сельскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ? Судя по городской жизни и городскому обиходу, который у насъ подъ глазами, руководствуясь примѣромъ Европы, гдѣ почти исключительно господствуютъ условія городского быта, мы совершенно опускаемъ изъ виду особенныя условія земледѣльческаго населенія, преобладающаго у насъ, и разсчитываемъ помочь массѣ нашего крестьянства мѣрами, которыя полезны для населенія промышленныхъ и торговыхъ центровъ. По той же причинѣ, для достиженія несомнѣнно благихъ цѣлей, мы нерѣдко прибѣгаемъ къ мѣрамъ, предполагающимъ большое промышленное и торговое развитіе, чего у насъ нѣтъ, и что при громадныхъ массахъ земледѣльческаго населенія едва ли когда-нибудь будетъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно развилось въ Европѣ и въ немногихъ нашихъ городахъ. Такъ, у насъ долгое время господствовало убѣжденіе, что полезныя для народныхъ массъ экономическія мѣры могутъ быть проводимы при помощи частныхъ предпринимателей и спекуляцій, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Гдѣ промышленность

и торговля достигли уже высокой степени развитія и процвѣтанія, тамъ частныя сбереженія естественно обращаются въ большіе капиталы, которые ищутъ и находятъ помѣщеніе, за умѣренные проценты, въ разныхъ общеполезныхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ. Частная выгода и стремленіе къ наживѣ, умѣряемыя сильной конкурренціей, совпадаютъ въ этомъ случаѣ съ пользами общества и являются могущественнымъ и главнымъ способомъ ихъ удовлетворенія. Совсѣмъ не то въ странахъ по преимуществу земледѣльческихъ и бѣдныхъ, какова наша. При огромномъ сельскомъ населеніи, живущемъ изо дня въ день, при слабомъ развитіи промышленности и торговли, при бѣдности капиталовъ и скудости сбереженій, при той же страсти къ наживѣ какъ и вездѣ, но не умѣряемой соперничествомъ, частная предпріимчивость и спекуляція вырождаются у насъ необходимо въ монополію, въ исключительное право, въ кулачество, и приносятъ пользу только частнымъ лицамъ, а не обществу и массѣ народа. Слѣдовательно, у насъ починъ и самое приведеніе въ исполненіе общеполезныхъ мѣръ должны принадлежать не частнымъ предпринимателямъ, а обществу или государству, особливо когда онѣ составляютъ неотложную общественную потребность и имѣютъ государственную важность. Мы не обратили вниманія на это различіе и съ дѣтской поспѣшностью передавали, однѣ за другими, разныя общеполезныя мѣры въ руки частныхъ предпринимателей и спекулянтовъ, убаюкивая себя сладкой мечтой, что акціонерныя общества и компаніи возьмутся потомъ и за осуществленіе всѣхъ остальныхъ необходимыхъ и общеполезныхъ предпріятій. Эти грезы, несогласованныя съ условіями дѣйствительности, имѣли весьма печальный исходъ: частная спекуляція оказалась несостоятельной, въ концѣ-концовъ государство должно было принять на себя бремя издержекъ, вызываемыхъ всенародными нуждами, но сдѣлало это въ формѣ самой убыточной для государственной казны и прибыльной для частныхъ лицъ и спекулянтовъ, — въ формѣ субсидій, выданныхъ частнымъ предпринимателямъ.

Для поднятія разстроеннаго крестьянскаго быта необходимо, рядомъ съ поземельнымъ устройствомъ крестьянъ, принять цѣлый рядъ мѣръ, клонящихся къ огражденію ихъ хозяйствъ отъ тѣхъ

безчисленныхъ случайностей, которыя внезапно разоряютъ ихъ въ конецъ и изъ достаточныхъ людей обращаютъ въ нищихъ. Пожаръ, градобитіе, неурожаи, внезапные пáводки, ураганы и бури, падежи скота и лошадей, конокрадство, повальныя и другія болѣзни, особливо когда онѣ продолжительны и лишаютъ человѣка возможности работать, сразу уничтожаютъ матеріальное довольство крестьянина и, при полной безпомощности противъ такихъ напастей, лишаютъ его бодрости, что дѣйствуетъ на негѣ еще хуже разоренія, которому онъ подвергся. Кому не случалось видѣть, какъ исправный крестьянинъ, послѣ одного или двухъ такихъ несчастій, совсѣмъ падалъ духомъ, спивался съ кругу, или налагалъ на себя руки. Сравнительно достаточный хозяинъ бѣднѣетъ и опускается, послѣ двухъ-трехъ истратъ или уводовъ рабочихъ лошадей, въ короткіе промежутки времени, или когда эта бѣда надъ нимъ стряслась въ самую рабочую пору. Мы знали случай, что состоятельный и хорошій крестьянинъ обѣднѣлъ отъ того, что проболѣлъ долго; чтобъ не сдѣлаться несостоятельнымъ, онъ, человѣкъ очень честный, рѣшился даже на кражу. Противъ всѣхъ такихъ разорительныхъ случайностей есть спасительное и вѣрное средство — это широкое развитіе страхованія. Различные виды его слѣдовало бы слить вмѣстѣ и установить одну общую обязательную страховку. Премія была бы очень незначительна, еслибъ страховая операція обнимала всю имперію. Само собою разумѣется, что страхованіе крестьянскаго имущества и жизни, какъ мѣра государственная, не должно быть отдано въ руки спекуляціи; ему слѣдуетъ оставаться въ завѣдываніи самого общества и государства и ихъ органовъ. Необходимо также, при выработкѣ страхованія крестьянскаго имущества и жизни, тщательно устранить ненужныя проволочки и формальности при полученіи страховыхъ денегъ, всѣ тѣ гвозди и шпильки, которыми у насъ съ какимъ-то сладострастіемъ и виртуозностью уснащаются регламенты и инструкціи. При хорошей постановкѣ крестьянскаго страхованія всѣ главнѣйшія хозяйственныя невзгоды и разореніе, падающія внезапно на голову крестьянъ, будутъ существенно ослаблены. Съ тѣмъ вмѣстѣ мѣры народнаго продовольствія и обсѣмененія полей, въ случаѣ неурожаевъ, не потребуютъ отъ общества и государства такихъ огромныхъ затратъ,

какія понадобились въ 1881 году и все-таки не могли побороть всѣхъ послѣдствій народнаго бѣдствія.

Съ твердой и прочной постановкой крестьянскаго страхованія, крестьянскія ссудныя кассы, въ которыхъ многіе видятъ якорь спасенія противъ всѣхъ бѣдъ крестьянина, будутъ служить весьма полезнымъ и благодѣтельнымъ подспорьемъ для поддержанія его въ случаѣ внезапной и неожиданной нужды въ небольшой суммѣ денегъ, часто въ нѣсколькихъ рубляхъ. Но необходимо, чтобъ такія кассы были примѣнены къ привычкамъ и быту земледѣльческаго населенія. Строгое требованіе уплаты въ назначенный срокъ, обезпеченіе каждой ссуды залогомъ, немедленная продажа залога въ случаѣ неисправности, словомъ, характеръ городскихъ ссудныхъ кассъ долженъ быть въ сельскихъ учрежденіяхъ такого рода значительно смягченъ, и облегчены отсрочки. Крестьянинъ вообще хорошій плательщикъ. Долгъ за нимъ рѣдко пропадаетъ, но примѣненіе къ нему строгихъ коммерческихъ правилъ платежа и взысканій легко можетъ разорить его, и ссудная касса, дѣйствующая по такимъ правиламъ, не облегчитъ его, а скорѣй запутаетъ. Очень были бы также желательны какія-нибудь дѣйствительныя мѣры, въ огражденіе крестьянъ противъ неправильной, кулаческой, торговли произведеніями земли. Но придумать ихъ чрезвычайно трудно. Мелкія крестьянскія ссудныя кассы противъ нея также безсильны, какъ и полицейскіе законы. Единственнымъ дѣйствительнымъ и радикальнымъ средствомъ были бы общества и товарищества землевладѣльцевъ для установленія правильной торговли своими произведеніями. Никто лучше ихъ не могъ бы справиться съ мелкими скупщиками и кулаками по хлѣбной торговлѣ. Но о такихъ товариществахъ теперь и думать нечего. Чтобъ они могли состояться и дѣйствовать правильно, надо, чтобъ сперва крупные и средніе землевладѣльцы серьезно занялись своими имѣніями и хозяйствами и поняли солидарность своихъ интересовъ съ крестьянскими, а до этого намъ теперь еще какъ до звѣзды небесной далеко. Не таковы еще наши понятія и наши нравы, и совсѣмъ не похоже на то, чтобъ они скоро измѣнились къ лучшему. Наши земскія и общественныя кассы пусты; иначе, въ видѣ палліативной мѣры противъ хищничества кулаковъ, могли бы быть устроены, на-

примѣръ, при сельскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, хлѣбные склады, съ пріемомъ отъ крестьянъ хлѣба, когда онъ дешевъ, и съ выдачею, подъ залогъ его, денежныхъ ссудъ, для продажи въ то время, когда на рынкѣ установятся на него правильныя цѣны. Хозяинъ платилъ бы умѣренное полежалое за храненіе и процентъ съ выданной ссуды. Наконецъ, на помощь крестьянамъ могли бы придти небольшіе капиталисты, ищущіе своимъ деньгамъ вѣрное помѣщеніе за умѣренные проценты. Такія лица могли бы отъ себя устроивать склады крестьянскаго хлѣба, когда на него цѣны низки, съ выдачей за него авансомъ рыночной цѣны и съ продажей засыпаннаго хлѣба въ пользу крестьянъ, когда продавать его выгодно. Такіе хлѣбные складчики получали бы процентъ за коммиссію и за выданныя авансомъ деньги, а крестьяне, благодаря авансамъ, могли бы повременить продажею хлѣба и выждать хорошихъ цѣнъ. Обѣ стороны были бы въ выгодѣ на счетъ кулаковъ-скупщиковъ. Чтобъ такіе обороты приносили обоюдную выгоду, нужны, конечно, кромѣ капитала, добросовѣстность, распорядительность и довѣріе со стороны крестьянъ, а такія условія рѣдко бываютъ соединены въ одномъ лицѣ. Притомъ у насъ рѣдко кто желаетъ посвятить себя служенію общеполезному дѣлу: большинство предпочитаетъ нажить поскорѣе рубль на рубль, не задумываясь о выгодѣ другихъ, особливо крестьянъ.

VI.

Съ тѣхъ поръ, что у всѣхъ и у правительства раскрылись глаза на печальное положеніе крестьянства, выдвинулся на первый планъ и обсуждается вопросъ о крестьянскомъ управленіи, въ которомъ справедливо видятъ одну изъ главныхъ причинъ упадка крестьянскаго быта. Что крестьянское управленіе во всѣхъ отношеніяхъ крайне плохо—понимаютъ всѣ. Но о томъ, что и какъ сдѣлать, чтобъ его улучшить, высказываются самыя разнообразныя и противорѣчивыя мнѣнія, доказывающія что по этому вопросу мы тоже ходимъ въ туманѣ, и не успѣли еще додуматься до ясной и опредѣленной мысли. Можно смѣло сказать,

что она и не уяснится до тѣхъ поръ, пока мы не разберемъ дѣла по существу, не возведемъ недостатковъ теперешняго положенія къ принципамъ, изъ которыхъ они проистекаютъ, и не поищемъ въ самыхъ условіяхъ нашего общественнаго быта и строя основаній для болѣе удовлетворительной организаціи крестьянскаго управленія.

Въ чемъ заключаются его недостатки? Они сводятся, главнымъ образомъ, къ двумъ слѣдующимъ: по имени, по названію, по наружнымъ формамъ, принципъ его есть самоуправленіе; на самомъ же дѣлѣ, въ дѣйствительности, самоуправленія вовсе не существуетъ. На дѣлѣ крестьянами управляютъ разнаго рода власти, назначаемыя правительствомъ, выбранныя отъ земства и отъ дворянства, и это *дѣйствительное* управленіе во всѣхъ отношеніяхъ крайне неудовлетворительно. Органы крестьянскаго самоуправленія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ поставлены въ полную, совершенную зависимость отъ уѣздныхъ и губернскихъ властей и всѣ, указанныя въ законѣ, гарантіи ихъ самодѣятельности и самостоятельности существуютъ только на бумагѣ. Съ этимъ, пожалуй, можно было бы кое-какъ и помириться, еслибъ отсутствіе самоуправленія выкупалось несомнѣнными достоинствами заведенныхъ для крестьянъ на дѣлѣ порядковъ: строгою законностью и справедливостью, безукоризненною честностью, вниманіемъ къ нуждамъ и потребностямъ крестьянъ, просвѣщенною заботливостью о ихъ матеріальномъ благосостояніи, умственномъ и нравственномъ развитіи. Къ несчастію, такія черты встрѣчаются въ крестьянскомъ управленіи лишь здѣсь и тамъ, въ видѣ рѣдкаго изъятія. Часто, напротивъ, встрѣчаются примѣры полнѣйшаго произвола, явнаго нарушенія несомнѣнныхъ правъ, злоупотребленій съ корыстною цѣлью, грубаго невѣжества и незнанія законовъ, а чаще и больше всего, почти въ видѣ общаго правила, замѣчается совершеннѣйшее пренебреженіе къ прямымъ обязанностямъ, полное бездѣйствіе, полное равнодушіе къ интересамъ, нуждамъ и положенію крестьянъ. Результатъ всего этого есть хаосъ, безурядица и анархія въ управленіи ими.

Такое положеніе вещей многіе надѣются измѣнить къ лучшему кое какими частными поправками: оживленіемъ крестьянскаго самоуправленія посредствомъ измѣненія его аттрибутовъ и

формъ; новой комбинацiей властей, на самомъ дѣлѣ управляющихъ крестьянами; измѣненiемъ существующихъ теперь отношенiй крестьянства и крестьянскаго управленiя къ земству и коронной администрацiи и т. п. Отъ такихъ подправокъ и заплатъ мы, признаемся, не ожидаемъ ничего, кромѣ горькихъ разочарованiй въ ближайшемъ будущемъ. Крестьянское самоуправленiе оказалось несостоятельнымъ, уступило мѣсто другому управленiю, и послѣднее оказалось тоже никуда негоднымъ не по одной злой волѣ людей; послѣднiе только воспользовались слабыми сторонами существующихъ порядковъ. Причины лежатъ гораздо глубже, и пока мы ихъ не доищемся и не войдемъ въ самую глубь вопроса, до тѣхъ поръ всѣ попытки улучшить крестьянское управленiе не приведутъ къ ожидаемымъ результатамъ.

Противъ всѣхъ элементовъ, на которыхъ построено и предполагалось или предполагается построить крестьянское управленiе, приводятся, въ интересахъ крестьянъ, весьма серьёзныя и вѣскiя возраженiя.

Начнемъ съ самоуправленiя, которое, съ самаго призванiя крестьянъ къ гражданской жизни, долгое время считалось надежнѣйшимъ оплотомъ ихъ самостоятельности, самымъ прочнымъ обезпеченiемъ ихъ интересовъ. Оно имѣетъ многочисленныхъ и ярыхъ противниковъ. Какое, говорятъ они, возможно самоуправленiе у безграмотныхъ, невѣжественныхъ и полудикихъ мужиковъ? За ведро вина они готовы выбрать кого угодно, постановить какой угодно приговоръ, праваго сдѣлать виноватымъ, виноватаго правымъ. Развѣ они имѣютъ малѣйшее понятiе о сколько-нибудь порядочномъ веденiи общественныхъ дѣлъ? Мало-мальски грамотный писарь дѣлаетъ изъ ихъ выборныхъ властей все, что хочетъ; мало-мальски смышленый и достаточный мужикъ вертитъ цѣлымъ обществомъ, какъ ему вздумается! Горланы и безотвѣтная, равнодушная, покорная толпа—вотъ мiръ. Одинъ лѣнивый не помыкаетъ имъ. Предоставьте мужиковъ самимъ себѣ, отстраните отъ нихъ всякое начальство, они сами придутъ просить, чтобъ кто-нибудь взялъ надъ ними власть и привелъ ихъ къ уму-разуму: имъ самимъ отъ себя житья не будетъ. Устройте между ними идеальное самоуправ-

леніе, оно непремѣнно сведется къ тому, что одинъ кто-нибудь заберетъ ихъ въ руки и будетъ ими воеводствовать по своей прихоти. Отъ того, а не почему-либо другому, они и попали подъ полный произволъ чиновниковъ. У нихъ въ крови сидитъ быть подъ чьей-нибудь командой. А гдѣ самъ человѣкъ за себя не стоитъ, тамъ какіе уставы и регламенты самоуправленія ни дать, все, силою вещей, придетъ къ тому же чиновничьему произволу.

Отбросимъ крайности и преувеличенія такого строгаго приговора и взглянемъ на дѣло совершенно спокойно и безпристрастно. Можно ли, положа руку на сердце, сказать, что въ этомъ описаніи крестьянскихъ общественныхъ порядковъ нѣтъ ни слова правды? Мы, по совѣсти, этого не думаемъ. Общественная самодѣятельность, смыслъ къ общественному самоуправленію и у крестьянъ, и во всѣхъ другихъ слояхъ нашего общества, развиты очень слабо. Одни раскольники и сектанты составляютъ исключеніе изъ правила. По нимъ мы можемъ заключать, что недостатокъ общественнаго почина, равнодушіе и безучастіе къ дѣламъ общественнымъ не есть наше прирожденное свойство, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ, самоуправленіе можетъ выработаться и окрѣпнуть въ народной массѣ. Но это пока въ будущемъ. Рѣчь идетъ о томъ, можно ли, какъ нѣкоторые думаютъ, теперь же отдать крестьянское управленіе исключительно въ руки самихъ крестьянъ? Нашъ взглядъ на дѣло мы изложимъ ниже въ своемъ мѣстѣ, а теперь пойдемъ далѣе.

Какъ сказано, управленіе крестьянами въ дѣйствительности находится теперь въ рукахъ органовъ дворянства, земства и коронной администраціи.

Противъ участія всѣхъ этихъ элементовъ въ управленіи крестьянами дѣлаются многія и сильныя возраженія. Ему приписывается многими дурное состояніе крестьянъ и крестьянскаго дѣла.

Что касается до дворянства, какъ особаго *сословія*, то ему, по весьма понятнымъ причинамъ, не можетъ быть ввѣрено управленіе крестьянами и веденіе крестьянскаго дѣла. Дворянство,— мы, конечно, не говоримъ здѣсь объ отдѣльныхъ лицахъ,—до сихъ поръ все еще не вполнѣ освободилось отъ крѣпостныхъ

воззрѣній, воспоминаній и привычекъ; къ тому же интересы дворянъ, въ качествѣ землевладѣльцевъ, часто идутъ въ разрѣзъ съ интересами крестьянъ. Естественно, что первые, во вредъ послѣднимъ и въ ущербъ справедливости, проводятъ то, что имъ выгодно и полезно въ земскихъ раскладкахъ, въ крестьянскомъ управленіи и крестьянскихъ учрежденіяхъ, въ дѣлахъ поземельныхъ, въ веденіи школьнаго дѣла.

Въ составѣ земствъ, въ большинствѣ губерній, по закону и фактически, преобладаетъ дворянство, и потому къ земствамъ относится въ настоящее время все то, что сказано выше о неудобствѣ и невозможности ввѣрить дворянству управленіе крестьянами и веденіе крестьянскаго дѣла. Но нельзя не замѣтить, что земства стали по-преимуществу дворянскими не по мысли, лежащей въ основаніи земскихъ учрежденій, а вслѣдствіе ошибочнаго направленія, какое получило развитіе ихъ съ самаго начала. Къ участію въ земскомъ управленіи законъ призываетъ всѣ сословія и всѣ общественные элементы. Такъ какъ дворянство изъ всѣхъ сословій есть самое образованное и почти исключительно знакомое съ дѣлами и практикой управленія, то естественно, что его представителямъ даны, въ земскихъ учрежденіяхъ, нѣкоторыя преимущества передъ другими земскими элементами. Но законъ, очевидно, и не помышлялъ отдать земскія дѣла въ руки дворянства; онъ имѣлъ въ виду, для пользы общей, привлечь къ веденію земскихъ дѣлъ только лучшія силы изъ среды этого сословія. Къ сожалѣнію, основная мысль земскихъ учрежденій была пренебрежена; при практическомъ ихъ осуществленіи лучшею частью дворянства была признана та, которая преслѣдовала особенныя, узко-сословныя его цѣли и всячески старалась, насколько возможно, удержать за собою исключительныя права, которыми дворянское сословіе обладало до отмѣны крѣпостной зависимости. Лучшіе, самые просвѣщенные элементы дворянства не пользовались никакой поддержкой, напротивъ были по возможности устраняемы или устранились сами отъ веденія земскихъ дѣлъ и уступили мѣсто дворянскому большинству, которое, имѣя развязанныя руки, поспѣшило воспользоваться своимъ вліяніемъ на крестьянское управленіе въ дурно-понятыхъ сословныхъ интересахъ. Огромную поддержку получило оно въ чрезвычайныхъ

полномочіяхъ, предоставленныхъ предсѣдателямъ сословныхъ и земскихъ собраній, и въ направленіи, какое давалось земскому дѣлу въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Такой оборотъ земскаго дѣла, противный духу земскихъ учрежденій и вредный не только для крестьянъ, но и вообще для развитія цѣлаго общества и самого государства, можетъ быть устраненъ лишь совершенной отмѣной дворянскихъ привилегій въ земскихъ учрежденіяхъ и чрезвычайныхъ полномочій предсѣдателей собраній, пониженіемъ имущественнаго ценза и введеніемъ, рядомъ съ нимъ, ценза образовательнаго; наконецъ, значительнымъ пониженіемъ возраста для избирателей и избираемыхъ въ земскіе гласные и должности. Необходимо возстановить въ земскихъ учрежденіяхъ равновѣсіе силъ и элементовъ, нарушенное чрезмѣрнымъ преобладаніемъ имущественныхъ и сословныхъ интересовъ надъ образованіемъ и личными качествами.

Но еслибы земская жизнь и была снова, послѣ длиннаго періода ошибокъ и искаженій, направлена въ русло, предназначенное ей смысломъ и духомъ законодательства, слѣдовало ли бы ввѣрить земскимъ учрежденіямъ управленіе крестьянами? Объ этомъ, равно какъ и о крестьянскомъ самоуправленіи, мы скажемъ ниже.

Остается разсмотрѣть роль коронныхъ чиновниковъ въ управленіи крестьянами. О ней отзывы тоже крайне неблагопріятны. Большому участію административныхъ должностныхъ лицъ въ крестьянскомъ управленіи, сильному ихъ вліянію на крестьянскія дѣла приписываются, главнымъ образомъ, вопіющія несправедливости и злоупотребленія, разоряющія крестьянъ въ конецъ. Ввѣрить управленіе крестьянами однимъ короннымъ чиновникамъ, какъ было съ государственными крестьянами до преобразованія ихъ устройства, само собою разумѣется, совершенно невозможно; нельзя также защищать и роль коронной администраціи въ управленіи крестьянами. Но справедливость и безпристрастіе требуютъ сказать, что дѣятельность полицейскихъ и другихъ коронныхъ чиновниковъ, по отношенію къ крестьянамъ, если и не лучше, то ужъ никакъ и не хуже выборныхъ должностныхъ лицъ дворянства и земства. Простой народъ и не различаетъ ихъ,—такъ для него нечувствительна ихъ разница. Въ сѣтова-

ніяхъ и жалобахъ на правительственныхъ чиновниковъ, съ указаніемъ то на дворянство, то на государственное представительство, то на земство, какъ на средства улучшить мѣстное управленіе, слышится голосъ общихъ политическихъ воззрѣній на наше теперешнее внутреннее положеніе и на средства изъ него выдти, а не выводъ изъ дѣйствительныхъ фактовъ мѣстной жизни. Что наше мѣстное чиновничество оставляетъ желать очень многаго — не подлежитъ никакому сомнѣнію; что оно, по своему образованію и нравственнымъ свойствамъ, не удовлетворяетъ своему назначенію; что въ его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ слишкомъ часто царитъ совершенный произволъ, на который рѣдко можно добиться управы; что дѣйствія и распоряженія мѣстной администраціи запечатлѣны очень часто бездушнымъ, безсмысленнымъ и безпощаднымъ формализмомъ, который давитъ жизнь, вовсе не принимая въ соображеніе ея требованій и дѣйствительныхъ обстоятельствъ дѣла; что бездѣйствіе, безпечность и совершенное равнодушіе чиновниковъ и проистекающая отсюда баснословная медленность въ распоряженіяхъ и отправленіи дѣлъ, при другихъ существенныхъ недостаткахъ мѣстнаго управленія не могутъ не вызывать справедливаго неудовольствія и ропота населенія, — все это къ несчастію совершенная правда. Но для правильной оцѣнки положенія и средствъ, которыя могли бы измѣнить его къ лучшему, надо строго различать недостатки, присущіе самой бюрократической системѣ управленія отъ ненормальной, неправильной постановки ея у насъ, отъ специфическихъ пороковъ русской администраціи; а этого, въ большинствѣ случаевъ, у насъ не дѣлается. Наше мѣстное чиновничество мало образовано, потому что вообще число образованныхъ людей въ Россіи очень не велико, и ихъ на нашъ огромный административный составъ, очевидно, недостаетъ. Ничтожное содержаніе, котораго, при ростущей дороговизнѣ, не хватаетъ на самое скромное существованіе, конечно не можетъ привлекать въ уѣздную и губернскую службу и тѣхъ немногихъ образованныхъ и порядочныхъ людей, какіе у насъ есть; а устарѣлость нашихъ административныхъ уставовъ, въ которыхъ нѣтъ ни точныхъ опредѣленій обязанностей и отвѣтственности должностныхъ лицъ, ни какихъ бы то ни было обезпеченій подчиненныхъ про-

тивъ произвола и злоупотребленій начальства, естественно отпугиваютъ отъ мѣстной службы людей съ достаткомъ, и привлекаютъ только тѣхъ, которые умѣютъ въ мутной водѣ рыбу ловить, или же такихъ, которые, находясь въ безъисходной нуждѣ, готовы идти на все, чтобъ не умереть съ голоду. Наконецъ, нашъ бюрократическій формализмъ, не знающій соображеній справедливости и здраваго смысла и падающій всею своею тяжестью больше всего на безграмотный, невѣжественный, безпомощный и безотвѣтный деревенскій людъ, есть сложный продуктъ многихъ причинъ. Его производятъ и питаютъ всѣ коренные недостатки нашего административнаго механизма—его дурной личный составъ, неспособный живымъ образомъ отнестись къ дѣлу, глубокое недовѣріе къ нему самого правительства которому онъ служитъ органомъ, и полная необезпеченность младшихъ передъ старшими, подчиненныхъ передъ начальствомъ. Всѣ эти недостатки, вмѣстѣ взятые, сводятъ дѣло къ бумагѣ, живое явленіе къ формѣ, дѣйствительную отвѣтственность за дѣйствія и поступки и дѣйствительный за ними контроль—къ бумажной исправности и повѣркѣ служебныхъ дѣйствій не по ихъ результатамъ, а по слѣду, оставленному ими въ перепискѣ. Пока въ служебныя отношенія, дѣйствія и распоряженія не вдохнется живой души, пока идеаломъ административной дѣятельности будетъ считаться одинъ только правильный ходъ заведенной машины, до тѣхъ поръ формализмъ останется ея девизомъ, и ея безпощадное отношеніе къ фактамъ и явленіямъ дѣйствительной жизни останется неизмѣннымъ и неотвратимымъ. Мы жалуемся на чрезмѣрное, подъ-часъ безсмысленно-жестокое вмѣшательство полиціи въ жизнь и бытъ народа, мечтаемъ о мѣстной администраціи съ мягкими, человѣколюбивыми и просвѣщенными пріемами, исполненными вниманія къ нуждамъ народа и заботливой пощады къ его скудости и безпощадности. Но пока существуютъ непомѣрно тяжкія подати и повинности, превышающія платежныя средства крестьянъ, мечтать объ этомъ, значитъ предаваться несбыточнымъ грёзамъ и маниловскимъ фантазіямъ. Еслибъ полицейскіе чиновники, становые пристава и исправники не подвергались сами суровой отвѣтственности за неисправное поступленіе податей, недоимокъ и взысканій, ихъ безпощадность

могла бы быть отнесена къ ихъ винѣ, жестокости и безсердечію. Но вѣдь съ нихъ самихъ строго взыскивается то, чего ласковыми и мягкими мѣрами добиться нельзя. Поговорите съ должностными лицами полиціи: они вамъ порасскажутъ, каково бываетъ присутствовать при продажѣ крестьянскаго имущества, съ публичнаго торга за долги и недоимки. Большинство ихъ не безсердечные и не злые люди; они часто бываютъ жестоки скрѣпя сердце, потому что нужно самимъ кормиться и кормить семью. Не ставьте ихъ въ необходимость дѣлать зло, не требуйте отъ нихъ героизма и самоотверженія, и большинство ихъ будетъ поступать хорошо. Съ измѣненіемъ теперешней системы податей и повинностей отпадетъ самъ собою и безобразный произволъ полиціи относительно крестьянъ; а до тѣхъ поръ никакіе законы, контроли, суды и разглагольствованія не будутъ въ состояніи измѣнить строгую логику вещей, роковымъ образомъ выводящую послѣдствія изъ данныхъ условій.

Мы разсмотрѣли элементы, участвующіе теперь въ организаціи крестьянскаго управленія. Ни одинъ изъ нихъ не удовлетворяетъ своему назначенію, а другихъ нѣтъ и быть не можетъ. Волей-неволей приходится придумывать различныя ихъ сочетанія, чтобъ создать хоть сколько-нибудь сносное управленіе народными массами, вмѣсто теперешняго, никуда негоднаго. Такъ и дѣлается. Никто не предполагаетъ передать крестьянъ исключительно въ завѣдываніе дворянскаго сословія или коронной администраціи, слѣдовательно, о неудобствахъ и невозможности такихъ комбинацій и говорить нечего. Разсмотримъ другія, которыя съ перваго взгляда какъ будто имѣютъ за себя многое. Мы говоримъ о двухъ, пользующихся, въ извѣстныхъ кружкахъ, сочувствіемъ, именно объ устройствѣ всесословной волости и о сосредоточенія управленія крестьянами въ рукахъ земства.

Вопросъ о всесословной волости возникъ у насъ со времени освобожденія крестьянъ, и съ тѣхъ поръ, до настоящей минуты, раздѣляетъ мнѣнія на два рѣзко-противоположные, враждебные лагеря. Теперь составъ волости есть исключительно сословный, крестьянскій. Предполагается преобразовать ее въ территоріальную, и чрезъ это сдѣлать всесословной. Всѣ лица, живущія на пространствѣ земли, образующемъ волость, какого бы ни были

сословія, званія или общественнаго положенія, должны войти въ ея составъ, быть ея членами и участвовать въ завѣдываніи ея дѣлами на основаніи закона, опредѣляющаго организацію волости и порядокъ управленія ею.

Мысль эта горячо поддерживалась и до сихъ поръ поддерживается людьми совершенно противуположныхъ воззрѣній. Одни надѣются внести, посредствомъ всесословной волости, свѣтъ, политическую и общественную мысль, культуру, привычку къ веденію общественныхъ дѣлъ и авторитетность высшихъ образованныхъ и зажиточныхъ слоевъ общества въ приниженную, необразованную крестьянскую среду, мало смыслящую въ дѣлахъ общественныхъ и управленія. Этою мѣрою думаютъ поднять ее, возвысить, влить въ нее правовую жизнь, придать ей вѣсъ и значеніе въ глазахъ администраціи и такимъ способомъ оградить крестьянъ отъ злоупотребленій и притѣсненій мелкаго провинціальнаго чиновничества. Другіе, совсѣмъ напротивъ, хотѣли бы ввести различные общественные элементы въ крестьянство, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе забрать его въ свои руки, и—безъ всякой помѣхи, подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ и на законномъ основаніи, заставить крестьянъ служить своимъ сословнымъ или частнымъ и личнымъ интересамъ. Послѣ неудачной попытки удержать при освобожденіи крестьянъ за помѣщиками право вотчинной полиціи на манеръ остзейскихъ бароновъ, всесословная волость представлялась самой удобной формой достигнуть той же цѣли. При помощи вина, подкупа и экономическаго давленія, помѣщикъ, фабрикантъ, ростовщикъ, кабатчикъ, скупщикъ и кулакъ, живущіе въ предѣлахъ волости, могли бы легко попасть въ волостные старшины, судьи, сельскіе старосты и, прикрываясь законною властью, обдѣлывать свои сословныя и личныя дѣла и дѣлишки какъ вздумается; всякое сопротивленіе ихъ хищничеству и насиліямъ облекалось бы тогда въ форму сопротивленія власти и начальственнымъ распоряженіямъ. Этимъ маневромъ воспользовался во времена оны и ханъ Букѣевской орды, и еще недавно нѣкоторые изъ мировыхъ посредниковъ передъ отмѣной этого учрежденія. Несостоятельность, бѣдность, невѣжество крестьянъ и наслѣдственная безотвѣтность ихъ передъ всякимъ начальствомъ такъ велики, что включеніе въ составъ во-

лости элементовъ, не принадлежащихъ къ крестьянству, заставляетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, опасаться именно этихъ послѣдствій и лишь въ очень немногихъ случаяхъ, въ видѣ рѣдкаго изъятія, тѣхъ благодатныхъ результатовъ, о которыхъ мечтаютъ благонамѣренные поборники всесословной волости. Если волостные старшины изъ крестьянъ часто забираютъ въ свою власть мужиковъ и дѣлаютъ безнаказанно все, что хотятъ, то нетрудно угадать, что могутъ дѣлать люди много ихъ опытнѣе, образованнѣе и вліятельнѣе.

Въ настоящее время многіе предлагаютъ передать управленіе крестьянами земству. Будучи образовано изъ всѣхъ мѣстныхъ элементовъ, оно, по своему личному составу, представляетъ, какъ думаютъ поборники этого мнѣнія, наибольшія гарантіи совершеннаго безпристрастія; въ то же время, какъ мѣстное учрежденіе, и притомъ заправляющее мѣстными хозяйственными дѣлами, земство непосредственно и всего болѣе заинтересовано въ томъ, чтобъ крестьяне управлялись какъ можно лучше. Но мы видѣли, что въ большинствѣ земствъ преобладаютъ теперь дворянскіе интересы, почему не только исключительное завѣдываніе земства крестьянскими дѣлами, но и самое участіе большинства теперешнихъ земствъ въ управленіи крестьянами, какъ доказываютъ опытъ и практика, не могутъ быть полезны для крестьянъ. Допустимъ, однако, что земства стали тѣмъ, чѣмъ они должны быть — вполнѣ безпристрастными, чуждыми всякихъ сословныхъ стремленій, представителями мѣстныхъ нуждъ, пользъ и интересовъ. Спрашивается, на какомъ справедливомъ основаніи можно было бы возложить на нихъ завѣдываніе крестьянскими дѣлами? Почему же управленіе крестьянъ, а не дворянъ, мелкихъ землевладѣльцевъ, купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ должно быть подчинено земствамъ? Вѣдь законъ призываетъ всѣ мѣстныя сословія и общественные разряды къ завѣдыванію мѣстными дѣлами, слѣдовательно признаетъ ихъ въ этомъ отношеніи равноправными: отчего же эта равноправность можетъ быть нарушена только по отношенію къ крестьянамъ, которые, наравнѣ съ другими, участвуютъ въ земскомъ управленіи посредствомъ своихъ представителей? Одно изъ двухъ: или дѣла всѣхъ составныхъ элементовъ земства должны быть переданы въ его завѣдываніе,

или ни одинъ изъ нихъ не долженъ находиться подъ его управленіемъ. Передача крестьянъ въ завѣдываніе земствъ имѣла бы необходимымъ послѣдствіемъ подчиненіе одних сословій другимъ, подчиненіе массы крестьянъ нѣкоторымъ изъ нихъ, вошедшимъ въ составъ земства, въ которомъ они находятся, фактически, въ меньшинствѣ, и должны волей-неволей подчиняться голосу и мнѣніямъ представителей другихъ сословій.

Такимъ образомъ, выходитъ, что ни одинъ изъ мѣстныхъ элементовъ въ отдѣльности и никакая ихъ комбинація не представляютъ прочнаго основанія для созданія сколько-нибудь правильнаго и удовлетворительнаго управленія крестьянами. Такой выводъ прямо показываетъ, что въ самую постановку задачи вкралась ошибка, до сихъ поръ не замѣченная, которая спутываетъ наши сужденія и приводитъ къ неправильнымъ результатамъ. Мы думаемъ, что ошибка заключается въ самой предпосылкѣ всѣхъ нашихъ разсужденій о крестьянскомъ и земскомъ дѣлѣ, которую мы вводили въ соображеніе, не подвергнувъ сперва анализу и провѣркѣ. Мы смѣшиваемъ земское и крестьянское управленіе, считая послѣднее необходимою составною частью перваго, и вслѣдствіе того считаемъ крестьянское устройство и веденіе крестьянскихъ дѣлъ низшей ступенью земскихъ и коронныхъ административныхъ учрежденій и ихъ дѣятельности. Вотъ гдѣ лежитъ ключъ къ объясненію всѣхъ затрудненій и вмѣстѣ указаніе, какъ изъ нихъ выдти.

Разсуждая объ управленіи дѣлами купцовъ, ремесленниковъ, мѣщанъ, мы не помышляемъ воспользоваться ихъ сословной организаціей и сословными учрежденіями для городскихъ, земскихъ или административныхъ цѣлей, и очень хорошо понимаемъ, что эти учрежденія существуютъ только для, такъ сказать, домашнихъ сословныхъ дѣлъ купцовъ, мѣщанъ и т. п. То же самое должно сказать о дворянствѣ. До учрежденія земствъ, дворянскія сословныя учрежденія имѣли значеніе и сословное, и вмѣстѣ земское, по той первенствующей роли, какая принадлежала дворянству въ мѣстномъ управленіи; но гдѣ введены земскія учрежденія, тамъ бóльшая часть мѣстныхъ дѣлъ перешла къ нимъ, а за дворянствомъ удержаны лишь нѣкоторые аттрибуты земской власти; въ остальномъ же дворянскія учрежденія обратились въ чисто-

сословныя, завѣдывающія только дѣлами дворянства. Только къ крестьянскому управленію мы примѣняемъ иной масштабъ. Теперешнія волостныя и сельскія учрежденія соединяютъ въ себѣ двойственный характеръ: они, въ одно и то же время, и сословныя крестьянскія, и вмѣстѣ административныя, правительственныя и земскія. На нихъ лежатъ полицейскія обязанности, обязанности по производству дознаній, дѣла рекрутскія, раскладка податей и повинностей, дѣла по земскому страхованію. Такое смѣшеніе частныхъ сословныхъ и общихъ мѣстныхъ, правительственныхъ и земскихъ функцій и создаетъ искусственно вопросъ о завѣдываніи крестьянами и крестьянскими дѣлами. Когда рѣчь идетъ о неспособности крестьянъ къ самоуправленію, о несостоятельности крестьянскихъ властей и учрежденій, о необходимости держать ихъ подъ опекою дворянской, правительственной или земской и т. п., рѣчь идетъ о земской и правительственной роли крестьянъ и крестьянскихъ учрежденій; ибо свои домашнія сословныя дѣла крестьяне знаютъ какъ нельзя лучше, не хуже другихъ сословій, и если въ веденіи этихъ дѣлъ безнаказанно совершаются большія злоупотребленія, то вина этого всецѣло падаетъ на ошибочную и неудовлетворительную организацію крестьянскихъ властей и судовъ, а также на отсутствіе выработаннаго законодательства для крестьянъ. Для пользы земскаго и крестьянскаго дѣла необходимо строго, точнымъ образомъ, разграничить то, что, въ нашихъ понятіяхъ и въ нашемъ законодательствѣ, слито въ одно. Съ этого и слѣдуетъ начать реформу крестьянскихъ и земскихъ учрежденій. Пока такого разграниченія не будетъ сдѣлано, до тѣхъ поръ мы по необходимости будемъ впадать въ неисходныя противорѣчія: или будемъ обращаться къ крестьянскимъ учрежденіямъ съ требованіями, которымъ, они, по степени культуры крестьянъ, удовлетворить не въ состояніи; или же станемъ отказывать имъ въ той долѣ самостоятельности, на которую они имѣютъ право наравнѣ съ другими сословіями и которой они, безъ явной несправедливости, не могутъ быть лишены. Напротивъ, какъ только дѣла мѣстнаго и сословнаго управленія будутъ разграничены и одни послѣднія останутся въ завѣдываніи крестьянъ, а первыя отойдутъ по принадлежности къ земскимъ или правительственнымъ органамъ,

вся путаница исчезнетъ, вопросы чрезвычайно упростятся, земское и крестьянское дѣла начнутъ развиваться, не мѣшая другъ другу.

Чтобы правильно провести границу между кругомъ завѣдыванія крестьянъ и различными сферами мѣстнаго управленія, необходимо сперва ясно опредѣлить, что̀ именно входитъ въ кругъ сословныхъ крестьянскихъ интересовъ, и какъ далеко простирается смыслъ и навыкъ крестьянъ къ дѣламъ общественнымъ. То и другое не такъ легко, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Крестьянскія общества не суть только личныя, какъ другія сословныя общества, но вмѣстѣ и территоріальныя, поселенныя на извѣстномъ пространствѣ земли, которая, на томъ или другомъ правѣ, находится во владѣніи и пользованіи крестьянъ, принадлежащихъ къ обществу; съ территоріальнымъ же или поземельнымъ характеромъ находятся въ тѣснѣйшей связи различныя общественныя функціи, имѣющія не частный сословный, а публичный земскій характеръ. Такъ, наприм., охраненіе личной и имущественной безопасности, въ обществахъ съ личнымъ характеромъ, естественно принадлежитъ общей мѣстной полиціи, тогда какъ въ обществахъ территоріальныхъ обязанности общей полиціи и общественныхъ сословныхъ властей по этому предмету, по необходимости, соприкасаются и въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже совпадаютъ. Замѣчаніе это относится и ко многимъ другимъ функціямъ. Что касается смысла, навыка и интереса къ дѣламъ общественнымъ, то они у крестьянъ обыкновенно ограничиваются ближайшимъ обиходомъ и тѣсными предѣлами общаго поселенія; за предѣлами села или деревни привычки и интересы общественности дѣйствуютъ уже гораздо слабѣе, и рѣдко когда переходятъ границы волости. Чтобы заранѣе устранить всякія недоразумѣнія, спѣшимъ прибавить, что мы здѣсь говоримъ не о сочувствіяхъ и сознаніи, которыя у крестьянъ, какъ и у другихъ людей, могутъ обнимать и обнимаютъ цѣлый край или все государство; рѣчь идетъ только о подробномъ знаніи и ясномъ пониманіи дѣлъ общественныхъ и о живомъ дѣятельномъ къ нимъ интересѣ, который побуждаетъ человѣка въ нихъ участвовать и охоту ими заниматься, приложить къ нимъ свои руки. Такого рода общественный духъ и общественный смыслъ

несомнѣнно развитъ у крестьянъ, но онъ нейдетъ далѣе села, деревни, много-много волости. Теперь и этотъ общественный смыслъ и духъ ослабляются у обитателей деревень вслѣдствіе опеки, которой подчинены крестьянскія общественныя власти въ качествѣ низшихъ органовъ общаго мѣстнаго управленія. Дѣльные, толковые, энергическіе крестьяне, которые отлично бы умѣли вести домашнія крестьянскія общественныя дѣла и гордились бы своею дѣятельностью и своею ролью, теперь всячески сторонятся отъ общественныхъ должностей изъ боязни попасть подъ отвѣтственность по завѣдыванію тѣмъ, чтó не относится къ общественному крестьянскому обиходу, въ чемъ они мало смыслятъ и потому волей-неволей попадаютъ въ руки писарей, въ большинствѣ случаевъ недобросовѣстныхъ и невѣжественныхъ. Съ этими фактами должно сообразоваться при разграниченіи крестьянскаго сословнаго управленія отъ общаго мѣстнаго, правительственнаго и земскаго. Крестьянскому самоуправленію должны быть предоставлены одни лишь домашнія крестьянскія общественныя дѣла въ границахъ сельской и волостной территоріи; но волости не должны быть обширны; надобно, чтобъ онѣ обнимали лишь ближайшее сосѣдство, за предѣлы котораго связи и частныя сношенія, а съ ними общественный смыслъ и общественное участіе у крестьянъ не простираются; изъ общихъ же мѣстныхъ дѣлъ въ завѣдываніи крестьянъ должны быть оставлены только тѣ, которыя находятся въ такой непосредственной и неразрывной связи съ домашними крестьянскими, что никакъ не могутъ быть отъ нихъ отдѣлены, и притомъ оставлены только въ той мѣрѣ, какъ это совершенно необходимо для правильнаго хода мѣстной общественной жизни. Но и въ этихъ тѣсныхъ границахъ крестьянское самоуправленіе, по низкой степени культуры и развитія крестьянъ, принесетъ имъ и земскому дѣлу не пользу, а вредъ, если не будетъ обставлено условіями, обезпечивающими его правильность и добросовѣстность. У насъ часто смѣшиваютъ самоуправленіе съ автономіей и самосудомъ, тогда какъ между ними есть большая разница. Самоуправленіе крестьянъ, въ означенныхъ выше предѣлахъ, не только желательно, но и необходимо, тогда какъ автономія и самосудъ, при теперешнемъ умственномъ и нравственномъ состояніи крестьянъ, повели бы только къ не-

устройствамъ и вопіющимъ нарушеніямъ самыхъ неотъемлемыхъ правъ. Обезпеченіемъ правильнаго хода крестьянскаго самоуправленія послужатъ, во-первыхъ, хорошій сельскій уставъ, точно, ясно и просто опредѣляющій организацію крестьянскихъ учрежденій и властей, порядокъ и формы ихъ дѣятельности, ихъ права и обязанности, и во-вторыхъ, судебныя гарантіи. По всѣмъ дѣламъ крестьянскаго самоуправленія должны быть устроены, кромѣ крестьянскаго, еще особые суды, близкіе и доступные крестьянскому населенію, для обжалованія рѣшеній крестьянскихъ судовъ, а также дѣйствій и распоряженій крестьянскихъ учрежденій и властей. Такіе суды должны быть образованы изъ крестьянъ, съ придаткомъ образованныхъ, знающихъ и опытныхъ юристовъ, и служить регуляторомъ крестьянскаго самоуправленія. Въ то же время, они будутъ служить посредниками и связью между крестьянскимъ и общимъ мѣстнымъ управленіемъ.

Съ выдѣленіемъ крестьянскаго сословнаго управленія, всѣ остальныя мѣстныя дѣла должны быть изъяты изъ завѣдыванія крестьянскихъ сословныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ и переданы, по принадлежности, въ руки общихъ мѣстныхъ правительственныхъ и земскихъ учрежденій и властей. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, какъ и на какихъ началахъ надлежало бы организовать общее мѣстное управленіе, освобожденное отъ чуждой ему сословной примѣси: предметъ этотъ не входитъ въ нашу задачу и отвлекъ бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только мимоходомъ, что точное ограниченіе его отъ сословнаго крестьянскаго упростило бы его существенно во всѣхъ отношеніяхъ. Мы теперь не знаемъ, какъ согласить довольно высокія требованія отъ волостныхъ старшинъ съ невѣжествомъ и безграмотностью лицъ, выбираемыхъ въ эту должность, какъ улучшить личный составъ волостныхъ писарей, которые, при смѣшеніи крестьянскаго управленія съ общимъ мѣстнымъ и при теперешнемъ состояніи крестьянства, не могутъ не играть выдающейся роли въ веденіи дѣлъ; мы ломаемъ себѣ голову, какимъ бы образомъ сдѣлать участіе крестьянъ въ дѣлахъ земства болѣе дѣятельнымъ и полезнымъ и установить въ земскомъ управленіи равновѣсіе между различными земскими элементами и интересами. Всѣ эти и многіе имъ подобные вопросы, кажущіеся почти неразрѣши-

мыми, отпали бы вовсе или разрѣшились легко и просто, съ изъятіемъ общихъ мѣстныхъ дѣлъ изъ завѣдыванія крестьянъ. Волостныя правленія обратились бы тогда въ чисто крестьянскія сословныя учрежденія; волостные писаря сдѣлались бы вовсе ненужными; на мѣсто ихъ появились бы органы мѣстнаго управленія, непосредственно зависящіе отъ общихъ мѣстныхъ учрежденій, дѣйствующіе подъ ихъ контролемъ и по ихъ указаніямъ, и сами отвѣчали бы за свои дѣйствія. Вопросъ о представительствѣ различныхъ мѣстныхъ элементовъ въ земскихъ учрежденіяхъ, съ выдѣленіемъ крестьянскаго управленія въ особую, самостоятельную группу, въ значительной степени потерялъ бы свою важность, въ особенности, если, какъ и слѣдуетъ ожидать, образовательный цензъ займетъ приличное ему мѣсто въ уставѣ о земскомъ представительствѣ.

Чтобы пояснить нашу мысль, укажемъ, въ общихъ чертахъ, какія дѣла слѣдовало бы, при такомъ разграниченіи, отнести къ общему мѣстному, и какія—къ крестьянскому управленію.

Самимъ крестьянамъ и ихъ учрежденіямъ надлежало бы, по самому существу дѣла, предоставить на всемъ пространствѣ крестьянской территоріи прекращеніе всякихъ дѣйствій и фактовъ, нарушающихъ личную неприкосновенность и безопасность, а также владѣніе и имущественныя права; задержаніе людей, совершившихъ преступленіе; раскладка, сборъ и внесеніе, куда слѣдуетъ, денежныхъ податей; распредѣленіе и отправленіе натуральныхъ повинностей между лицами, принадлежащими къ составу сельскаго или волостного общества; составленіе и представленіе списковъ лицъ, обязанныхъ отбывать воинскую повинность; завѣдываніе и распоряженіе землями, входящими въ составъ общественной территоріи, и вообще движимымъ и недвижимымъ общественнымъ имуществомъ, въ предѣлахъ правъ, принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; наконецъ, призрѣніе сиротъ и бѣдныхъ. Всѣ прочія дѣла управленія, какъ-то: по народному продовольствію, народному образованію, полиціи народнаго здравія, путей сообщенія, строительной, пожарной, торговой, фабричной и ремесленной и т. п., должны быть совершенно исключены изъ крестьянскаго управленія и всецѣло перейти въ завѣдываніе общихъ мѣстныхъ учрежденій и властей.

Крестьянскія общества не должны быть, ни подъ какимъ предлогомъ, обременяемы ни перепиской, ни срочными вѣдомостями, ни требованіемъ свѣдѣній по такимъ дѣламъ. Имъ только должно быть вмѣнено въ обязанность доводить до свѣдѣнія ближайшихъ органовъ общаго мѣстнаго управленія о событіяхъ извѣстнаго рода, какъ наприм., о появленіи заразы, повальныхъ болѣзней, вредныхъ насѣкомыхъ и животныхъ и т. п.; но всѣ обязанности такого рода должны быть точно и опредѣлительно перечислены въ сельскомъ уставѣ; они могутъ быть расширяемы лишь закономъ, а не по усмотрѣнію властей. Въ то же время крестьянскія общества и власти должны имѣть право доводить до свѣдѣнія общаго мѣстнаго управленія, или его органовъ, обо всемъ, на что, по соображенію крестьянъ, нужно или полезно обратить вниманіе общаго мѣстнаго управленія.

Остается часть судебная и нотаріальная. Она, какъ мы думаемъ, подлежитъ коренному преобразованію.

Во-первыхъ, компетенція крестьянскихъ судовъ должна быть ограничена спорами и нарушеніями только по такимъ предметамъ, которые предоставлены завѣдыванію крестьянъ, съ ограниченіемъ гражданскихъ тяжебъ извѣстною небольшою суммою, а наказаній — извѣстною незначительною суммою денежнаго штрафа и непродолжительнымъ арестомъ. Прочія затѣмъ спорныя дѣла и нарушенія должны быть отнесены къ компетенціи мировыхъ и общихъ судебныхъ учрежденій. Во-вторыхъ, необходимо возстановить юрисдикцію сельскихъ обществъ по дѣламъ, касающимся ихъ членовъ, или возникающимъ въ предѣлахъ сельской территоріи; волостной же юрисдикціи должны быть подвѣдомы тѣ же самыя дѣла, но между различными сельскими обществами или членами разныхъ сельскихъ обществъ, въ предѣлахъ одной и той же волости. За исключеніемъ этого различія компетенція сельскихъ и волостныхъ судовъ должна быть совершенно одинакова, съ апелляціею, на рѣшенія и постановленія тѣхъ и другихъ судовъ, въ суды, образованные изъ крестьянъ и юристовъ. Послѣдніе суды должны рѣшать всѣ дѣла окончательно. Сельская юрисдикція можетъ быть, по желанію и усмотрѣнію крестьянъ, отнесена къ сельскимъ сходамъ, или къ особымъ сельскимъ судамъ. Организація сельскихъ сходовъ, въ качествѣ судеб-

ныхъ учрежденій, судовъ сельскихъ, волостныхъ и апелляціонныхъ, а равно и правила процедуры и исполненія рѣшеній и приговоровъ должны быть опредѣлены въ главныхъ чертахъ, безъ мелочныхъ подробностей, въ особомъ крестьянскомъ судебномъ уставѣ, который давно уже составляетъ одну изъ насущныхъ потребностей.

Точно такую же потребность составляетъ и нотаріальный крестьянскій уставъ, съ точнымъ и яснымъ опредѣленіемъ компетенціи крестьянскаго нотаріата, его организаціи и законной силы крестьянскихъ нотаріальныхъ актовъ. Всякаго рода договоры и условія въ предѣлахъ волости, до извѣстной суммы, могутъ быть, какъ мы думаемъ, совершаемы при волостныхъ судахъ, хотя бы лица, заключающія договоры и сдѣлки, не принадлежали къ числу крестьянъ; завѣщанія же крестьянъ могутъ быть, по ихъ желанію, совершаемы при апелляціонныхъ крестьянскихъ судахъ и утверждаемы ими къ исполненію, если завѣщатели живутъ въ округѣ того суда. Наконецъ, при тѣхъ же апелляціонныхъ судахъ могутъ быть совершаемы крѣпостные акты на недвижимое имущество, не превышающее извѣстной цѣны или извѣстнаго пространства земли.

Таковы должны быть общія черты крестьянскаго управленія, какъ мы его себѣ представляемъ. Мы глубоко убѣждены, что только въ этомъ направленіи слѣдуетъ искать разрѣшенія задачи, которая теперь занимаетъ правительство, обсуждается въ земскихъ собраніяхъ и глубоко интересуетъ всѣхъ мыслящихъ людей. При нашемъ теперешнемъ положеніи, едва ли возможенъ другой выходъ изъ тѣхъ трудностей, на которыя мы наталкиваемся на каждомъ шагу при обсужденіи сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ земскаго и крестьянскаго управленія.

Ознакомившись съ нашимъ взглядомъ, читатели, можетъ быть, заподозрятъ насъ въ желаніи возвратиться къ прежнему раздѣленію русскаго общества на сословія, значительно ослабленному реформами минувшаго царствованія. Но такое подозрѣніе было бы несправедливо. Говоря о необходимости выдѣлить и обсуждать особливо вопросъ объ устройствѣ и управленіи крестьянъ, мы далеки отъ мысли разсматривать ихъ, какъ особое, замкнутое сословіе; также мало хотѣли бы мы увѣковѣчить ихъ тепереш-

ную изолированность посреди других слоев руского общества. Но нельзя закрывать глаза на то, что прошедшее, история завѣщали намъ до сихъ поръ еще рѣзко между собою различенные общественные и государственные разряды или „чины", которые до Петра Великаго почти походили на касты. Только въ XVIII вѣкѣ они переименованы въ сословія. Непереступаемыя границы, раздѣлявшія ихъ между собою, въ теченіе того же и текущаго столѣтія значительно вывѣтрились, частью совсѣмъ сгладились; но созданныя долгою жизнью по разрядамъ и сословіямъ бытовыя различія нравовъ, привычекъ и воззрѣній удержались до нашего времени, такъ же какъ и бывшія прежде взаимныя отношенія этихъ разрядовъ и сословій. Кромѣ того, различіе занятій и общественныхъ положеній создаетъ и навсегда удержитъ разные интересы, раздѣляющіе или соединяющіе людей. Разсуждая объ общественномъ устройствѣ и управленіи нельзя не принимать въ соображеніе этихъ историческихъ и бытовыхъ различій; волей-неволей мы должны съ ними считаться. Безъ сомнѣнія, надо всячески стараться соединять и сводить вмѣстѣ разныя общественныя группы въ дѣлахъ общаго ихъ интереса; но будемъ помнить и то, что отъ нашего желанія и постановки задачи факты вдругъ по щучьему велѣнію не перемѣняются и лишь медленно, черезъ многія поколѣнія исчезаютъ или получаютъ новый видъ. Пока еще живы взаимныя бытовыя предубѣжденія разныхъ нашихъ классовъ, пока ихъ интересы еще сталкиваются и расходятся, хотя бы только вслѣдствіе ошибочныхъ понятій и предразсудковъ; пока не только степень, но и самый характеръ культуры нашихъ различныхъ званій и общественныхъ разрядовъ очень замѣтно между собою разнятся, до тѣхъ поръ надо всячески облегчать переходы изъ одного класса въ другой, устранять всѣ препятствія къ ихъ взаимному сближенію, но невозможно, на основаніи одной юридической или политической фикціи, строить общественное зданіе и мѣстное управленіе. Крестьянство есть особая бытовая группа, имѣющая свои особые интересы, нравы, понятія, складъ ума и весьма отсталая по культурѣ. Всѣмъ этимъ она поставлена особнякомъ между другими группами, и потому должна быть изъ нихъ выдѣлена не юридически или политически, а по самому факту, и имѣть возможность оставаться выдѣленной, пока ея особенности будутъ того требовать.

Кромѣ того, низкая степень развитія крестьянъ, своеобразныя условія и формы ихъ быта настоятельно требуютъ возстановленія учрежденія, когда-то у насъ существовавшаго подъ разными формами, но впослѣдствіи отмѣненнаго и теперь забытаго. Мы говоримъ о стряпчихъ по дѣламъ крестьянскимъ. Принадлежа, въ видѣ особаго сословія, къ составу общества и государства, крестьяне находятся, внѣ тѣснаго круга своей общественной жизни, въ беспрестанныхъ сношеніяхъ съ другими классами и сословіями, съ сословными, земскими и правительственными, мѣстными и центральными учрежденіями и должностными лицами. Эти сферы мало имъ извѣстны или неизвѣстны вовсе, а общественная и государственная жизнь, по мѣрѣ перехода отъ низшихъ ступеней къ вершинамъ, по самому существу дѣла становится сложнѣй, искусственнѣй и формальнѣй. Въ этой, чуждой ему средѣ, крестьянинъ совершенно теряется и ходитъ какъ въ лѣсу. Оно и понятно. Чтобъ найтись въ ней, мало одной бытовой умѣлости и сметки, которыя выручаютъ въ тѣсномъ кругу мелкихъ интересовъ и ежедневныхъ сношеній: нужно знаніе законовъ и людей, извѣстная степень образованности, знакомство съ дѣлами суда и администраціи и нѣкоторая опытность въ ихъ веденіи. Всего этого крестьянину недостаетъ. Оттого, выйдя изъ круга близкихъ ему сельскихъ отношеній, онъ чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи, путается, дѣлаетъ массу ошибокъ, которыя тяжко отзываются на его карманѣ; нерѣдко становится по незнанію нарушителемъ законовъ, безвинно подвергается различнымъ карамъ и попадаетъ, беззащитный, въ руки разныхъ обманщиковъ и проходимцевъ, которые, подъ видомъ помощи и заступничества, безсовѣстно и безстыдно его обираютъ. Во времена крѣпостного права, естественными оберегателями, совѣтниками и ходатаями помѣщичьихъ крестьянъ были, въ такихъ случаяхъ, помѣщики; нѣкоторые изъ нихъ исправляли эту обязанность очень усердно и добросовѣстно. Потребность въ оберегателяхъ личности и имущества крестьянъ ясно сознавало во времена оны и правительство. Для удѣльныхъ и государственныхъ крестьянъ были учреждены особые стряпчіе, которыхъ обязанность состояла въ ходатайствѣ по дѣламъ крестьянскимъ. Но съ отмѣною крѣпостного права и соединеніемъ всѣхъ крестьянъ въ

одно свободное крестьянское состояніе подъ управленіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, охрана со стороны помѣщиковъ исчезла, должность стряпчихъ упразднена, и крестьяне предоставлены собственнымъ силамъ, правильнѣе сказать — собственной слѣпотѣ и безпомощности и выданы головою нахальному и алчному безстыдству частныхъ ходатаевъ. О возстановленіи охраны и защиты крестьянъ и ихъ интересовъ въ прежнемъ видѣ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Патронатъ и опека надъ крестьянами извращали принципъ такой охраны и защиты, въ существѣ совершенно правильный и отвѣчавшій дѣйствительной потребности: огражденіе крѣпостныхъ крестьянъ зависѣло отъ доброй воли помѣщика; стряпчіе чиновники навязывали не всегда безкорыстно свою помощь крестьянамъ и обратили ее во власть и подчиненіе. Съ тѣхъ поръ, что крѣпостное право и опека надъ крестьянами упразднены, старинныя формы попечительства надъ ними не могли удержаться; но потребность въ попечительствѣ, конечно, въ другомъ видѣ и въ другихъ формахъ, существуетъ и долго будетъ существовать вездѣ, гдѣ бытъ, культура и воззрѣнія высшихъ и низшихъ слоевъ общества существенно различны, гдѣ рядомъ съ сложнымъ правительственнымъ механизмомъ и болѣе зрѣлой гражданственностью живутъ большія земледѣльческія массы, туго, медленно вдвигающіяся въ условія культурной жизни и культурной обстановки. Только благодаря незнанію и непониманію русской дѣйствительности, попечительство надъ крестьянами могло быть забыто во время крестьянской реформы и вычеркнуто изъ числа крестьянскихъ учрежденій. Давно пора его установить вновь, въ формахъ, соотвѣтствующихъ новому положенію вещей. Необходимо, чтобъ крестьяне имѣли, когда имъ нужно и когда они сами захотятъ, къ кому обратиться съ полнымъ довѣріемъ за указаніемъ, совѣтомъ, помощью и защитою по дѣламъ судебнымъ и административнымъ. Къ ихъ услугамъ должны быть поставлены люди добросовѣстные, знающіе, опытные, назначенные правительствомъ и имъ рекомендуемые. Потребность въ такихъ попечителяхъ или ходатаяхъ и стряпчихъ для крестьянъ указывается самою жизнью. Въ кругѣ присяжной адвокатуры есть не мало почтенныхъ лицъ съ выдающимся положеніемъ и именемъ, которыя охотно и безкорыстно

отдають свое время и свои труды на защиту крестьянъ въ судахъ. Въ нашемъ молодомъ образованномъ поколѣніи сочувственное отношеніе къ крестьянству составляетъ характеристическую черту. Изъ этого матеріала было бы легко выработать институтъ оффиціальныхъ крестьянскихъ попечителей и стряпчихъ, въ замѣну теперешнихъ невѣжественныхъ, полуграмотныхъ и недобросовѣстныхъ ходатаевъ, къ которымъ крестьяне невольно попадають въ руки, не зная къ кому обратиться. При заботливомъ и тщательномъ выборѣ лицъ не по однимъ внѣшнимъ признакамъ, а по дѣйствительнымъ качествамъ, достоинствамъ и любви къ дѣлу, такіе попечители и ходатаи, оффиціально признанные въ этомъ званіи, съ обязанностью давать совѣтъ и помощь крестьянамъ, съ правомъ вести ихъ дѣла въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, за условное или опредѣленное умѣренное вознагражденіе, принесли бы огромную пользу, предохраняя крестьянъ во многихъ случаяхъ отъ большихъ потерь и разоренія. Такіе оффиціальные повѣренные и стряпчіе должны быть учреждены во всѣхъ городахъ и во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ промышленныхъ и торговыхъ пунктахъ; смотря по надобности, ихъ должно быть по нѣскольку. О существованіи ихъ должно быть объявлено во всеобщее свѣдѣніе понятнымъ и доступнымъ и для малограмотныхъ людей образомъ, чтобъ крестьяне знали, къ кому могутъ съ полнымъ довѣріемъ обращаться съ своими дѣлами и нуждами.

Окончимъ этотъ очеркъ крестьянскихъ учрежденій и крестьянскаго управленія однимъ общимъ замѣчаніемъ. Теперь съ разныхъ сторонъ раздаются голоса о необходимости сближенія между различными слоями русскаго общества и въ особенности о необходимости засыпать ту бездну, которая раздѣляетъ крестьянство отъ образованныхъ классовъ и интеллигенціи. Къ этой задачѣ подходятъ все чаще и чаще, съ самыхъ различныхъ сторонъ, всѣ направленія русской мысли, враждебныя другъ другу во всемъ остальномъ и въ самой постановкѣ вопроса. Это служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что задача назрѣваетъ и выдвигается на первый планъ насущными потребностями дѣйствительной жизни, которая у насъ къ сожалѣнію слишкомъ часто опережаетъ мысль и застаетъ насъ врасплохъ, неприготовлен-

ными. Пока мы съ ожесточеніемъ споримъ о народной правдѣ и народномъ духѣ, котораго никто еще не разгадалъ, прежній бытъ крестьянскихъ массъ, ихъ міросозерцаніе и вѣрованія разлагаются, и это разложеніе, какъ вездѣ и всегда, обнаруживается въ крайне ненормальныхъ, отталкивающихъ явленіяхъ, рядомъ съ свѣтлыми проблесками, указывающими на попытки замѣнить старинныя основанія жизни и воззрѣній другими, ближе подходящими къ стремленіямъ и понятіямъ культурныхъ слоевъ. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на это явленіе, но оно показываетъ, что на встрѣчу направленію, побуждающему образованные классы сближаться съ крестьянскими массами, въ послѣднихъ тоже идетъ безсознательная, темная, стихійная работа, приближающая ихъ, пока еще медленно, къ культурнымъ и образованнымъ слоямъ. Посреди хаоса и мрака, въ которыхъ мы влачимъ нашу убогую жизнь, каждому мыслящему человѣку, безъ сомнѣнія, случалось наталкиваться на факты, доказывающіе, что такая двоякая работа у насъ дѣйствительно совершается. Только крайняя близорукость или вольное и невольное ослѣпленіе могутъ помѣшать ихъ разглядѣть или понять ихъ громадное значеніе для нашего настоящаго и ближайшаго будущаго. Что результатомъ такой работы будетъ, рано или поздно, коренное перерожденіе и высшихъ, и низшихъ слоевъ русскаго народа, — это можно предсказать уже теперь, не будучи пророкомъ. Пора отнестись къ этому нарождающемуся факту, благодатному зародышу лучшаго будущаго, со всею серьезностью и вниманіемъ, какихъ онъ заслуживаетъ по своей неизмѣримой важности. Пора, давно пора разстаться съ напрасными надеждами снова забрать крестьянство въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ или капиталистовъ, промышленной и торговой буржуазіи, или, напротивъ, воспользоваться крестьянскими массами для политическаго или соціальнаго переворота; но пора также и перестать бояться соприкосновенія интеллигенціи и нарождающихся молодыхъ силъ съ крестьянскимъ населеніемъ. Такая боязнь совершенно понятна со стороны тѣхъ, которые все еще надѣются, тѣмъ или другимъ способомъ, въ томъ или другомъ видѣ, удержать народныя массы въ черномъ тѣлѣ и забрать ихъ въ руки высшихъ слоевъ; но съ точки зрѣнія правильной внутренней политики подобная боязнь —

большое недоразумѣніе и ошибка, уже повлекшія за собою самыя горестныя послѣдствія. Судить по нѣкоторой и притомъ небольшой части молодежи о всей молодежи такъ же странно и несправедливо, какъ по нѣкоторымъ органамъ печати составлять себѣ понятіе о всей печати, или по нѣкоторымъ офицерамъ и чиновникамъ произносить приговоръ всѣмъ офицерамъ и чиновникамъ. Интеллигентная молодежь вездѣ отражаетъ въ себѣ, въ преувеличенномъ видѣ, мысли и направленія образованнаго общества, котораго нельзя же разобщить съ простымъ народомъ. Вмѣсто того, чтобъ задерживать естественный порывъ молодыхъ силъ къ дѣятельности,—ими, напротивъ, надо воспользоваться въ интересахъ общества и государства и направить ихъ туда, гдѣ онѣ всего нужнѣе.

Безкорыстная, самоотверженная, идейная любовь молодежи къ народу нашла бы наилучшій себѣ исходъ въ служеніи на пользу грубыхъ и темныхъ массъ, заѣденныхъ нищетой, невѣжествомъ и дурнымъ управленіемъ,—въ должностяхъ народныхъ учителей, низшихъ полицейскихъ служителей, письмоводителей, становыхъ, исправниковъ, мировыхъ судей и съѣздовъ, земскихъ управъ, въ званіи фельдшеровъ и т. п. Такая мысль покажется инымъ безумной, пожалуй даже злонамѣренной и преступной; но мы глубоко убѣждены, что будь она осуществлена ранѣе, не было бы многихъ несчастій, которыя мы пережили, много сохранилось бы молодыхъ силъ, потраченныхъ и погибшихъ даромъ, безплодно, и броженіе, найдя естественный выходъ, не приняло бы остраго характера, который надѣлалъ столько зла. Не зная народа, склада его ума и воззрѣній, мы, со словъ генерала Фадѣева и ему подобныхъ, воображаемъ, что наши земледѣльческія крестьянскія массы—волнующееся море западно-европейскихъ рабочихъ и пролетаріевъ, что стоитъ бросить въ нихъ искру, чтобъ произвести всеобщій пожаръ; а на повѣрку оказывается, что и европейскіе фабричные рабочіе и пролетаріи совсѣмъ не такой легко-воспламеняющійся матеріалъ, какимъ намъ его изображали писатели скарятинскаго образа мыслей; наши же сельскія массы и подавно далеко не такъ политически подвижны, какъ многимъ думается. Еслибъ нашей интеллигентной молодежи были настежь открыты двери въ низшія должности, имѣющія не-

посредственное отношеніе къ крестьянству, изъ этого не вышло бы ничего, кромѣ хорошаго, отраднаго и желаннаго. Фразеры, болтуны, рисующіеся либерализмомъ, скоро бы соскучились въ средѣ, гдѣ фразами и словами ничего не подѣлаешь и гдѣ жадныхъ слушателей, апплодирующихъ либеральнымъ воззрѣніямъ, не существуетъ. Простой народъ въ деревняхъ фразами не подымешь. Ему, въ его низменной долѣ, нужны дѣла, услуги, факты: имъ только онъ повѣритъ, но и то не вдругъ, а годами. Дѣльная, умная, трудолюбивая молодежь, увлекающаяся либерализмомъ, скоро увидѣла бы и поняла жизнь какова она есть, и найдя себѣ полезное дѣло, занялась бы имъ съ увлеченіемъ и великою пользою для крестьянъ и для службы, въ средѣ, гдѣ теперь царятъ мракъ, невѣжество и вопіющія злоупотребленія. Въ этой средѣ, способной отрезвить хоть кого, изъ порядочной молодежи, послѣ двухъ-трехъ-лѣтней службы, выработались бы превосходные общественные и государственные дѣятели, отлично знающіе крестьянскій людъ, и, что всего важнѣе, съ сложившимся, окрѣпшимъ въ трудѣ характеромъ. Съ такими людьми можно провести какую угодно полезную реформу, устроить какое угодно правильное управленіе. Теперь такихъ полезныхъ дѣятелей было бы уже много между нами. Очистивъ темныя дебри сельскаго и низшаго чиновничества, они бы пригодились и въ провинціальной, и центральной службѣ.

На простую мысль—обновить у насъ низшій служебный персоналъ молодыми образованными силами, у насъ теперь начинаютъ указывать съ разныхъ сторонъ. Земства желаютъ пониженія имущественнаго ценза и возраста для вступленія въ земскую службу и введенія ценза образованія, между прочимъ съ тою цѣлью, чтобъ привлечь въ провинцію молодыя образованныя силы и дать имъ возможность тамъ, на мѣстѣ, подготовиться къ земской дѣятельности. Возникаетъ и другая, весьма плодотворная, мысль поднять должность волостного писаря и соединить съ нею приличное содержаніе, для того, чтобъ образованные молодые люди съ этой должности начинали свою службу и не могли занять никакого мѣста по министерству внутреннихъ дѣлъ иначе, какъ прослуживъ нѣсколько лѣтъ волостными писарями. Рано или поздно, въ той или другой формѣ, мы должны, наконецъ, придти къ убѣжденію,

что образованныя молодыя силы могутъ съ пользою начать служить государству и странѣ не прежде, какъ хорошо ознакомившись на мѣстахъ, практически, съ бытомъ, привычками и воззрѣніями народной массы. Этимъ путемъ достигнутся, въ одно и то же время, двѣ полезныя цѣли: гнетъ безобразнѣйшаго и хищническаго приказнаго сельскаго люда, тяготѣющій теперь на народныхъ массахъ, будетъ существенно облегченъ; мракъ, царящій въ нихъ, понемногу начнетъ рѣдѣть подъ вліяніемъ справедливости и человѣческихъ понятій, которыя образованная молодежь внесетъ въ свои отношенія къ народу; а въ то же время въ составъ земства и въ государственную службу на всѣхъ ея ступеняхъ внесутся свѣжіе элементы, теоретически образованные и вмѣстѣ практически знакомые съ народнымъ бытомъ и народными потребностями, чего намъ такъ недостаетъ во всѣхъ слояхъ нашего общества. Образованіе, рано или поздно, должно пробраться и проникнуть въ народныя массы и коренно преобразовать ихъ бытъ и нравы; лучше же, чтобъ оно проникало этимъ, нормальнымъ путемъ, видимымъ для всѣхъ, чѣмъ потайными боковыми источниками, которые текутъ во мракѣ, незамѣтно ни для кого, и разражаются внезапностями, часто опаснаго характера, которыхъ невозможно предвидѣть и отстранить во-время. До сихъ поръ мы старались вносить въ массы образованіе чрезъ усиленіе вліянія и власти зажиточныхъ, владѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ слоевъ общества, и ничего этимъ не достигли, только усложнили и запутали наше внутреннее положеніе. Остается избрать другой путь, который мы до сихъ поръ упорно отвергали, какъ вредный и опасный. Онъ на дѣлѣ окажется наилучшимъ и принесетъ благіе плоды.

VII.

Какъ бы ни были сами по себѣ полезны и благотворны мѣры, предлагаемыя для устройства и поднятія у насъ крестьянскаго быта, онѣ, смѣло можно сказать, не приведутъ ни къ чему, пока наши крестьяне будутъ оставаться на той степени умственнаго, нравственнаго и гражданскаго развитія и культуры, на какой теперь находятся. Мы говоримъ преимущественно о великорусскихъ крестьянахъ, съ которыми ближе знакомы. Они составляютъ огромное большинство въ русскомъ государствѣ и потому естественно занимаютъ самое видное мѣсто во всѣхъ разсужденіяхъ и заботахъ объ устройствѣ сельскаго населенія имперіи. Теперешнее культурное состояніе нашихъ крестьянъ составляетъ самую существенную, самую непобѣдимую помѣху не только для улучшенія ихъ быта, но и вообще для всего нашего развитія. Объ нее, какъ о подводный камень, разбиваются въ прахъ всѣ самыя энергическія усилія, откуда бы они ни шли, къ улучшенію нашего внутренняго положенія. О чемъ бы мы ни заговорили—о самоуправленіи, гражданскихъ и политическихъ правахъ, о сельскомъ хозяйствѣ, о водвореніи у насъ добрыхъ нравовъ, о промышленности, торговлѣ, судѣ, полиціи—вездѣ и во всемъ мы лицомъ къ лицу встрѣчаемся съ невѣжествомъ крестьянъ, ихъ неразвитостью, отсутствіемъ въ нихъ азбучныхъ культурныхъ понятій и привычекъ. Они представляютъ то упорнѣйшее, непобѣдимое препятствіе, передъ которымъ всякая сила въ концѣ-концовъ ослабѣваетъ, въ сознаніи своей несостоятельности и ничтожества. Народное образованіе,—вотъ къ чему, въ послѣднемъ выводѣ, сводится теперь все. Его успѣхами будутъ отнынѣ измѣряться всѣ наши успѣхи. Безъ образованія народныхъ массъ мы не можемъ ступить шагу, и всякія улучшенія будутъ мнимыми, кажущимися, а не настоящими, прочными, дѣйствительными.

Къ несчастію, именно по этому предмету существуетъ въ нашихъ образованныхъ слояхъ самое рѣзкое разномысліе, самыя странныя и поразительныя недоразумѣнія. Ни въ чемъ разбродъ

мыслей не выражается съ такою яркостью и выпуклостью, какъ во взглядахъ на народное образованіе. Мы вообще бѣдны интеллигенціей и культурными силами; а разноголосица по важнѣйшей изъ всѣхъ нашихъ современныхъ задачъ парализуетъ дѣятельность и тѣхъ немногихъ, какія есть на лицо, и борьба съ народнымъ невѣжествомъ, предразсудками, дурными привычками и безобразными понятіями и нравами по необходимости отлагается; а время, между тѣмъ, уходитъ, увеличивая трудности для будущихъ поколѣній. Несмотря на то, что вопросъ о народномъ образованіи поднятъ и обсуждается у насъ уже давно, мы не только не успѣли согласиться въ мѣрахъ и способахъ, какъ вести это дѣло, но не могли даже столковаться о томъ,— нужно ли народу образованіе или нѣтъ, полезно оно ему, или вредно, и споръ объ этомъ грозитъ сдѣлаться нескончаемымъ.

Многіе отрицаютъ необходимость народнаго образованія,— странно сказать, во имя національнаго величія и доблестей русскаго народа! Патріоты этого пошиба разсуждаютъ такъ: русскій народъ основалъ обширное и могущественное государство, выказалъ великія военныя и гражданскія добродѣтели и политическій смыслъ въ битвахъ, въ эпохи внутреннихъ настроеній и смутъ; онъ съумѣлъ сохранить и поддержать государственную власть неприкосновенной въ годины самыхъ тяжкихъ испытаній. Какое же ему еще нужно воспитаніе и образованіе, когда онъ всею своей жизнью и исторіей доказалъ, что воспитанъ и образованъ болѣе, чѣмъ многіе другіе народы, считающіеся образованными?

Ошибочность такого взгляда бросается въ глаза. Поборники его останавливаются на однихъ крупныхъ событіяхъ и эпохахъ русской исторіи, когда національная и политическая живучесть русскаго народа, подвергнутая испытанію великими народными бѣдствіями, выразилась съ особенной силой, соединяютъ эти событія и эпохи въ дѣйствительно знаменательную и поразительную картину и по ней составляютъ себѣ понятіе объ образованіи и культурѣ русскаго народа. Но національное сознаніе, національный духъ не имѣютъ съ ними ничего общаго. Живучесть, чувство самосохраненія присущи великимъ историческимъ народамъ, пока они живутъ на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія, и въ эпоху дикости,

и въ эпохи высокаго просвѣщенія. Культура не касается этой стороны народной жизни, а выражается въ ежедневномъ будничномъ, общественномъ и домашнемъ бытѣ народа.

И дикіе, и образованные народы могутъ быть и не быть одушевлены національнымъ чувствомъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что ненормальныя, болѣзненныя явленія въ ежедневномъ, домашнемъ бытѣ народа, съ которыми онъ не умѣетъ справиться по недостатку культуры, часто отражаются, въ концѣ-концовъ, и на внѣшней политической его жизни.

Такъ-называемые славянофилы занимаютъ въ вопросѣ о народномъ образованіи своеобразное положеніе, послѣдовательно вытекающее изъ ихъ основныхъ воззрѣній. Такъ какъ взглядъ ихъ чрезвычайно распространенъ и раздѣляется значительнѣйшимъ большинствомъ русскаго общества, въ томъ числѣ множествомъ лицъ, не принадлежащихъ къ славянофильскому лагерю, то необходимо разсмотрѣть этотъ взглядъ подробнѣе.

Славянофилы не отрицаютъ необходимости народнаго образованія. Напротивъ, они относятся къ нему весьма сочувственно, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ оно строго сообразовалось съ направленіемъ, которое они, съ своей точки зрѣнія, считаютъ единственно полезнымъ и благотворнымъ для русскаго народа. А ихъ точка зрѣнія опредѣляется слѣдующимъ образомъ: всѣ качества и добродѣтели въ высшей степени соединены въ русскомъ народѣ, какимъ его воспитала и выработала древняя, до-петровская Россія. Простой русскій народъ, незараженный европейскими вліяніями, представляетъ по преимуществу типъ человѣка. Въ основаніи всѣхъ его духовныхъ и нравственныхъ качествъ лежитъ глубокая религіозность, внѣдренная въ него православіемъ. Такъ-называемое образованіе, которое приходитъ къ нему изъ городовъ и отъ культурныхъ слоевъ русскаго общества, пропитано европейскими вліяніями, сосредоточено, какъ и въ Европѣ, на улучшеніяхъ внѣшняго быта, но чуждо нравственныхъ и религіозныхъ началъ, и потому, вмѣсто истиннаго образованія, несетъ съ собою только внѣшнее благообразіе и внутреннее духовное растлѣніе. Благодаря ему, въ деревняхъ добрые старые нравы и обычаи падаютъ; вмѣсто единенія, христіанскаго смиренія, любви и довѣрія, между людьми

водворяются раздоръ, злоба, неправда и обманъ, развращеніе нравовъ, ослабленіе семейныхъ связей. Такое мнимое образованіе приноситъ рускому народу не пользу, а вредъ, и усиливать, распространять его, значитъ ускорять и обострять процессъ разложенія здоровой нормальной русской жизни и русскаго національнаго быта. Истинное, желательное у насъ образованіе народа должно заключаться въ утвержденіи его въ ученіи православной церкви, въ послушаніи ея постановленіямъ, въ соблюденіи, во всей чистотѣ, добрыхъ старыхъ нравовъ и народныхъ преданій.

Вся эта аргументація, съ ея предпосылками, выводами и заключеніями, кажется намъ ошибочной, и вотъ по какимъ соображеніямъ.

Славянофильскій взглядъ предполагаетъ, какъ доказанное и несомнѣнное, что извѣстныя умственныя и нравственныя качества народа, его религіозныя вѣрованія и воззрѣнія, его бытъ, нравы, обычаи и привычки должны неизмѣнно оставаться одни и тѣ же, что ихъ ослабленіе и измѣненіе есть признакъ упадка народной жизни и народнаго духа. Мы никакъ не можемъ съ этимъ согласиться. Изученіе исторіи доказываетъ, что вѣрованія, воззрѣнія, бытъ и нравы народа, въ любое данное время, представляютъ результатъ различныхъ эпохъ культуры, пережитыхъ народомъ, слѣдовательно, не суть прирожденные, не явились вдругъ, сразу, а создавались постепенно, измѣнялись и переходили черезъ разные фазисы или эпохи развитія. Отсюда слѣдуетъ, что ослабленіе и упадокъ вѣрованій и формъ народнаго быта еще не доказываетъ упадка народной нравственности или религіозности; это служитъ только вѣрнымъ признакомъ, что послѣдняя фаза или эпоха развитія народа приходитъ къ концу и нарождается другая, потребность которой всегда является сначала въ видѣ равнодушія къ существующему, и болѣе или менѣе рѣзкаго сознательнаго его отрицанія. Вотъ почему невозможно смѣшивать природныя народныя качества и свойства съ установившимися обычаями, воззрѣніями и вѣрованіями и принимать послѣднія за первыя. Народныя качества и свойства выражаются въ разныя эпохи развитія въ разныхъ формахъ, свойственныхъ данному времени и обстоятельствамъ, часто бываютъ скрыты и какъ-бы вовсе не существуютъ, а потомъ, при благопріятныхъ

условіяхъ, выступаютъ съ большею рельефностью; также и наоборотъ: извѣстныя черты народнаго характера, ярко выдававшіяся сначала, впослѣдствіи совсѣмъ изчезаютъ. Только у долго существовавшаго и дѣйствовавшаго народа, при пристальномъ изученіи его въ разныя эпохи его исторіи, удается подмѣтить нѣкоторыя особенности и характеристическія свойства, которыя красной ниткой проходятъ чрезъ всю его жизнь и могутъ быть признаны за отличительныя черты его національнаго характера. Смѣшивать ихъ съ добродѣтелями и пороками, свойственными той или другой эпохѣ, значило бы заранѣе сдѣлать невозможнымъ правильный выводъ о характерѣ и свойствахъ народа и о значеніи переходовъ и колебаній, которымъ бытъ его и вѣрованія подвергаются въ продолженіе его исторіи.

Славянофилы объясняютъ всѣ совершенства русскаго народа воспитаніемъ его въ до-петровской Россіи въ духѣ православія и потому требуютъ, чтобъ въ томъ же духѣ образованіе народа продолжалось и теперь. Такое требованіе, хотя бы оно и было справедливо и вѣрно по отношенію къ православному населенію, не можетъ сдѣлаться программой народнаго образованія для цѣлаго государства, считающаго раскольниковъ, сектантовъ и иновѣрцевъ десятками милліоновъ. Чѣмъ же замѣнить ее для нихъ? Религіознымъ направленіемъ народнаго образованія въ духѣ той вѣры, какую каждый исповѣдуетъ? Но программа славянофиловъ систематически враждебна такому отвѣту на вопросъ, ибо она признаетъ только православіе религіозной истиной и только его считаетъ способнымъ вести людей къ совершенству. Или исключеніемъ религіи и вѣроученія изъ программы образованія тѣхъ, которые не исповѣдуютъ православія? Но это было бы столько же противно доктринѣ, ставящей вѣроученіе во главу угла народнаго воспитанія и образованія. Такимъ образомъ, взглядъ славянофильской школы не разрѣшаетъ весьма важнаго вопроса: въ какомъ направленіи должно быть ведено образованіе неправославныхъ подданныхъ русскаго государства. Съ этой неполнотой еще можно было бы помириться, еслибъ самая программа славянофиловъ, признающая православіе за единую истину и строящая на этой истинѣ всю систему народнаго образованія, не порождала въ крайнихъ ея ревнителяхъ и поборникахъ со-

вершенно естественнаго стремленія водворить истину православія и между неправославными подданными. Разъ великоруссъ признанъ идеаломъ истиннаго христіанина и человѣка, стремленіе обратить всѣхъ не только въ православныхъ, но и въ великороссовъ рождалось само собой, и И. С. Аксаковъ весьма послѣдовательно отрицалъ у малорусскаго нарѣчія право на существованіе въ видѣ литературнаго языка.

Пойдемъ далѣе. Славянофилы потому признаютъ православіе основаніемъ народнаго воспитанія и образованія, что оно самымъ совершеннымъ образомъ выражаетъ смыслъ и духъ Христова ученія; въ послѣднемъ же заключается послѣднее слово всякой истины. Но христіанство, какъ сама жизнь, неисчерпаемо. Оно имѣетъ безчисленное множество сторонъ. Одному болѣе доступна догматическая истина Христова ученія, и въ ней онъ по преимуществу сосредоточивается; другому, напротивъ, практическая,— дѣло любви, милосердіе и личное нравственное совершенствованіе; одному ближе къ сердцу созерцательная жизнь, удаленіе отъ соблазна, отреченіе отъ міра и его страстей, умерщвленіе плоти; другой, напротивъ, видитъ верхъ христіанскаго совершенства въ борьбѣ и побѣдѣ надъ своими грѣховными влеченіями и зломъ, въ мірѣ, посреди его соблазновъ. Который же изъ этихъ различныхъ способовъ воспріятія истины христіанской болѣе отвѣчаетъ духу и смыслу Христова ученія? Который долженъ быть признанъ ближайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ совершенству въ духѣ христіанства? Даетъ ли въ этомъ отношеніи православіе какія-либо положительныя указанія? На послѣдній вопросъ мы должны отвѣчать отрицательно. Въ исторіи православной церкви мы находимъ всѣ эти направленія или рядомъ, или же съ преобладаніемъ, въ тотъ или другой періодъ, то одного, то другого. Въ исторіи русской церкви замѣчаемъ также различныя пониманія православія. Наша церковь была православной съ самаго начала; такою же остается она и теперь. Но православіе понималось, напримѣръ, въ XVI и XVII вѣкѣ такъ различно, что изъ этого возникъ расколъ, раздѣлившій вѣрующихъ на два враждебные лагеря, и то, что̀ считалось православнымъ до XVII вѣка, впослѣдствіи отвергнуто какъ лжеученіе. Раскольники, оставшіеся вѣрными старинѣ, считаютъ православными только

себя, а насъ—нѣтъ. Такимъ образомъ, слово „православіе“ не довольно точно и опредѣлительно выражаетъ народно-образовательную программу славянофиловъ. Оно обнимаетъ правовѣріе догматическое и практическое, созерцательное, монашеское и дѣятельное, свѣтское, мірское, русское до XVII вѣка и начиная съ XVII вѣка. Напрасно стали бы намъ возражать, что правовѣріе одно и обнимаетъ всѣ указанныя направленія. Исторія нашей церкви доказываетъ, что различныя направленія такъ между собою могутъ расходиться, что доводятъ до вражды и преслѣдованій. Но допустивъ, что православіе обнимаетъ всѣ эти направленія, мы стоимъ на томъ, что необходимо—точно указать, которое именно изъ нихъ должно быть преимущественно примѣняемо въ воспитаніи и образованіи народа, а именно на это мы и не находимъ указаній въ программѣ славянофиловъ.

Въ письмѣ къ покойному Ѳ. М. Достоевскому [1]) мы изложили наши мысли о различныхъ сторонахъ христіанства и восиріятіи его людьми. Каждый народъ, какъ и каждый человѣкъ, усвоиваетъ себѣ изъ него то, къ чему наиболѣе расположенъ и подготовленъ, и притомъ настолько, насколько можетъ и способенъ принять по степени своего развитія. Вотъ почему христіанство весьма различно воспринимается различными народами и отчего одинъ и тотъ же народъ, въ разныя эпохи своего развитія съ большею или меньшею вѣрою, горячностью и увлеченіемъ, относится къ тому или другому изъ его безчисленныхъ направленій и оттѣнковъ. На эту чрезвычайно важную сторону вопроса славянофилы не обратили вниманія. Но подразумѣваемый отвѣтъ на вопросъ, неразрѣшаемый ихъ программою, опредѣляется всею совокупностью и духомъ славянофильскаго ученія. Ихъ идеалъ совершенства есть старинный русскій человѣкъ допетровскаго періода; народное воспитаніе должно сохранить этотъ типъ у насъ на всегдашнія времена; слѣдовательно, и православіе должно ему внушаться въ томъ направленіи, смыслѣ и духѣ, въ какомъ его восприняли, поняли и усвоили себѣ наши предки до Петра Великаго. Но оставляя въ сторонѣ, что наши прадѣды различно понимали православіе въ XVI и XVII вѣкѣ, замѣтимъ,

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1880, ноябрь, стр. 431 и слѣд.

что вообще такая постановка еще болѣе съуживаетъ народно-образовательную програму славянофиловъ: мы можемъ, оставаясь православными, чувствовать сердечную потребность и настоятельную необходимость развить въ себѣ ту сторону христіанскаго ученія, на которую, по обстоятельствамъ и степени развитія, до сихъ поръ меньше обращали вниманія, и наоборотъ, сдѣлаться менѣе чувствительными и воспріимчивыми къ той, которая до сихъ поръ исключительно нами владѣла, занимала нашъ умъ и наполняла наше сердце. Программа, которая потребуетъ отъ народа, чтобъ онъ во вѣки вѣковъ оставался таковъ, каковъ былъ во времена оны, при другихъ обстоятельствахъ и условіяхъ,—не разрѣшитъ вопроса о народномъ воспитаніи и образованіи; она только помѣшаетъ его правильному развитію. Славянофильскія воззрѣнія, очевидно, вовлечены въ ошибку правильностью, цѣльностью и законченностью нашей культуры въ московскій періодъ. Все въ ней слито и слажено въ цѣломъ и подробностяхъ; одни и тѣ же начала, сверху до низу, опредѣляютъ бытъ. Глядя на такое зданіе, выстроенное по одному плану и отдѣланное до мелочей въ одномъ стилѣ, невольно увлекаешься архитектоническою его стороною, особливо, когда время, старина скрадываетъ коренные недостатки плана и шероховатости деталей. Думается, что людямъ жилось хорошо въ этомъ зданіи, сооруженномъ многими поколѣніями въ теченіе вѣковъ. Невольно приходишь къ мысли, что было бы лучше, еслибъ его поддерживали, исправляли, ремонтировали искусной рукой; вмѣсто того, пришелъ Петръ, разрушилъ зданіе, всколебалъ мирную и правильную жизнь, набросалъ проектъ какого-то новаго зданія въ самыхъ общихъ чертахъ, смыслъ которыхъ понималъ только онъ самъ и горсть его сотрудниковъ, и умеръ, оставя послѣ себя хаосъ, въ которомъ мы до сихъ поръ не можемъ разобраться. Бытъ народный, глубоко потрясенный внезапностью и насиліемъ, былъ надорванъ; мысль народная, выбитая изъ колеи, мечется изъ стороны въ сторону и до сихъ поръ не можетъ придти въ себя и успокоиться. Увлеченіе готовымъ, установившимся, законченнымъ по сравненію съ нарождающимся, еще нескладнымъ, рѣзкимъ, на добрую половину только отрицательнымъ, сулящимъ много впереди и мало дающимъ въ настоящемъ, было и долго

еще будетъ камнемъ преткновенія для мыслящихъ людей, историковъ, романтиковъ, поэтовъ и археологовъ. Самъ Гёте не уберегся отъ идеализированія священной Римской имперіи съ ея чинами, сословіями, гильдіями и цехами, разрушенной французской революціей и наполеоновскими войнами. Нѣмецкая романтическая школа возвела въ идеалъ средневѣковой бытъ, о которомъ мы теперь хорошо знаемъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Въ такую же ошибку впалъ въ свое время и «божественный» Платонъ, и римскіе республиканцы временъ имперіи. Ошибка заключается въ томъ, что историческое, археологическое, художественное созерцаніе отворачивается отъ требованій практической жизни, не знаетъ ихъ. Вглядѣвшись пристально въ дѣйствительную жизнь, схваченную и уложенную въ превосходно отдѣланныя рамки, вслушавшись въ ея неудовлетворенныя требованія, громко выраженныя современниками, защитники старины и преданій поняли бы, что привело рамки къ упадку и разрушенію; они замѣтили бы также, что старина и преданіе, до своего разрушенія, были уже сильно поколеблены въ народныхъ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ и привязанностяхъ. Но созерцаніе, романтизмъ не любятъ живой дѣйствительности. Они охотно уходятъ въ отвлеченности, изукрашаютъ ихъ отъ себя цвѣтами воображенія, и эти прикрасы принимаютъ за бывшую когда-то дѣйствительную жизнь, о которой воздыхаютъ. Хороша или дурна была степень культуры древней Великороссіи, вполнѣ вызрѣвшей и опредѣлившейся въ своихъ формахъ въ московскій періодъ—вопросъ праздный, ни къ чему не ведущій. Она была подготовлена предшествующими событіями, условіями и обстоятельствами и глубоко вошла въ нашу жизнь, такъ что и до сихъ поръ, въ теченіе двухъ-сотъ лѣтъ и не смотря на реформу Петра, мы далеко еще отъ нея не освободились. Славянофилы совершенно правы, утверждая, что великорусское крестьянство сохранило въ чистотѣ и неприкосновенности преданія обычаи и нравы добраго стараго времени, именно степени культуры, разрушенной Петромъ. Какая же ея существенная, характерная черта? Та самая, которая и до сихъ поръ характеризуетъ нашего крестьянина и нашъ деревенскій бытъ. Крестьянинъ прежде и больше всего безусловный послѣдователь и приверженецъ обряда, обычая, за-

веденнаго порядка, преданія. Вся его дѣятельность, воззрѣнія, привязанности и предубѣжденія опредѣлены уже впередъ, и въ нихъ онъ движется, въ нихъ укладываетъ всю свою жизнь, не внося отъ себя лично ничего, не стараясь видоизмѣнить окружающее своей изобрѣтательностью или усиліями своего личнаго ума, своей личной воли. Его вѣра состоитъ въ исполненіи церковнаго устава; его бракъ устроенъ не имъ самимъ, а помимо него, родительскою властью. Весь его домашній и хозяйственный обиходъ предопредѣлены тѣмъ, какъ ихъ завели и устроили отцы и дѣды; но и они тоже не выдумали ихъ отъ себя, а приняли готовыми отъ своихъ предковъ. Крестьянинъ радуется или горюетъ, жалуется на свою судьбу или благодаритъ за неё Бога, но принимаетъ и доброе, и худое, не допуская мысли, что первое можно привлечь, съ послѣднимъ можно бороться и побѣдить. Все въ его жизни дано, предопредѣлено, предуставлено. Бытъ его мѣняется, съ перемѣной обстоятельствъ и обстановки; но эти перемѣны не плодъ его личнаго почина, а являются въ его глазахъ результатомъ дѣятельности той же судьбы и тайныхъ невидимыхъ силъ, которыя управляютъ его жизнью. Полное отсутствіе самодѣятельности, полное и всецѣлое, безграничное подчиненіе тому, что приходитъ извнѣ, — вотъ основный принципъ всего міровоззрѣнія крестьянина. Имъ опредѣляется вся его жизнь. Протестъ противъ обстановки, когда она приходится не въ моготу, выражается или бѣгствомъ, или внезапнымъ, дикимъ порывомъ разрушенія. Иначе и не можетъ поступать человѣкъ, котораго воззрѣнія по принципу исключаютъ творческую, зиждительную дѣятельность людей какъ начало, источникъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ, какъ орудіе противъ золъ и напастей. Теперь, конечно, замѣчаются нѣкоторыя отступленія отъ такого міросозерцанія, и если мы, здѣсь и тамъ, видимъ признаки нарожденія другого, признающаго участіе человѣка въ созданіи собственной судьбы, то это пока только лишь одни проблески, намеки. Много пройдетъ времени, пока слабые зачатки перевоспитанія народной массы окрѣпнутъ и пустятъ корни.

Славянофилы не обращаютъ вниманія на эту основную, господствующую, характерную черту народнаго міросозерцанія, и усматривая въ глубокомъ фатализмѣ и пассивности христіанское сми-

ренномудріе и покорность волѣ Провидѣнія, не понимають ни характера и значенія Петровской реформы, ни того, что происходить въ наше время. Тамъ, гдѣ человѣкъ самъ по себѣ ничего не значитъ, гдѣ онъ вполнѣ, исключительно зависитъ отъ внѣшнихъ фактовъ и обстановки, которые представляются велѣніями судьбы и невидимыхъ, добрыхъ или враждебныхъ силъ, тамъ преобразованія и не могли начинаться съ перемѣны взглядовъ, убѣжденій, какъ въ другихъ странахъ, а могли заключаться только въ перемѣнѣ обстановки и условій жизни. Реформа Петра по необходимости могла выдти только внѣшнею. И долго послѣ, грубый, внѣшній фактъ имѣлъ въ нашихъ глазахъ больше авторитета, чѣмъ мысль, убѣжденіе. Далеко-ли мы ушли теперь? Предпочитаемъ-ли мы и теперь силу мысли, убѣжденія, нравственной духовной стороны внушительности внѣшняго факта и внѣшнихъ обязательныхъ мѣръ? Къ сожалѣнію, у насъ и до сихъ поръ слишкомъ еще мало довѣрія къ могуществу мысли и побужденіямъ нравственнаго характера.

Послѣ всего сказаннаго мы можемъ, не боясь, вызвать какія-либо недоразумѣнія, утверждать, что воспитаніе и образованіе народа въ направленіи и духѣ до-петровской Россіи было бы не только не полезно, но положительно вредно. У насъ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, оно призвано перевоспитать народныя массы, ослабить въ нихъ страдательное отношеніе къ окружающей дѣйствительности, внушить довѣріе къ силѣ мысли и знанія, вызвать самодѣятельность и подорвать въ мнѣніи народа, невѣжество, грубость и предразсудки.

Кромѣ славянофильскихъ взглядовъ на народное образованіе у насъ есть и другіе, хотя далеко не такъ распространенные. Скажемъ и о нихъ нѣсколько словъ.

Въ послѣднее время, съ поднятіемъ народнаго духа, съ развитіемъ народнаго самосознанія, выросла и широко распространилась въ нашихъ образованныхъ слояхъ привязанность и любовь къ русскому простому народу, помимо всякихъ школьныхъ доктринъ, воззрѣній и теорій. Это явленіе громадной важности, служащее живымъ опроверженіемъ славянофильскихъ теорій о несовмѣстимости нашего образованія на европейскій ладъ съ любовью къ русскому народу, показываетъ, что образованность и

культура перестают у нас быть экзотическим растенiем, переходят въ нашу плоть и кровь. Но многіе послѣдователи этого плодотворнаго и весьма симпатичнаго строя мыслей, существующаго у насъ въ разныхъ оттѣнкахъ, впадаютъ, какъ мы думаемъ, въ ошибку, очень понятную, естественную и извинительную, но на которую, въ интересѣ дѣла, нельзя не указать. Глубоко сочувственное отношеніе къ печальной долѣ крестьянина и сильно развитое національное чувство скрадываютъ въ ихъ глазахъ темныя стороны нашего крестьянства и тѣмъ ослабляютъ и притупляютъ критическое къ нему отношеніе. Зная и понимая, отчего крестьянинъ таковъ, какимъ мы его видимъ, люди этого направленія, особливо молодежь, склонны изъ-за смягчающихъ и оправдывающихъ обстоятельствъ видѣть однѣ хорошія и сочувственныя его стороны. Эта своего рода идеализація ведетъ тоже, хотя и безсознательно, и съ другой точки зрѣнія, чѣмъ у славянофиловъ, къ перецѣнкѣ качествъ и свойствъ русскаго простого народа. Отсюда — какое-то равнодушное отношеніе къ дѣлу народнаго образованія. Это — не враждебность къ нему или къ тому, или другому его направленію, а увѣренность, что воспитывать намъ народъ въ томъ или въ другомъ направленіи вовсе не нужно. Народъ хорошъ каковъ онъ есть; ему только недостаетъ грамотности, да техническихъ знаній; ихъ-то и надо ему дать и больше ничего не нужно. Такимъ образомъ, люди отличнаго направленія, сами того не замѣчая, въ вопросахъ народнаго образованія подаютъ руку злѣйшимъ его врагамъ. Одно это уже обнаруживаетъ ихъ ошибку. Мало дать нашему народу средства для образованія и для матеріальнаго улучшенія его быта; народъ нашъ долженъ быть кореннымъ образомъ перевоспитанъ для правильной личной и гражданской жизни. Безъ этого онъ не въ состояніи будетъ воспользоваться и данными ему въ руки средствами для устройства своего матеріальнаго положенія.

Наконецъ, не мало у насъ людей, сознательно не желающихъ никакого образованія для народа. Они могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы. Одни находятъ въ невѣжествѣ массъ прямой свой разсчетъ, полагая, что чѣмъ онѣ неразвитѣй, тѣмъ легче и удобнѣе извлекать изъ нихъ пользу и выгоду. Эти люди очевидно не знаютъ или забываютъ, что если грубаго невѣжествен-

наго простолюдина и можно дешевле нанять и содержать, заставить за стаканъ вина лишнее сработать, то онъ и хуже работаетъ, и меньше сдѣлаетъ, и больше испортитъ, и меньше на него можно положиться, чѣмъ на образованнаго и порядочнаго рабочаго. Другіе убѣждены, что въ интересахъ государственной власти и общественнаго порядка лучше держать народныя массы въ невѣжествѣ и закоснѣлости. Съ неразвитыми массами, думаютъ они, легче управиться, чѣмъ съ понимающими и разсуждающими людьми. Если-молъ народное образованіе есть необходимое зло, то надо допускать его какъ можно въ меньшихъ размѣрахъ. Выучка, дрессировка—вотъ что нужно простому народу, по мнѣнію этихъ людей, а никакъ не ученіе, не образованіе, всего менѣе развитіе; послѣднее положительно вредно и опасно. Черни нужно только умѣть читать, писать, считать, да выучиться техническимъ знаніямъ съ практическимъ примѣненіемъ къ тому или другому мастерству. Такія и подобныя имъ разсужденія обыкновенно опираются на опытъ Западной Европы. Но именно опытъ Европы и нашъ собственный какъ разъ доказываютъ противное. Образованныя и развитыя народныя массы гораздо труднѣе поддаются всякому нелѣпому и безсмысленному слуху или возбужденію, чѣмъ невѣжественная, темная и грубая чернь, которая вѣритъ всякому слуху и волнуется безъ всякаго разумнаго повода. Наши доморощенные враги народнаго образованія во имя государственныхъ и политическихъ интересовъ, вдобавокъ, смѣшиваютъ земледѣльческія деревенскія массы съ городскими и фабричными работниками и примѣняютъ къ первымъ то, что нѣкогда о послѣднихъ говорилось, но теперь уже давно не говорится и въ Европѣ. Европейцы хорошо знаютъ по опыту, что и низшіе слои городского населенія, въ которыхъ образованіе естественно развиваетъ вкусы образованной жизни и наводитъ на сравненія жалкаго быта бѣдныхъ съ бытомъ зажиточныхъ классовъ,—что и эти слои городскихъ жителей, при образованіи, гораздо трезвѣе и спокойнѣе обсуждаютъ свое положеніе, чѣмъ грубые и невѣжественные пролетаріи, воображающіе, что можно насиліемъ и бунтомъ добиться всякаго благополучія и довольства. Послѣ этого, о необходимости и пользѣ образованія земледѣльческаго сельскаго на-

селенія и говорить нечего. Объ этомъ нѣтъ и не можетъ быть спора. Будь наши народныя, почти исключительно земледѣльческія массы образованнѣе и просвѣщеннѣе, ихъ, конечно, было бы гораздо труднѣе волновать слухами о какихъ-то золотыхъ царскихъ грамотахъ и указахъ, приглашающихъ грабить евреевъ, или о наборѣ дѣвокъ для отсылки къ царской дочери въ бѣлую Арапію.

При такой разноголосицѣ сужденій о народномъ образованіи, весьма важно было бы знать мнѣніе, взглядъ самихъ крестьянъ. Но съ этой стороны до сихъ поръ нельзя добиться никакихъ, сколько-нибудь опредѣлительныхъ указаній. У насъ много говорится о единствѣ, цѣнности народной жизни, народныхъ воззрѣній; но даже у великорусскихъ крестьянъ оно больше этнографическое, чѣмъ сознательное, духовное. Между ними, какъ и въ образованныхъ слояхъ, сколько головъ, столько и умовъ. Старые обычаи глубоко потрясены; въ народныхъ массахъ совершается переходъ къ другому порядку жизни и воззрѣній. Каковы они будутъ —нельзя еще предвидѣть; ясно и несомнѣнно то, что прежній строй вѣрованій, понятій и привычекъ ветшаетъ и разрушается. Индивидуализмъ, прежде пассивно, безъ всякой реакціи, подчинявшійся внѣшнимъ условіямъ и обстановкѣ жизни, начинаетъ мало-по-малу, медленно и робко, заявлять о своемъ существованіи. Теперь, на первыхъ порахъ, эти нетвердые еще шаги крестьянства на пути къ созданію новой гражданственности и новаго міросозерцанія выражаются пока, какъ сказано, отрицательнымъ образомъ, въ ослабленіи и упадкѣ старыхъ обычаевъ и нравовъ, въ постепенномъ распаденіи стараго строя жизни, въ перемѣнѣ привычекъ ежедневнаго быта и въ большой порчѣ нравовъ, всегда появляющейся тамъ, гдѣ унаслѣдованныя вѣрованія, теряя свой авторитетъ, свою обязательность, еще не замѣнились другими, равносильными убѣжденіями. Вотъ почему нельзя теперь и требовать отъ нашего простого народа какого-нибудь опредѣленнаго взгляда на народное образованіе. Крестьяне еще не успѣли подняться въ своихъ понятіяхъ выше самаго первобытнаго, грубаго, непосредственнаго утилитаризма и не могутъ составить себѣ сколько-нибудь яснаго понятія не только о томъ, какого рода образованіе имъ нужно, но даже о томъ, нужно

ли оно вообще или нѣтъ, полезно или вредно. Замѣтки и отзывы о сужденіяхъ народа по этому предмету такъ разнообразны и противорѣчивы, что по нимъ нельзя придти къ какому-нибудь общему заключенію. Одни говорятъ, что народъ любитъ ученіе и желаетъ имѣть школы; другіе увѣряютъ, что онъ къ нимъ равнодушенъ, считая ихъ безполезными; по отзывамъ однихъ, народъ желаетъ въ школахъ прежде всего религіознаго наставленія, чтенія церковныхъ книгъ и обученія молитвамъ и церковно-славянской грамотѣ; послушать другихъ, народъ требуетъ отъ школы одной грамотности, обученія чтенію и письму; третьи говорятъ, что народъ соединяетъ съ школой понятіе объ обученіи полеводству или ремесламъ, и безъ нихъ считаетъ школу совсѣмъ не нужной; одни, со словъ крестьянъ, передаютъ, что школа безъ строгихъ наказаній не школа, а баловство; другіе, тоже со словъ народа, требуютъ отъ учителя ласковаго, кроткаго, любовнаго отношенія къ учащимся и говорятъ, что строгость, хотя бы и справедливая, отпугиваетъ не однихъ дѣтей, но и ихъ родителей отъ школы. Всѣ эти отзывы вполнѣ вѣрны; мы сами не разъ слыхали ихъ отъ крестьянъ. Это доказываетъ, что и въ крестьянствѣ тотъ же хаосъ мнѣній и взглядовъ на народное образованіе, какой замѣчается и въ образованныхъ слояхъ. Чтожъ удивительнаго, что оно у насъ идетъ крайне плохо; что народныя школы больше существуютъ на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ; что тѣ, которыя существуютъ, за немногими исключеніями, находятся въ очень печальномъ положеніи; что преподающіе, въ большинствѣ, по своимъ познаніямъ и нравственнымъ качествамъ, не удовлетворяютъ и скромнымъ требованіямъ; что народное образованіе далеко не приноситъ тѣхъ плодовъ, которыхъ общество и государство отъ нихъ ожидаютъ.

VIII.

Нашъ очеркъ различныхъ существующихъ у насъ взглядовъ на образованіе простого народа несомнѣнно показываетъ, что важнѣйшій теперь изъ всѣхъ русскихъ вопросовъ есть вмѣстѣ и самый трудный для разрѣшенія, ибо мы не только не знаемъ хорошенько задачъ и цѣлей русскаго народнаго образованія, но даже не вполнѣ еще убѣждены въ его необходимости; а между тѣмъ все указываетъ на то, что, по нашимъ особеннымъ обстоятельствамъ и условіямъ, оно должно получить въ жизни и развитіи русскаго народа чрезвычайно важное и рѣшительное значеніе, что оно призвано завершить преобразованіе, начатое Петромъ Великимъ.

Вездѣ, гдѣ есть преданіе, обычай, вѣрованія, выработанные сознательною работою поколѣній и отвѣчающіе духовнымъ и нравственнымъ потребностямъ людей, дѣло народнаго образованія сводится къ относительно простой и легкой задачѣ — ознакомить подростающія поколѣнія съ тѣмъ, что̀ общество уже имѣетъ, утвердить въ ихъ сердцахъ и привычкахъ и осмыслить въ ихъ умѣ тѣ основанія, на которыхъ оно стоитъ и которыми держится. У насъ народное образованіе имѣетъ совсѣмъ другія задачи. Оно должно преобразовать людей, а черезъ нихъ и самую жизнь, создать, т.-е. привести къ сознанію и призвать къ жизни то, что̀ безсознательно лежитъ въ глубинѣ народнаго духа, но не играетъ еще никакой роли въ устроеніи быта и людскихъ отношеній. Народное образованіе призвано у насъ пересоздать народныя привычки, понятія, вѣрованія,—все, что̀ въ народѣ выросло на почвѣ безличности, безправія и невѣжества, что̀ сложилось подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ и условій, коренно измѣнившихся и отошедшихъ въ область исторіи. Точно такая же роль выпала у насъ и на долю государства. Что̀ оно призвано было дѣлать во внѣшней обстановкѣ и условіяхъ народной жизни, то народное образованіе должно совершить въ вѣрованіяхъ, понятіяхъ, умственныхъ и нравственныхъ привычкахъ людей. Такъ смотрѣли у насъ испоконъ вѣка лучшіе рус-

скіе люди на задачи и цѣли государства и народнаго образованія, и далеко еще впереди то время, когда преобразовательная роль того и другого прекратится. Теперь, пока, ни государство, ни школа не могутъ отъ нея отказаться, безъ существеннаго вреда для русскаго народа. Измѣняться могутъ и должны, вмѣстѣ съ успѣхами нашего національнаго самосознанія, начала, основанія, идеалы, во имя которыхъ совершается преобразованіе; но оно должно, для блага народа, идти дѣятельно, безъ остановокъ, впередъ, пока не исполнитъ своего историческаго назначенія. Смѣшеніе потребности преобразованія съ ея задачами и цѣлями было одною изъ главныхъ причинъ злосчастныхъ задержекъ въ нашемъ національномъ развитіи, имѣвшихъ самыя печальныя послѣдствія. Изъ того, что идеалы, во имя которыхъ совершалось преобразованіе, отжили свой вѣкъ, вывели заключеніе, что и преобразовательная роль государства и школы пришла къ концу. Пробужденіе народнаго самосознанія, ростъ и развитіе народной жизни истолкованы были въ смыслѣ возвращенія къ старымъ, отжившимъ и вывѣтрившимся ея формамъ. Ихъ стали поддерживать и возстановлять и тѣмъ задерживать, тормазить естественный и необходимый ходъ національной жизни, національнаго развитія. Въ этой роковой ошибкѣ ключъ всѣхъ нашихъ неудачъ и несчастій въ минувшія два царствованія. Необходимость реформы, остановившейся на полудорогѣ въ высшихъ, образованныхъ сферахъ, съ особенною силою и настоятельностью чувствуется въ народномъ бытѣ, народныхъ привычкахъ, понятіяхъ и вѣрованіяхъ, которыхъ она еще не коснулась. Государство должно, для блага страны и народа, кореннымъ образомъ измѣнить условія крестьянскаго быта; образованіе должно точно такимъ же кореннымъ образомъ перевоспитать народъ, создать въ немъ другія понятія, другое міровоззрѣніе, вызвать къ дѣятельности и жизни индивидуальныя, умственныя и нравственныя его силы, которыя начинаютъ просыпаться, но, за недостаткомъ воздуха и свѣта, бродятъ на угадъ, въ темнотѣ и бездѣйствіи. Напрасно думаемъ мы отдѣлаться отъ задачи, которая намъ предстоитъ, школами грамотности, чтеніемъ житій святыхъ и обученіемъ по часослову; напрасно надѣемся обойти Вія съ опущенными рѣсницами, преподнесеніемъ ему техническаго обуче-

нія, на которое тоже скупимся не по разуму. Всего этого мало; онъ начинаетъ задавать себѣ вопросы, на которые нѣтъ отвѣта въ священныхъ исторіяхъ, катехизисахъ и молитвенникахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они ему преподаются, и бѣжитъ искать ихъ у раскольниковъ и сектантовъ. Размноженіе и разнообразіе сектъ, которыя выростаютъ какъ грибы, показываютъ, чего ищетъ народъ, и какъ мало удовлетворяетъ его то, что ему даетъ школьное вѣроученіе; а возростающее параллельно съ тѣмъ, въ большихъ размѣрахъ, растлѣніе нравовъ въ простомъ народѣ, отсутствіе руководящихъ нравственныхъ началъ, падкость къ наслажденіямъ, быстрой наживѣ и тунеядству, поддерживаемыя невозможными экономическими, юридическими и административными условіями народнаго быта, ясно показываютъ, что прежняя обстановка и употребительные доселѣ пріемы воспитанія и обученія крестьянъ отжили свой вѣкъ, не удовлетворяютъ болѣе своему значенію.

Мы заранѣе знаемъ, что такой нашъ взглядъ на дѣло народнаго образованія будетъ очень многими встрѣченъ съ величайшимъ неодобреніемъ и недовѣріемъ. Въ отвѣтъ мы можемъ только сказать слѣдующее: до сихъ поръ послѣдовательно и безпощадно проводились взгляды, которыхъ мы не раздѣляемъ. Какой же былъ результатъ такихъ усилій? Улучшилось ли отъ нихъ наше положеніе? Нѣтъ, они оказались безсильными въ борьбѣ со зломъ, которое ростетъ изъ года въ годъ. Очевидно, противъ него необходимо принять совсѣмъ другія мѣры, пока еще есть время.

Прежде всего, приготовимся къ огромнымъ затратамъ на народную школу, на которую до сихъ поръ удѣляли скудныя крохи, расходуя нашъ скромный бюджетъ народнаго просвѣщенія почти исключительно на среднее и высшее образованіе. Запущенная народная школа потребуетъ большихъ жертвъ и не единовременныхъ, а ежегодныхъ, которыя будутъ рости и увеличиваться многіе и многіе годы, пока народныя массы придутъ въ состояніе принять часть этихъ издержекъ на себя и разовьются настолько, что будутъ это дѣлать охотно.

Разстанемся, далѣе, однимъ разъ навсегда съ злосчастною и пагубною мыслью, будто народная школа должна и можетъ слу-

жить какимъ бы то ни было другимъ цѣлямъ, кромѣ умственнаго и нравственнаго развитія людей и гражданъ и сообщенія имъ необходимыхъ и полезныхъ въ жизни знаній. Школа, какъ церковь, судъ, наука, должна стоять въ сторонѣ отъ борьбы политическихъ или общественныхъ партій и интересовъ. Перенесеніе арены этой борьбы въ школу, вовлеченіе жизни, школы и ученія въ безпрестанно измѣняющіяся условія и шансы этой борьбы убиваютъ народное воспитаніе и образованіе въ самомъ зародышѣ. Всѣ партіи, всѣ интересы, всѣ направленія должны въ этомъ сойтись, подать другъ другу руку и вымежевать школу, какъ общее самое дорогое достояніе всѣхъ и каждаго, котораго никто не долженъ касаться. Пока этотъ основный принципъ не укоренится во всеобщемъ сознаніи, мы не будемъ въ состояніи справиться съ вопросомъ о народномъ воспитаніи и образованіи. Народная школа не можетъ и не должна ставить себѣ задачею отъучить тотъ или другой народъ отъ родного его языка, выучить той или другой вѣрѣ и отклонить отъ своей, внушить тотъ или другой политическій образъ мыслей, или помѣшать развитію ума и замѣнить его внѣшней дрессировкой человѣка, выучкой его тому или другому практическому дѣлу. Народное образованіе представляетъ, по своимъ задачамъ, двѣ стороны, которыя необходимо различать. Оно заключается въ сообщеніи необходимыхъ и полезныхъ въ жизни знаній и въ развитіи ума, сердца и воли. Достиженіе первой цѣли составляетъ задачу школъ грамотности и такъ называемыхъ профессіональныхъ, а второй— среднихъ и высшихъ классовъ народныхъ школъ или училищъ. Предметъ школъ грамотности—обученіе чтенію, письму и первымъ правиламъ ариѳметики. Въ мнѣніи огромнаго большинства все народное образованіе должно этимъ и ограничиваться, съ прибавленіемъ начатковъ вѣроученія, о которомъ скажемъ ниже. Обученіе чтенію, письму и начальнымъ правиламъ ариѳметики должно доставить невѣжественной, безграмотной массѣ самыя простыя умственныя средства, улучшить свой бытъ и свое положеніе; но и эта азбука народнаго обученія находится у насъ въ плачевнѣйшемъ состояніи: она до сихъ поръ еще не пользуется полными правами гражданства, существуетъ какъ-бы изъ милости, терпима—не болѣе. Въ бюджетахъ земствъ она даже не попала

въ отдѣлъ обязателвныхъ расходовъ и въ росписи расходовъ министерствъ выражается самыми миверными цифрами. Неудивительно, что между всѣми народами, причисляющими себя къ образованнымъ, мы блистаемъ безграмотностью. Мы бы еще поняли, еслибъ министерство народнаго просвѣщенія (1866—80 г.), относясь прежде недовѣрчиво и даже отрицательно къ умственному и нравственному развитію крестьянства, взамѣнъ того дало полный ходъ и просторъ грамотности, необходимость которой признаютъ даже злѣйшіе враги народнаго образованія. Но оно не захотѣло сдѣлать даже этого простого различенія и подчинило самое обученіе грамотѣ такимъ стѣснительнымъ условіямъ, при которыхъ даже существованіе и размноженіе школъ грамотности сдѣлалось крайне затруднительнымъ. На право обучать чтенію, письму и четыремъ правиламъ ариѳметики нужно свидѣтельство; школы грамотности подчинены мелочной инспекціи. Благодаря этому, онѣ съужены, стѣснены, едва прозябаютъ. Вмѣсто того, чтобъ размножаться, число ихъ во многихъ мѣстностяхъ уменьшается. И это въ то время, когда сами крестьяне начинаютъ понимать ихъ пользу!

Обученіе грамотѣ не можетъ долѣе оставаться въ такомъ положеніи. Оно должно быть совершенно освобождено отъ связывающихъ его теперь путъ и предоставлено бевконтрольно всѣмъ и каждому. Пока школы грамотности не окрѣпнутъ и не будутъ въ состояніи обходиться безъ посторонней помощи и поддержки, правительство должно взять это дѣло въ свои руки, систематически распространять ихъ всюду и вмѣнить ихъ распространеніе въ непремѣнную обязанность городскимъ обществамъ и земствамъ, а между тѣмъ исподоволь подготовлять средства для введенія со временемъ обязательнаго обученія грамотѣ. Обязательность его сдѣлается возможной лишь тогда, когда безграмотность станетъ исключеніемъ изъ общаго правила.

Какъ ни простъ, самъ по себѣ, вопросъ объ обученіи крестьянъ чтенію, письму и первымъ правиламъ счисленія, но дѣло это такъ пренебрежено и запущено и ведено такъ неправильно, что потребуется, кромѣ большихъ издержекъ, не мало усилій, труда и времени, чтобъ поставить его на ноги. Вызвать снова частную иниціативу послѣ репрессивныхъ мѣръ, съ которыми

она такъ долго боролась и передъ которыми должна была, наконецъ, поникнуть, будетъ уже теперь гораздо труднѣе. Стѣсняемая всячески естественнымъ своимъ защитникомъ и поощрителемъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія, грамотность нашла себѣ убѣжище и пріютъ въ военномъ вѣдомствѣ, которое вынуждено было, въ виду неотложной практической потребности въ грамотныхъ солдатахъ, принять на свое попеченіе и заботу то, что̀ должно было дѣлать министерство народнаго просвѣщенія, и чего оно систематически не дѣлало. По какой-то ироніи судьбы, примѣровъ которой у насъ не мало, оба министерства перемѣнились ролями: обязанности одного приняло на себя другое, и расходы государства на школы грамотности попали въ бюджетъ военнаго министерства.

Къ трудностямъ, вызваннымъ ошибками и неправильнымъ взглядомъ, присоединяются у насъ въ этомъ дѣлѣ и препятствія, которыхъ не знаетъ остальная Европа. Таковы: рѣдкость и разбросанность населенія, иногда нѣсколькими дворами, при огромности территоріи и неустроенности путей сообщенія; суровость нашего климата; невозможность прохода къ школѣ отъ непогодъ, снѣжныхъ заносовъ и вьюгъ въ теченіе почти восьми мѣсяцевъ, когда только и возможно ученье. Наша печать и педагогическая литература давно придумываютъ мѣры, какъ устранить эти препятствія. Ихъ труды и усилія, едва обращавшіе на себя вниманіе, когда грамотность народа считалась ненужной и даже опасной, представляютъ обильный и весьма полезный матеріалъ для проведенія въ практикѣ обученія крестьянъ грамотѣ.

Профессіональныя крестьянскія школы должны сообщить крестьянамъ необходимыя техническія свѣдѣнія и практически обучить правильнымъ пріемамъ по различнымъ производствамъ и ремесламъ, существующимъ въ крестьянскомъ населеніи и составляющимъ предметъ ихъ занятій и заработковъ.

Профессіональное обученіе—предметъ спеціальный, техническій, о которомъ могутъ съ пользою подавать голосъ только знатоки дѣла, изучившіе его въ подробности; самое обсужденіе его выходитъ изъ рамокъ журнальной статьи. Мы позволимъ себѣ высказать, по поводу профессіональнаго обученія крестьянъ, только нѣсколько мыслей и соображеній, касающихся не самой

сути дѣла, а лишь общей постановки его въ крестьянской средѣ.

Во всей не-черноземной полосѣ Россіи почти нѣтъ мѣстности, гдѣ бы крестьяне, рядомъ съ земледѣліемъ, не занимались какимъ-нибудь ремесломъ или производствомъ. Одними они промышляютъ на сторонѣ, другими у себя дома. Нерѣдко цѣлыя деревни живутъ и промышляютъ на мѣстахъ однимъ производствомъ, которое въ такомъ случаѣ называется кустарнымъ промысломъ, и въ послѣднее время сдѣлалось предметомъ подробнаго изученія и изслѣдованія.

Этотъ видъ народнаго труда, чрезвычайно разнообразный, оставался до нашего времени въ совершенномъ пренебреженіи, какъ вообще все крестьянское. Онъ глохнетъ и угасаетъ не только отъ бѣдности крестьянъ, недостатка капиталовъ и кредита, конкурренціи городскихъ, заводскихъ и фабричныхъ промысловъ и производствъ, поддержанныхъ сильными денежными капиталами и банками, но и отъ недостатка техническихъ знаній, незнакомства съ усовершенствованными пріемами и способами производства и требованіями рынка, которыя измѣняются, и чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще и быстрѣе. Помочь этому недостатку могутъ только профессіональныя школы; но ихъ у насъ для услугъ крестьянъ нѣтъ. Крестьянинъ лишь случайно можетъ попасть въ городъ и поучиться тамъ тому, что ему нужно для его ремесла или промысла: большинству крестьянъ городскія школы недоступны, или не подъ силу, по ихъ малообразованности. Но кромѣ того, есть и другое, весьма важное обстоятельство, которое дѣлаетъ городскія, фабричныя и ремесленныя школы для крестьянъ не совсѣмъ пригодными: городъ, фабрика, заводъ работаютъ обыкновенно, по бо́льшей части, на городскихъ потребителей и образованные классы, а сельскіе ремесленники и производители — на крестьянское населеніе. Но потребности, вкусы и требованія тѣхъ и другихъ такъ расходятся, что превосходный городской ремесленникъ можетъ никуда не годиться и остаться безъ работы въ деревнѣ, и наоборотъ, деревенскій мастеръ изъ мастеровъ—быть поставленъ ниже плохого подмастерья въ городѣ. Стоитъ вспомнить шубниковъ, портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, иконописцевъ, ткачей, кузнецовъ, слесарей и

т. п., въ городѣ и деревнѣ, чтобъ признать справедливость этого замѣчанія. Вотъ, почему профессіональное обученіе крестьянъ, въ городѣ или въ деревнѣ, городскими, фабричными или заводскими мастерами не можетъ у насъ привиться, по крайней мѣрѣ привьется не скоро. Помочь теперешнему, крайне печальному положенію крестьянскихъ производствъ, ремеслъ и техническихъ промысловъ, кромѣ другихъ средствъ, о которыхъ здѣсь говорить не мѣсто, могутъ лишь профессіональныя школы, устроенныя на мѣстахъ, посреди крестьянскаго населенія, и притомъ школы самыя незатѣйливыя, приспособленныя къ низкой степени образованія крестьянъ и къ существующимъ уже у нихъ производствамъ. Онѣ отнюдь не должны обучать чему-либо совсѣмъ новому, не существующему между крестьянами и имъ неизвѣстному, а лишь помочь имъ дѣлать лучше, дешевле то, чѣмъ они уже сами занимаются и къ чему привыкли. Главная ихъ задача должна быть чисто практическая; теоретическое ученіе должно служить въ нихъ только необходимымъ подспорьемъ практическому умѣнью и сообщать лишь то, безъ чего послѣднее не можетъ быть улучшено или упрочено. Разъ, знаніе будетъ пропущено въ невѣжественную и темную среду крестьянскихъ рутинистовъ въ видѣ только практически полезнаго и пригоднаго, оно будетъ принято охотно, пуститъ корни и легко акклиматизируется въ сельскомъ населеніи: тогда оно само за нимъ пойдетъ и будетъ его искать и требовать. Вся трудность — кромѣ матеріальной стороны дѣла—въ приготовленіи учителей. Въ нихъ не только желательно, но совершенно необходимо сліяніе знанія и городского, и сельскаго или деревенскаго промысла; безъ этого дѣло не пойдетъ въ деревняхъ. Самое лучшее было бы, еслибъ, съ одной стороны, званіе учителя и мастера-хозяина, а съ другой—ученика и работника сливались въ одномъ лицѣ. Для этого слѣдовало бы устроить нѣчто въ родѣ профессіональныхъ семинарій въ городахъ, которые лежатъ посреди или по близости крестьянскаго населенія, занимающагося какимъ-нибудь производствомъ или ремесломъ, и привлекать въ нихъ сыновей мастеровъ и молодыхъ рабочихъ на годъ, на два. Возвратившись въ свои семьи, они сдѣлались бы разсадниками улучшеннаго производства и техническихъ знаній въ деревняхъ и селахъ. Гораздо

труднѣе было бы распространить ихъ посредствомъ настоящихъ школъ, съ учителями не изъ туземцевъ, а откуда попало, приготовленныхъ въ городскихъ профессіональныхъ семинаріяхъ. Учитель, не связанный интересами съ мѣстностью, незнакомый подробно съ заведенною рутиною производства или ремесла, ни съ потребностями обычнаго рынка, не будетъ имѣть никакого вліянія, развѣ природа надѣлила его чрезвычайнымъ талантомъ и умѣньемъ приживаться къ людямъ; а такіе, какъ извѣстно, большая рѣдкость. Кромѣ того, мы думаемъ, что для профессіональнаго преподаванія въ правильно устроенныхъ школахъ по деревнямъ время еще не наступило. Наши крестьяне до него не доросли; а можетъ быть, эта форма обученія не свойственна вообще русскому простому человѣку, въ особенности крестьянину. Такъ, или иначе, но отъ такого способа профессіональнаго преподаванія мы теперь пока не ожидаемъ никакой пользы въ крестьянской средѣ.

Если обученіе крестьянъ грамотѣ и сообщеніе имъ практически полезныхъ знаній у насъ едва, можно сказать, начинаются и представляютъ столько серьёзныхъ трудностей, то что сказать о ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи, которое составляетъ главную задачу народнаго образованія? Оно у насъ даже не въ зародышѣ, самая мысль о немъ еще въ далекомъ, туманномъ будущемъ; въ настоящемъ, помыслы о немъ считаются иллюзіями, опасными для спокойствія и будущности государства, или фантазіями пустоголовыхъ болтуновъ. Всѣ усилія къ тому направлены, чтобъ понятія и вѣрованія крестьянъ оставались вѣрными завѣту отцовъ и дѣдовъ, развѣ признано будетъ нужнымъ, по соображеніямъ политическимъ, претворить ихъ изъ иновѣрцевъ въ православныхъ, изъ инородцевъ въ русскихъ. Но для достиженія той и другой цѣли именно умственное и нравственное развитія крайне неудобны. Въ нихъ уже скрывается зародышъ умственной и нравственной самостоятельности и свободы, отъ котораго недалеко до сомнѣній, разбора, критики, а тамъ и до стремленія проводить въ дѣйствительной жизни, на практикѣ, тѣ или другія понятія и убѣжденія, несогласныя съ обстановкой и данными условіями жизни. Стало быть—такъ разсуждаетъ у насъ большинство,—гораздо лучше и благонадежнѣе не разви-

вать, а только обучать практически необходимому и полезному. Умственныя и нравственныя потребности, особливо простого народа, насколько онѣ безопасны для общества и государства, могутъ быть съ избыткомъ удовлетворены предписаніями и наставленіями церкви и примѣрами изъ жизни святыхъ угодниковъ. Знаніе молитвъ, краткаго катехизиса, сокращенной священной исторіи ветхаго и новаго завѣта и пониманіе литургіи и церковной службы дадутъ простолюдину все, что ему нужно для удовлетворенія его запросовъ по высшимъ тайнамъ бытія и міра и для нравственнаго руководства въ дѣлахъ житейскихъ. Всякія излишнія умствованія, развивая критическія способности ума, безъ соотвѣтствующаго увеличенія запаса знаній, которыхъ простому человѣку неоткуда взять, только рождаетъ сомнѣніе и отвлекаетъ въ сторону умственныхъ упражненій, которымъ онъ и будетъ предаваться въ ущербъ практической дѣятельности, полезной, здоровой и необходимой для его ближайшихъ цѣлей...

Вотъ обычный и весьма распространенный у насъ взглядъ на умственное и нравственное развитіе крестьянъ и простыхъ людей. Постараемся опредѣлить, что̀ въ немъ есть правильнаго и что ошибочно и ложно.

Отвлеченныя умозрѣнія, предполагающія и достаточный запасъ знаній, и нѣкоторую опытность въ умственныхъ упражненіяхъ, конечно, совершенно неумѣстны въ народной школѣ. Но, сколько извѣстно, никто еще не предлагалъ у насъ ввести ихъ въ кругъ начальнаго народнаго образованія. Весь вопросъ въ томъ: достаточно-ли для крестьянина одной выучки, или ему нужно умственное и нравственное развитіе? и если ему послѣднее дѣйствительно нужно, то какими средствами и способами всего легче и удобнѣе этого достигнуть? Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній нужно прежде всего условиться въ точномъ смыслѣ словъ. Умственное развитіе состоитъ въ осмысленномъ отношеніи къ предметамъ, въ осмысленномъ усвоеніи того, чему учатъ. Ему противоположно затверживаніе наизусть, на память, безъ яснаго пониманія и усвоенія себѣ того, что заучивается. Нравственное развитіе состоитъ въ усиленіи чувства добра, въ сознательномъ усвоеніи нравственныхъ правилъ, въ привычкѣ имъ слѣдовать, ихъ держаться въ мысляхъ и поступкахъ. Но въ

этомъ смыслѣ кругъ познаній и дѣятельности не имѣетъ никакого отношенія къ степени умственнаго и душевнаго развитія, и смѣшивать ихъ между собою никакъ не слѣдуетъ; а противуположеніе круга познаній и дѣятельности умственному и нравственному развитію, мысль, что первое по своему существу исключаетъ послѣднее, именно основана на такомъ смѣшеніи. Можно знать очень мало, имѣть самый ограниченный кругъ дѣйствій и быть очень развитымъ умственно и нравственно; наоборотъ, можно имѣть обширныя знанія, обширную сферу дѣятельности — и быть крайне поверхностнымъ, безхарактернымъ и развратнымъ. Кругъ знаній, сфера дѣятельности только расширяютъ или съуживаютъ умственную и нравственную опытность: сила и степень сознательности воли и стойкости въ нравственныхъ правилахъ и привычкахъ отъ нихъ не зависятъ и не измѣняются необходимо въ ту или другую сторону, вмѣстѣ съ ихъ измѣненіями. Иной, съ расширеніемъ круга знаній, развиваетъ свой умъ; у другого онъ, напротивъ, теряетъ способность свободно ими распоряжаться. Совершенно то же замѣчается и по отношенію къ нравственной сторонѣ, съ расширеніемъ круга дѣятельности: одинъ при этомъ ростетъ нравственными силами, другой, на болѣе обширной аренѣ, падаетъ. Точно также нѣтъ прямой зависимости и связи между нравственною и умственною развитостью, которыя мы такъ часто смѣшиваемъ. Дѣятельность умственная и душевная, заключающаяся въ желаніяхъ, замыслахъ, намѣреніяхъ и поступкахъ, очень часто находятся въ рѣзкомъ противурѣчіи другъ съ другомъ. Далеко не всегда сильному характеру и нравственному направленію соотвѣтствуетъ развитой умъ; всѣмъ также извѣстно, что есть люди очень развитые умомъ и въ то же время безхарактерные или безнравственные.

Зная и понимая это, надо прежде всего очертить предѣлы народнаго образованія, а не чураться развитія народа. Странно, что такія азбучныя истины, избитыя до тривіальности, у насъ приходится еще обсуждать и доказывать! Безъ развитія, мы получимъ не образованныхъ дѣтей или крестьянъ, а куколъ, манекеновъ, негодныхъ и неспособныхъ ни къ чему толковому, гоголевскихъ Петрушекъ, услаждающихся процессомъ чтенія; пріобрѣ-

таемыя ими ограниченныя свѣдѣнія, безъ развитія, не послужатъ имъ ни къ какому полезному употребленію, и въ скоромъ времени перезабудутся, потому что къ нимъ у неразвитыхъ людей и не лежитъ душа, а пользы и необходимости ихъ они не понимаютъ и потому ими не дорожатъ. У насъ теперь во многихъ мѣстахъ жалуются на безполезность народной школы въ виду множества рецидивистовъ безграмотности, разучившихся всему, чему они учились. А отъ чего это происходитъ? Только отъ того, что начальная школа, по господствующимъ понятіямъ, должна только обучать, а не развивать. Но рецидивы такого рода еще не самая большая бѣда. Бываетъ и хуже. Способный ученикъ пріобрѣтаетъ, благодаря обученію, новыя, до тѣхъ поръ неизвѣстныя ему умственныя средства. Если умъ, сердце и воля его остаются неразвитыми, онъ легко поддается соблазну воспользоваться этими средствами для совершенія разныхъ противузаконныхъ проступковъ, напримѣръ, для поддѣлки или составленія фальшивыхъ актовъ, паспортовъ и проч. Къ чему у насъ грамотность, говорили у насъ еще не такъ давно, ея противники: развѣ для того, чтобъ еще больше расплодить поддѣльщиковъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ и документовъ? И они были правы: выучка безъ развитія легко создаетъ рецидивистовъ невѣжества и усовершенствованныхъ негодяевъ, и только случайно, въ видѣ рѣдкаго исключенія, порядочныхъ и полезныхъ людей.

Съ нравственнымъ образованіемъ у насъ горе своего рода. По господствующему взгляду и принятой системѣ, нравственность воспитывается и укрѣпляется въ народѣ вѣроученіемъ или законоученіемъ, и притомъ, когда оно преподается духовнымъ, а не свѣтскимъ учителемъ. Взглядъ этотъ проводится строго въ народной школѣ. Уроки закона Божія занимаютъ въ обученіи самое видное мѣсто и берутъ много времени; отмѣтки по этому предмету имѣютъ рѣшительное вліяніе на аттестацію; нельзя получить свидѣтельства, дающаго право на сокращенный срокъ обязательной военной службы, если законоучителемъ не было духовное лицо. Какіе результаты принесли такія мѣры? Улучшилась ли народная нравственность? Ни въ школѣ, ни въ жизни она не идетъ впередъ, а падаетъ. Возростающая порча нравовъ во всѣхъ слояхъ русскаго народа и общества составляетъ обыч-

ную, излюбленную тему всѣхъ нашихъ разговоровъ и жалобъ. Это доказываетъ ошибочность принятой у насъ системы нравственнаго воспитанія. Мы обратили нравственность въ предметъ преподаванія; но она не преподается, а *воспитывается* всею обстановкою человѣка. Чтобъ быть нравственнымъ, мало знать, что нравственно и что безнравственно: надо это почувствовать; надо имѣть твердую рѣшимость и навыкъ удаляться отъ зла и творить благо; а такая рѣшимость и такой навыкъ пріобрѣтаются не заучиваньемъ, внушаются не балльными отмѣтками, аттестатами и взысканіями, а живымъ примѣромъ и руководствомъ нравственныхъ людей, горячимъ убѣжденіемъ, проводимымъ въ ежедневной жизни, во всѣхъ поступкахъ. Испорченный человѣкъ, живя въ обстановкѣ, гдѣ правила нравственности не остаются пустыми словами, а дѣйствительно примѣняются, мало-по-малу тоже становится нравственнымъ. Большинство людей впадаетъ въ безнравственность только потому, что потеряли вѣру въ осуществимость нравственныхъ правилъ, видя, какъ кругомъ ихъ всѣ говорятъ о нравственности, исповѣдуютъ ее на словахъ, а на дѣлѣ поступаютъ совсѣмъ иначе и вовсе не сообразуются съ ея началами.

Нравственности и нравственнаго воспитанія въ объясненномъ смыслѣ у насъ почти не существуетъ, или они существуютъ въ видѣ рѣдкаго изъятія. Въ народной школѣ, собственно говоря, на нихъ не обращается никакого вниманія. Отъ преподавателя и законоучителя требуется только извѣстный запасъ знаній, педагогическая сноровка и формальная безукоризненность, особливо по отношенію къ религіозному и политическому образу мыслей. Его характеръ, добропорядочность, любовь къ дѣлу, отношенія къ воспитанникамъ, нравы и привычки въ обыденной жизни совсѣмъ не принимаются въ разсчетъ. Народная школа, съ этой стороны, въ большинствѣ случаевъ ниже посредственности. Она еще можетъ, съ грѣхомъ пополамъ, обучить чему-нибудь, а ужъ никакъ не развить въ воспитанникахъ чувства добра и правды, вѣру въ нравственные принципы, рѣшимость и привычку проводить ихъ въ жизни; а именно эта-то сторона народнаго образованія и чрезвычайно важна, и ничѣмъ не уступаетъ собственно такъ-называемому обученію и развитію умствен-

ныхъ способностей, потому что въ ней-то и заключается по преимуществу преобразовательная роль воспитанія въ Россіи. Народное образованіе должно, рядомъ съ обученіемъ, развить человѣка въ нравственномъ смыслѣ, искоренить или, по крайней мѣрѣ, ослабить въ немъ нравственно-дурныя привычки, загрубѣлость, безсердечіе, которыя онъ выноситъ съ собою изъ ежедневной дѣйствительности, воспитать чувство и сознаніе своей и чужой нравственной личности, взамѣнъ обычнаго взгляда крестьянъ на человѣка какъ на пассивную арену, на которой свободно и безпрепятственно разыгрываются внѣшнія силы и всякія вліянія. Въ современной народной школѣ нѣтъ и намека на такое ея преобразовательное назначеніе. Обстановка ея, въ нравственномъ отношеніи, въ большинствѣ случаевъ ниже всякой критики, и потому нечего удивляться, что крестьяне относятся къ ней безучастно. Народная школа, по нравственнымъ качествамъ преподающихъ, надзирающихъ и попечителей, должна высоко стоять надъ общимъ уровнемъ, а она у насъ зачастую гораздо ниже его. Говорятъ: откуда же взять людей? Ихъ нѣтъ.—Напротивъ, они есть и ихъ довольно; но ихъ надо искать, выбирать; а у насъ выборъ опредѣляется не внутренними, умственными и нравственными качествами, а шаблонными, вдобавокъ изветшавшими формальными наружными примѣтами, которыя всего менѣе могутъ служить мѣркой нравственныхъ и душевныхъ качествъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ основаніе народнаго образованія положены у насъ два ошибочныхъ начала: стремленіе стѣснить умственное развитіе и замѣнить его выучкой, дрессировкой и дать нравственное воспитаніе посредствомъ усиленія законоученія или вѣроученія. Благодаря этимъ двумъ ошибочнымъ мыслямъ, на которыхъ построено обученіе въ народной школѣ, она не пользуется сочувствіемъ и остается безъ всякаго вліянія на народныя массы. Роль ея ограничивается обученіемъ грамотѣ. Пока умственное и нравственное развитіе народа не станетъ единственною задачею народной школы, до тѣхъ поръ значеніе ея будетъ, какъ теперь, почти ничтожно.

Что нравственное развитіе возможно только посредствомъ нравственной обстановки, живыхъ нравственныхъ людей и нравственныхъ фактовъ, объ этомъ уже сказано выше. Разсмотримъ

теперь, какимъ образомъ, посредствомъ какихъ предметовъ, можетъ быть достигнуто умственное развитіе крестьянъ.

У насъ теперь признается, что преподаваніе закона Божія вполнѣ отвѣчаетъ умственнымъ потребностямъ крестьянскаго населенія. Оно, говорятъ, воспитываетъ и укрѣпляетъ религіозное чувство, даетъ доступный простому уму отвѣтъ на высшіе вопросы бытія и человѣческаго существованія, и въ то же время воздерживаетъ отъ безплодныхъ умствованій и сомнѣній.

Мы можемъ принять такой взглядъ лишь съ большими оговорками и дополненіями. Особливо въ томъ видѣ, какъ у насъ законоученіе понимается и преподается, оно одно, по нашему глубокому убѣжденію, не достигаетъ своей цѣли.

Ни вѣра, ни народное образованіе не должны, какъ мы сказали выше, служить средствомъ для достиженія какихъ-либо государственныхъ или общественныхъ цѣлей. Законоученіе должно оставаться религіознымъ назиданіемъ вѣрующихъ, каждаго по тому исповѣданію, къ которому онъ принадлежитъ. Принявъ это за основаніе, нельзя не придти къ заключенію, что вѣроученіе — предметъ весьма неудобный для умственнаго развитія народа. Прежде всего надо помнить, — а мы это слишкомъ часто упускаемъ изъ виду, — что далеко не все сто-милліонное населеніе имперіи исповѣдуетъ христіанскую вѣру, по ученію православной церкви, и что между множествомъ самыхъ разнообразныхъ вѣръ, сектъ, расколовъ и исповѣданій, какія у насъ имѣются, есть и такія, которыя не могутъ служить предметомъ для умственнаго развитія. Затѣмъ, христіанство, направляя къ одной цѣли людей разныхъ націй, культуръ и степени развитія, говоритъ каждому языкомъ ему понятнымъ, обращено къ нему тою своею стороною, которую онъ наиболѣе способенъ принять и усвоить. Еврею христіанство представилось какъ завершеніе іудейскаго закона; греку—какъ послѣднее слово греческой философіи и науки, какъ полнѣйшее ихъ осуществленіе; восточный квіетизмъ и факирство увидѣли и поняли въ немъ отрицаніе тѣла и его вожделѣній, удаленіе отъ міра и созерцаніе божьей истины и правды. Точно также и другія племена и народы усвоили себѣ преимущественно тѣ стороны христіанства, къ которымъ всего больше привлекались своимъ народнымъ характеромъ. Русскому народному ге-

нію, при нашей природной живости и склонности къ реальному и практическому, повидимому, особенно близка и сочувственна дѣятельная сторона христіанства въ общежитіи, заповѣдь христіанской жизни въ общеніи съ другими людьми. Поэтому, одни лишь начала христіанской нравственности, имѣющія всемірный характеръ, одинаково обязательныя для всѣхъ людей, какого бы они ни были племени и исповѣданія, могутъ и должны служить основаніемъ для нравственнаго развитія и образованія народныхъ массъ; собственно же вѣроученіе, догматы, какъ предметъ вѣрованія, а не обсужденія, различно объясняемые въ различныхъ исповѣданіяхъ, не могутъ служить удобной темой для умственнаго развитія простыхъ людей. Для этого нужны предметы болѣе имъ близкіе и болѣе доступные ихъ пониманію.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ христіанскихъ школахъ лучшими уроками нравственности будутъ чтеніе и объясненіе евангелія; въ не-христіанскихъ, мѣсто евангелія заступитъ объясненіе и толкованіе обязанностей человѣка къ ближнему и правилъ честной жизни и поступковъ. Къ этому долженъ еще быть присоединенъ краткій обзоръ гражданскихъ правъ и обязанностей въ обществѣ и государствѣ. Поддержанное нравственною обстановкою школы, безъ которой никакіе уроки нравственности не поведутъ ровно ни къ чему, такое преподаваніе внесетъ свѣтъ въ темный и печальный бытъ крестьянина, исподоволь переродитъ и перевоспитаетъ его къ лучшей жизни. Что касается умственнаго развитія, то оно должно происходить на предметахъ, которые крестьянину полезно и необходимо знать въ его быту. Таковы: отечественная исторія, географія, статистика, естественныя науки, сельское хозяйство, технологія и т. п. Само собою разумѣется, что о систематическомъ изложеніи этихъ предметовъ въ народной школѣ не можетъ быть рѣчи. Преподаваніе ихъ должно замѣниться толковымъ чтеніемъ, веденнымъ такимъ образомъ, чтобъ ученики, переходя отъ легкаго къ трудному, усвоили себѣ наиболѣе полезныя для нихъ свѣдѣнія по всѣмъ названнымъ и близкимъ къ нимъ отраслямъ знанія. Въ каждой мѣстности выборъ предметовъ для чтенія и объясненій будетъ различенъ, смотря по ближайшимъ потребностямъ мѣстнаго населенія. Чтобъ учитель имѣлъ подъ руками обильный и разно-

образный матеріалъ для выбора предметовъ такого толковаго чтенія и могъ вести его по извѣстному, обдуманному плану, надо всячески поощрять составленіе и изданіе сборниковъ статей для чтенія въ народныхъ школахъ, и не ограничивая учителей тѣмъ или другимъ руководствомъ, предоставить имъ выборъ статей и сборниковъ, право сокращать ихъ, вводить въ преподаваніе статьи, не вошедшія въ изданные сборники, словомъ, вести толковыя чтенія по собственному усмотрѣнію. Опытъ, педагогическая литература и критика, народныя потребности, различныя въ разныхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе вліянія различныхъ мѣстныхъ условій и особенностей, создадутъ и выработаютъ разные типы такихъ сборниковъ, установятъ ихъ нормальный составъ и предѣлы школьнаго толковаго чтенія. Всего этого никакъ нельзя заранѣе предугадать и предуставить. Сама жизнь, практика—лучше всего укажутъ что нужно.

Къ числу необходимыхъ предметовъ для нравственнаго и умственнаго развитія крестьянскаго населенія принадлежитъ и пѣніе, въ особенности церковное, различное смотря по вѣрѣ и исповѣданію. Ничто такъ не привлекаетъ къ школѣ простой народъ, ничто такъ не располагаетъ къ ней мѣстнаго крестьянскаго населенія, какъ хорошее, благообразное церковное пѣніе. Эта сторона народнаго образованія и развитія такъ важна, такъ настоятельно необходима, что при невозможности на первый разъ обучать въ народныхъ школахъ пѣнію посредствомъ школьныхъ учителей, надлежало бы привлечь къ этому дѣлу, гдѣ можно, церковнослужителей, воспитанниковъ духовныхъ школъ и семинарій.

Собственно вѣроученіе, т.-е. наставленіе въ религіи, должно составить особый предметъ ученія и ограничиваться необходимѣйшимъ знаніемъ важнѣйшихъ молитвъ и катехизическаго ученія въ связи съ священной исторіей,—для христіанъ, главнымъ образомъ, новаго завѣта. Оно можетъ происходить въ школѣ и внѣ школы, смотря по обстоятельствамъ и удобству. Каждый получаетъ религіозное назиданіе и наставленіе въ той вѣрѣ и томъ исповѣданіи, къ которому принадлежитъ. Наблюденіе за ходомъ и духомъ вѣроученія есть дѣло церкви и духовнаго, а не школьнаго вѣдомства.

Въ такомъ видѣ представляется намъ школьное дѣло, какъ оно должно быть устроено по деревнямъ и селамъ. Школы грамотности и профессіональныя не имѣютъ, по существу дѣла, непосредственной связи съ школами, предназначенными для умственнаго и нравственнаго развитія крестьянъ, и потому, смотря по обстоятельствамъ и удобству, могутъ существовать отдѣльно отъ нихъ, или вмѣстѣ. Тамъ, гдѣ грамотность мало распространена и усилій частныхъ лицъ, сельскихъ обществъ и земствъ, недостаточно для учрежденія ихъ, хотя бы по одной, въ каждомъ поселкѣ, правительство должно придти на помощь мѣстному населенію и основать такія школы отъ себя. Школы для умственнаго и нравственнаго развитія народа, которыя, въ отличіе отъ другихъ, мы назовемъ народными училищами, должны находиться, по крайней мѣрѣ, по одной въ каждой волости. Ихъ слѣдуетъ поставить въ связь съ городскими училищами и прогимназіями, такимъ образомъ, чтобъ окончившіе ученіе въ народныхъ училищахъ могли быть принимаемы въ низшіе или приготовительные классы городскихъ училищъ и прогимназій.

Самое пристальное и заботливое вниманіе должно быть обращено на личную обстановку народныхъ училищъ. По причинамъ, на которыхъ мы не можемъ довольно настаивать, они должны не только учить, но и воспитывать, готовить для жизни людей, развитыхъ умственно и нравственно. Надо, чтобъ вся обстановка школы, все что въ ней дѣлается, дышало нравственнымъ характеромъ. Подъ нравственностью же мы разумѣемъ не безпрекословное, неукоснительное наружное исполненіе предписанныхъ правилъ, не наружную только благопристойность, а добросовѣстное, по внутреннему сознанію, исполненіе каждымъ лежащаго на немъ долга по школѣ, съ участіемъ и справедливостью къ ученикамъ, съ заботливымъ вниманіемъ къ ихъ ученію, успѣхамъ и поступкамъ. Школа должна быть у насъ разсадницею добрыхъ нравовъ, честныхъ и добросовѣстныхъ отношеній между людьми. Ей должны быть одинаково чужды и грубыя наказанія, и равнодушная снисходительность къ нехорошему, недобросовѣстному и нечестному. Нигдѣ, можетъ быть, воспитательное назначеніе школы не чувствуется такъ сильно какъ у насъ; среда, въ которой ей суждено дѣйствовать, особенно въ

этомъ нуждается. По нашимъ особеннымъ обстоятельствамъ, крестьянская школа должна быть прежде всего разсадникомъ добрыхъ нравовъ. До хорошей, во всѣхъ смыслахъ, народной школы мы еще не доросли, и много пройдетъ времени, пока она у насъ будетъ возможна; поэтому надо, на первый разъ, удовлетвориться тѣмъ, что возможно, и требовать отъ нея только самаго необходимаго, а такимъ настоятельно необходимымъ мы считаемъ прежде всего честные и добрые нравы, вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Изъ опыта, который у насъ передъ глазами, мы знаемъ, что при нравственныхъ условіяхъ не одни дѣти, но и взрослые, вообще довольно равнодушные къ дѣлу образованія, получаютъ уваженіе къ школѣ, привязываются въ ней, и она пускаетъ корни въ мѣстномъ населеніи. Кто не знаетъ, что для дѣтей и юношей ученіе и знаніе становятся милы и дороги сперва въ образѣ любимаго преподавателя? А нашъ народъ пока тотъ же ребенокъ, вдобавокъ воспитанный въ крайне печальной обстановкѣ и условіяхъ. На крестьянскихъ дѣтей порядочная нравственная обстановка школы дѣйствуетъ глубоко на всю жизнь. Видя правду на дѣлѣ, они мало-по-малу начинаютъ вѣрить, что люди другого съ ними общественнаго положенія и образованія, на которыхъ они отъ колыбели привыкли смотрѣть съ глубокимъ недовѣріемъ, могутъ искренно желать имъ добра, и—что гораздо важнѣе—сохраняютъ память о годахъ, проведенныхъ въ школѣ, какъ о времени, когда имъ было хорошо и легко на душѣ, когда они встрѣчали любовь и ласку. Память объ этихъ годахъ, выдающихся какъ свѣтлая точка въ ихъ нерадостной жизни до и послѣ школы, будетъ служить имъ поддержкой посреди тяжелыхъ испытаній, съ которыми русскій человѣкъ свыкся до равнодушія и апатіи. Воспитанники такой школы не будутъ рецидивистами безграмотности, потому что она, возбудивъ въ нихъ любовь, довѣріе, а съ ними и интересъ къ мысли и знанію, возбудитъ и охоту къ чтенію. Такіе результаты порядочно поставленной въ нравственномъ смыслѣ школы, повторяемъ, мы сами видѣли и можемъ удостовѣрить, что они—не идиллія, какъ многіе готовы думать, а живой, дѣйствительный фактъ.

Чтобы школа получила такое значеніе, не только нужно, чтобъ учитель соединялъ въ себѣ способности и знаніе съ нрав-

ственными качествами, но надо, чтобъ онъ былъ поставленъ, самостоятельно и могъ устранять всякія посторонніи вредныя вліянія на веденіе преподаванія и нравственное воспитаніе дѣтей. Ни того, ни другого у насъ теперь нѣтъ. Мѣриломъ для выбора учителя служитъ только его аттестатъ; о нравственныхъ качествахъ его мало думаютъ. Ни малѣйшей тѣни самостоятельности онъ не имѣетъ. Учитель въ народной школѣ — послѣдняя спица въ колесницѣ: имъ помыкаетъ и инспекторъ, и попечитель школы, и приходскій священникъ, и волостной старшина, и волостной писарь, и помѣщикъ, и приказчикъ. Нѣтъ маленькаго чиновника менѣе самостоятельнаго, болѣе зависящаго отъ доброй воли и каприза множества лицъ. Если онъ мало-мальски понимаетъ призваніе школы — горе ему; его преслѣдуютъ со всѣхъ сторонъ, пока не выживутъ. Онъ только и можетъ держаться, усердствуя всѣмъ и жертвуя направо и налѣво интересами школы и школьнаго дѣла, въ угоду тѣмъ, отъ кого зависитъ. Причина, почему школьный учитель такъ у насъ поставленъ — та же, почему безотвѣтенъ и беззащитенъ чиновникъ. Выбираютъ людей не по ихъ внутреннимъ достоинствамъ, а по наружнымъ, шаблоннымъ признакамъ. Такъ какъ эти признаки нисколько не обезпечиваютъ правильности выбора, то лица, назначенныя къ должности, не пользуются ни малѣйшимъ довѣріемъ, окружаются со всѣхъ сторонъ надзоромъ, подвергаются на каждомъ шагу мелочному контролю, который, при громадномъ развитіи, какое онъ у насъ имѣетъ, не можетъ быть другой, какъ формальный и бумажный, и отдаются на полное благоусмотрѣніе и произволъ начальства, отъ котораго всегда зависитъ поправить ошибку выбора удаленіемъ отъ мѣста и должности.

Чтобы народная школа достигла своей цѣли, и школьный учитель могъ вести ее какъ надо, необходимо, чтобы выборъ его и удаленіе отъ должности не зависѣли отъ случайностей и единоличнаго усмотрѣнія и произвола. Въ школьномъ учителѣ, кромѣ знанія и педагогическихъ способностей, кромѣ нравственныхъ качествъ и честнаго отношенія къ дѣлу и ученикамъ, необходимы еще способность и умѣнье хорошо поставить себя посреди мѣстнаго населенія, заслужить довѣріе и расположеніе родителей учениковъ, безъ чего немыслимъ успѣшный ходъ школьнаго дѣла.

Поэтому надо, чтобы какъ въ выборѣ, такъ и въ удаленіи школьнаго учителя участвовала не одна учебная дирекція, но сверхъ того и попечитель школы, и мѣстные жители округа или прихода, для которыхъ школа существуетъ. Пока эта существенная гарантія не будетъ дана народной школѣ и народному учителю, до тѣхъ поръ объ успѣхахъ народнаго образованія нечего и думать; будетъ возможна одна лишь выучка и школьная дрессировка.

Чтобъ создать хорошую русскую народную школу, надо создать сословіе или классъ хорошихъ русскихъ народныхъ учителей и учительницъ: ими только она и можетъ держаться. Вотъ почему, рядомъ и наравнѣ съ заботами о размноженіи и устройствѣ школъ, должны идти заботы о размноженіи и хорошей постановкѣ учительскихъ семинарій. Въ нихъ ключъ къ разрѣшенію задачи нашего народнаго образованія. Когда онѣ станутъ подготовлять учителей, какихъ намъ надо, половина дѣла будетъ сдѣлана. Что касается учителей грамотности, то въ нихъ, при доброй волѣ ихъ найти, недостатка не будетъ. Впослѣдствіи ихъ въ изобиліи будутъ поставлять народныя училища. Главная задача—приготовлять учителей для послѣднихъ. Устройство учительскихъ семинарій для народныхъ училищъ, курсовъ этихъ семинарій, методъ преподаванія въ нихъ, способъ комплектованія учениковъ семинарій и т. п., все это вопросы спеціальные, которыхъ мы не можемъ здѣсь касаться. Замѣтимъ только, что требованія умственнаго и нравственнаго развитія, поставленныя выше народной школѣ, относятся въ гораздо большей еще степени къ учительскимъ семинаріямъ. Мелочный формализмъ, придирчивое педантство, подчиненіе знанія и ученія постороннимъ цѣлямъ, замѣна внутренней, нравственной дисциплины внѣшнимъ благоприличіемъ, угодничествомъ, ханжествомъ и лицемѣріемъ должны быть рѣшительно и тщательно изгнаны изъ заведеній, призванныхъ разсылать въ народъ воспитателей и учителей.

Наконецъ, замѣтимъ, что школъ и школьныхъ учителей еще недостаточно, для поддержанія и развитія народнаго образованія. Когда оно будетъ правильно поставлено и пуститъ корни въ простомъ народѣ, въ немъ пробудится, начиная съ бывшихъ учениковъ школы, охота къ чтенію. У насъ въ деревняхъ и селахъ этому много способствуетъ отсутствіе всякихъ развлеченій и про-

пасть свободнаго времени по окончаніи полевыхъ и хозяйственныхъ работъ, особливо поздней осенью и зимой. Чтеніе необходимо и самому учителю, который, не поддерживая и не освѣжая себя имъ, мало-по-малу естественно впадаетъ въ рутину и тупѣетъ. Вотъ почему вездѣ, гдѣ народная школа хорошо поставлена, она должна быть поддержана, подкрѣплена хорошей школьной библіотекой и библіотекой для народнаго чтенія. Потребность въ нихъ уже начинаетъ, здѣсь и тамъ, живо чувствоваться, и ей необходимо удовлетворить устройствомъ библіотекъ разнообразнаго содержанія, приноровленныхъ къ потребностямъ школы, къ степени пониманія к нуждамъ мѣстнаго населенія. Школы и народныя библіотеки будутъ продолжать и развивать дѣло народныхъ училищъ и сослужатъ народному умственному и нравственному образованію неоцѣнимую, по своимъ полезнымъ послѣдствіямъ, службу.

Повторяемъ, давно пора перестать смотрѣть на образованіе и развитіе крестьянъ какъ на мечты утопистовъ, какъ на безполезную, а пожалуй, чего добраго, вредную и опасную забаву филантроповъ отъ нечего дѣлать. Пока мы такъ разсуждаемъ, потребность народа въ свѣтѣ ростетъ, ростетъ быстро, и, не находя себѣ удовлетворенія въ томъ, что мы даемъ такъ неохотно, обращается, на нашихъ глазахъ, къ расколамъ, ересямъ и сектамъ. Церковь, по многимъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто, да и неудобно говорить, тоже бездѣйствуетъ. Вся теперь надежда, все спасеніе въ правильной постановкѣ народной школы. Если для нея ничего не будетъ сдѣлано хорошаго безотлагательно и въ большихъ размѣрахъ, трудно предвидѣть и предсказать къ чему мы придемъ.

IX.

Взглядомъ на задачи народнаго образованія въ Россіи оканчивается все существенное, что мы имѣли сказать о крестьянскомъ вопросѣ.

Въ предъидущемъ изложеніи мы представили, въ общихъ чертахъ, чрезвычайную важность крестьянскаго дѣла въ Россіи, теперешнее его печальное положеніе, и обозначили то направленіе, въ какомъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы дѣйствовать, чтобъ вывести наше крестьянство на путь правильнаго, нормальнаго, здороваго развитія, крайне необходимаго не только для пользы самихъ крестьянъ, но и всего государства, общества и всѣхъ слоевъ и классовъ русскаго народа.

Есть ли надежда, чтобъ крестьянское дѣло заняло въ нашихъ думахъ и заботахъ то первенствующее мѣсто, какое ему безспорно у насъ принадлежитъ,—это другой вопросъ, на который мы, по многимъ причинамъ, затруднились бы отвѣчать утвердительно. Правда, въ послѣднее время, въ правительственныхъ сферахъ замѣтенъ поворотъ къ лучшему во взглядахъ на этотъ предметъ. Во главѣ его не стоитъ, какъ стояло еще недавно, торжествующее легкомысліе, съ ребяческою самоувѣренностью впереди, съ отсутствіемъ чувства нравственной отвѣтственности передъ государствомъ и родиной въ арріергардѣ, съ своекорыстіемъ и недобросовѣстностью по бокамъ. Такъ-называемая либеральная русская печать, газетная и журнальная, потерпѣвшая за свое доброжелательное и просвѣщенное отношеніе къ крестьянскому дѣлу самыя тяжелыя испытанія, продолжаетъ, какъ и прежде, не смотря на оттѣнки мнѣній, дружно отстаивать правильный взглядъ на крестьянскій вопросъ. Но огромное большинство посреди образованныхъ слоевъ русскаго общества, безъ дѣятельнаго участія котораго не можетъ быть проведена, какъ слѣдуетъ, ни одна серьёзная реформа, а особливо такая важная, какъ предстоящая крестьянская — какъ оно относится къ крестьянскому дѣлу? Какъ оно ведетъ его теперь въ лицѣ земскихъ дѣятелей и представителей мѣстной администраціи? Вотъ надъ чѣмъ приходится часто задумываться съ стѣсненнымъ сердцемъ. При не-

достаткѣ строгаго единства въ управленіи, при отсутствіи полной гласности, усиленнаго, сознательнаго и просвѣщеннаго интереса къ дѣламъ общественнымъ, при безмолвіи и безотвѣтности крестьянъ, трудно составить себѣ хотя приблизительное понятіе о дѣйствительномъ положеніи крестьянскаго дѣла на огромномъ пространствѣ обширнаго государства. Случайно прорываются, здѣсь и тамъ, факты самаго противуположнаго свойства и характера; обобщать ихъ, значило бы умышленно впадать въ ошибки и дѣлать пристрастные выводы. Постановленія земскихъ, дворянскихъ и городскихъ собраній, при случайности ихъ личнаго состава, подачи голосовъ, образованія большинства и меньшинства, не могутъ считаться выраженіемъ общественнаго мнѣнія, даже едва ли могутъ разсматриваться какъ вѣрный отголосокъ мнѣній наличныхъ членовъ собраній. Наша общественная жизнь еще не сбросила съ себя завѣтнаго халата и потому не имѣетъ вѣрныхъ показателей; а сужденія, мысли, взгляды, которые удается слышать въ нашей образованной публикѣ, представляютъ невыразимый хаосъ, въ которомъ нѣтъ возможности разобраться. Сколько головъ, столько и умовъ; что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай. Та же разноголосица, смѣшеніе языковъ, которыя замѣчаются у насъ вездѣ и во всемъ, царятъ и по отношенію къ крестьянскому вопросу. Общественное мнѣніе у насъ задыхается подъ взаимными недоразумѣніями, и они-то вяжутъ насъ по рукамъ и ногамъ. Пока они не разъяснятся, пока мнѣнія и взгляды не разберутся по группамъ и оттѣнкамъ, пока не установится хоть какая-нибудь дисциплина въ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ, до тѣхъ поръ о разрѣшеніи не только крестьянскаго, но и вообще какого бы то ни было государственнаго или общественнаго вопроса нечего и думать. Какова мысль, таково будетъ и ея примѣненіе. Только у насъ думаютъ, что можно хорошо выполнить дѣло какими бы то ни было руками: очевидно, что это возможно только при помощи людей добросовѣстныхъ, умѣлыхъ и сочувствующихъ; а гдѣ ихъ набрать сколько нужно, когда у насъ не пріищешь и десятка людей одного взгляда и образа мыслей? Всѣ разрознены и враждуютъ между собою, почти всегда только по недоразумѣнію, а недоразумѣнія происходятъ главнымъ образомъ отъ того,

что у насъ ко всякому взгляду тотчасъ же пришпиливается готовый ярлыкъ, и по такому ярлыку человѣкъ зачисляется въ тотъ или другой лагерь. Вы говорите съ горячимъ сочувствіемъ о печальномъ положеніи крестьянъ—значитъ, вы демократъ; вы высказываете мнѣніе, что міровоззрѣніе нашихъ крестьянъ глубоко фаталистическое, по принципу азіатское—значитъ, вы смотрите на нихъ какъ на «быдло» глазами старыхъ польскихъ пановъ; другими словами, вы аристократъ, народъ для васъ низшая порода; вы признаете необходимымъ дополнить крестьянскіе надѣлы—васъ записываютъ въ лагерь соціалистовъ; вы вѣрите, что русскій народъ имѣетъ свой народный геній и великую историческую будущность—въ васъ усматриваютъ славянофила. Всѣ эти этикетки, исключающія другъ друга, наклеиваются на ваши взгляды, не задумываясь надъ тѣмъ, что они составляютъ одно цѣлое, вытекаютъ изъ одной основной мысли. Пока такія трафареточныя заключенія не уступятъ мѣста серьезнымъ усиліямъ мысли понять другъ друга, до тѣхъ поръ нѣтъ никакой надежды, чтобъ наше теперешнее положеніе улучшилось. И какъ ему улучшиться! Общественная мысль, повитая безчисленными предразсудками, частью унаслѣдованными, частью благопріобрѣтенными, несвободна, не имѣетъ ни энергіи, ни размаха, ни полета. Робко, невѣрными шагами, ощупью двигается она взадъ и впередъ, принимая за свѣточи блуждающіе огоньки, которые представляютъ не образы вещей, а вздохи и стоны, выходящіе изъ земли. Цѣпляясь за первое, что попадется подъ руку, не имѣя твердой точки опоры въ себѣ самой, отдаваясь безъ оглядки то фантастическимъ, неопредѣленнымъ страхамъ, то розовымъ надеждамъ и мечтамъ, она не смотритъ далеко назадъ и впередъ, не задается задачами, разсчитанными на даль будущаго, крохоборствуетъ въ ближайшей непосредственной обстановкѣ; оттого она мелка и узка. Каждое, сколько-нибудь значительное явленіе русской жизни представляется ей неожиданностью, застигаетъ ее въ расплохъ и опрокидываетъ вверхъ дномъ.

Попытаемся, отбросивъ шаблоны, которые насъ путаютъ, объяснить явленія прошедшей и настоящей нашей жизни изъ соображенія ихъ между собою и съ основными условіями нашего существованія.

Центръ тяжести русскаго государства, какъ мы старались показать, лежитъ въ крестьянствѣ. Вездѣ народныя массы числомъ преобладаютъ надъ всѣми прочими слоями населенія: вездѣ послѣдніе относятся къ первымъ, какъ незамѣтное меньшинство. Въ этомъ смыслѣ, Россія не представляетъ ничего особеннаго и повторяетъ лишь фактъ, общій всѣмъ государствамъ и народамъ въ мірѣ. Наша особенность заключается въ соціальномъ положеніи и характерѣ народныхъ массъ, какъ онѣ выработались въ исторіи и ясно опредѣлились въ минувшее царствованіе. У всѣхъ народовъ, успѣвшихъ подняться до организованнаго государственнаго строя, народная жизнь сосредоточилась въ верхнихъ слояхъ, въ меньшинствѣ, которое получило преобладающее значеніе и вліяніе, взяло власть въ свои руки и своимъ развитіемъ, образованностью и богатствомъ стало надолго единственнымъ выразителемъ народной жизни, заслонивъ собою подчиненныя и подвластныя ей народныя массы и сдѣлавшись для нихъ образцомъ и идеаломъ умственнаго развитія и гражданскаго быта. То же или почти то же долгое время было и у насъ. Малочисленное меньшинство высшаго слоя стремилось изстари занять у насъ такое же положеніе, какъ и въ другихъ государствахъ, и въ XVII, въ особенности въ XVIII и началѣ XIX вѣка, отчасти въ этомъ успѣло. Простой народъ былъ заслоненъ образованнымъ, просвѣщеннымъ и богатымъ меньшинствомъ, которое получило надъ нимъ большую власть. Народная жизнь сосредоточилась въ этомъ меньшинствѣ и была имъ представляема. Къ нему перешло исключительно вліяніе на дѣла государственныя и общественныя, въ немъ заключались національное развитіе и образованность. Но этимъ параллель Россіи съ другими государствами и оканчивается. Образованное, вліятельное, богатое меньшинство верхняго слоя народа утратило свое выдающееся положеніе и не оказало почти никакого вліянія на бытъ и нравы народныхъ массъ. Съ 1861 года, власть, принадлежавшая меньшинству надъ простымъ народомъ, упразднена. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ владѣнія этого меньшинства выдѣлена и часть земель, необходимыхъ для обезпеченія осѣдлости и существованія крестьянъ. Съ того времени оно, какъ особый слой народа, начало быстро клониться къ упадку и сходить со сцены. За весь длинный пе-

ріодъ времени господства у насъ высшаго слоя надъ народными массами, въ теченіи слишкомъ двухъ съ половиною столѣтій, передъ нимъ постоянно носились идеалы того положенія, какое господствующее меньшинство занимало въ другихъ странахъ. Роль литовскихъ вельможъ и польскихъ пановъ, шведскихъ и французскихъ аристократовъ и англійскихъ лордовъ, попеременно ласкала ихъ воображеніе и представлялась завѣтною цѣлью ихъ политическихъ и соціальныхъ мечтаній. Напрасно дѣятельность двухъ московскихъ Ивановъ, третьяго и четвертаго, Петра Великаго, и Положенія 19 февраля 1861 года, съ одной стороны, а съ другой, употребленіе, сдѣланное изъ «правъ и вольностей», дарованныхъ дворянству Петромъ III и Екатериною II, совершенно ясно указывали, что въ жизни русскаго государства образованному, вліятельному, богатому меньшинству предстоитъ совсѣмъ другая роль, прибережено совсѣмъ другое мѣсто въ народной жизни, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Эту особую роль, особое призваніе надо было уяснить себѣ, отбросивъ готовые образцы и примѣры. Но у насъ этого упорно не понимали. Многіе не вполнѣ понимаютъ и до сихъ поръ.

Другая, не менѣе характерная особенность въ положеніи нашихъ народныхъ массъ, сравнительно съ тѣмъ, что было въ другихъ государствахъ, заключается въ огромномъ преобладаніи земледѣльческихъ, сельско-хозяйственныхъ промысловъ надъ ремесленными, фабричными и торговыми. Въ Европѣ послѣдніе возникли рано. Средневѣковая неурядица и необезпеченность вынудили ремесленниковъ и торговцевъ выдѣлиться въ особые замкнутые, обособленные отъ остальнаго населенія поселки и корпораціи. Развившись и разбогатѣвъ, они сложились мало-помалу въ особое сословіе съ своими особыми уставами, порядками, образомъ жизни и нравами,—сословіе, занявшее видное мѣсто между другими классами населенія и получившее вліяніе и власть. Съ расширеніемъ круга дѣятельности промышленнаго и торговаго класса за предѣлы государства и, наконецъ, на весь міръ, вліяніе и власть этого класса росли, крѣпли и постепенно поставили его во главѣ народовъ. Строй промышленный, торговый сложился въ особый типъ, который сталъ идеаломъ и прототипомъ всей народной жизни и быта. Фабричная и заводская

промышленность, начавшая работать на всѣ страны свѣта, втянула въ себя массы простого народа и закрѣпила за собою господство надъ значительною частью населенія. Образовался типъ городского, фабричнаго, заводского рабочаго, заслонившій собою, въ свою очередь, земледѣльца, сельчанина. Когда въ Европѣ говорятъ о простомъ народѣ, о массахъ народныхъ, передъ мыслью носится преимущественно классъ фабричныхъ и городскихъ работниковъ.

У насъ, какъ и вездѣ, есть и ремесленное производство, и фабрики, и заводы, и торговля. Но изстари развитіе ихъ, исключая немногихъ пунктовъ, было такъ слабо, люди, ими занимающіеся, такъ малочисленны, что они не успѣли выдѣлиться въ особый классъ, сплотиться въ особое сословіе, стать силой, и потому не могли забрать въ свои руки власть надъ народными массами. Хотя впослѣдствіи и у насъ развились ремесла, торговля получила большіе размѣры, появились фабрики и заводы, фабричные и заводскіе рабочіе; но время для образованія особаго городского сословія, въ смыслѣ особой ремесленной, торговой, промышленной корпораціи, уже прошло; выработка особаго городского типа стала невозможной. Начиная съ Петра и далѣе при Екатеринѣ II, отчасти при императорѣ Александрѣ I, правительство всѣми мѣрами старалось, законодательнымъ путемъ, придать нашимъ городамъ значеніе городовъ европейскихъ, городскому населенію—характеръ европейскаго городского средняго класса. Обособленность старинныхъ разрядовъ или «чиновъ» московскаго государства, послужившая основаніемъ для обособленности городского населенія, устроеннаго въ XVIII вѣкѣ по началамъ европейскихъ городовыхъ уставовъ, придала ему внѣшній видъ замкнутаго городского сословія. Но внѣшній видъ не могъ внести содержанія, которое не было дано исторіей и условіями развитія. Съ императора Николая началась, а при императорѣ Александрѣ II окончена отмѣна различныхъ постановленій, искусственно разобщавшихъ городское населеніе отъ остального. Въ новомъ городовомъ положеніи 1870 г. нѣтъ и слѣда прежней изолированности городскихъ классовъ, созданной законодательствомъ XVIII вѣка.

Въ новѣйшей Европѣ промышленная и торговая дѣятельность,

вышедшая первоначально изъ городовъ, приняла небывалое развитіе, охватила всю жизнь и, вмѣстѣ съ несомнѣнными благами, принесла съ собою великое зло—господство капитала надъ трудомъ, порабощеніе человѣка игу новаго рода. Этимъ вызваны были соціальныя движенія, теоріи и ученія, которыя, при всѣхъ увлеченіяхъ и крайностяхъ, неизбѣжныхъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, имѣютъ свою несомнѣнно справедливую и вѣрную сторону: они служатъ признаками и показателями ненормальнаго положенія, созданнаго въ Европѣ исключительнымъ господствомъ капитала, и представляютъ попытки доказать ошибочность теоріи, на которой оно основано, и противупоставить ей болѣе справедливое политико-экономическое ученіе, въ которомъ права труда въ производствѣ цѣнностей, а слѣдовательно и право его на извѣстную ихъ долю, были бы признаны и заняли принадлежащее имъ мѣсто.

Тотчасъ послѣ крымской войны, когда наша крайняя отсталость отъ Европы въ промышленности и торговлѣ сдѣлалась для всѣхъ очевидной, господствующіе тамъ взгляды на промышленное и торговое развитіе нашли у насъ, въ правительственныхъ сферахъ, благосклонный пріемъ, и для Россіи начался періодъ всяческаго покровительства промышленной и торговой предпріимчивости и денежному капиталу. О ихъ значеніи и роли, и отношеніяхъ къ сельскому населенію у насъ существуютъ различные взгляды, которые и прямо, и косвенно переносятся въ жизнь, отражаются на законодательствѣ и административныхъ мѣрахъ. Поэтому необходимо установить, относительно этихъ предметовъ, правильную точку зрѣнія.

Мы, конечно, не можемъ навсегда оставаться исключительно при одномъ земледѣліи и сельскихъ промыслахъ. Для ихъ успѣха и процвѣтанія нужно развитіе обработывающей промышленности и торговли, а съ ними и ихъ необходимыхъ спутниковъ—денежныхъ капиталовъ, банковъ и кредита. Противъ этого никто и не споритъ. Весь вопросъ въ томъ, въ какихъ условіяхъ и границахъ ихъ развитіе желательно и полезно, и гдѣ, съ какого момента, оно начинаетъ приносить народу вредъ, истощая его живыя силы.

Промышленность и торговля, капиталъ и кредитъ, какъ вся-

кая дѣятельность, всякая сила, суть несомнѣнное благо вездѣ, гдѣ возникають естественно, вслѣдствіе возростающаго довольства и достатка населенія, не пріобрѣтая никакихъ исключительныхъ правъ или привилегій, дающихъ имъ власть и господство надъ населеніемъ. Но гдѣ они вызываются искусственно, ограждаются монополіей и пріобрѣтають власть, тамъ они становятся источникомъ зла, притѣсненій и эксплуатаціи, создають особый видъ зависимости и рабства, тѣмъ болѣе тяжкаго, что оно не такъ очевидно, какъ юридическое рабство, ибо прикрыто обманчивымъ покровомъ добровольныхъ сдѣлокъ и соглашеній и подъ этимъ благовиднымъ и лицемѣрнымъ предлогомъ высасываетъ, въ пользу своекорыстнаго и жаднаго меньшинства, всѣ достатки, имущество и рабочія, физическія и умственныя силы населенія, мужского и женскаго, взрослаго и малолѣтняго. Капиталъ, какъ всякая сила, естественно стремится сосредоточиться, монополизироваться, освободиться отъ всего, что его стѣсняетъ, и властвовать, не зная никакихъ границъ. Единственная сила, которая можетъ его сдерживать — это другіе капиталы, вступающіе съ нимъ въ борьбу. Но для того, кто не имѣетъ равносильнаго капитала, борьба съ нимъ немыслима. Акціонерныя общества, ассоціаціи даютъ въ промышленной борьбѣ капиталовъ орудіе въ руки только тѣхъ, которые имѣютъ или могутъ дѣлать сбереженія; а для огромной массы народа, не имѣющей ничего, живущей изо дня въ день своимъ трудомъ, борьба съ капиталомъ невозможна. Оттого масса и вынуждена, волей-неволей, отдаться ему во власть и на милость.

Въ Европѣ капиталъ забралъ власть въ свои руки и получилъ привилегированное положеніе вмѣстѣ съ городскимъ сословіемъ, которое купило себѣ исключительное положеніе сначала у королей, во время борьбы ихъ съ феодалами. Занимая середину между родовой и поземельной аристократіей съ одной стороны, крестьянствомъ съ другой, средній промышленный и торговый классъ, въ составъ котораго вошли впослѣдствіи магистратура и интеллигенція, сталъ господствовать надъ другими слоями европейскихъ обществъ, высшимъ и низшимъ. Гнетъ капитала, сосредоточеннаго въ его рукахъ, заступилъ мѣсто юридическаго рабства, наложеннаго на низшіе классы крѣпостнымъ правомъ.

Но въ Европѣ привилегированное положеніе и выдающаяся роль капитала, созданныя постепенно, вѣками, объясняются и отчасти оправдываются ходомъ европейской исторіи. Къ тому же тамъ многія обстоятельства долгое время заслоняли истинный смыслъ его господства, задерживали, отдаляли и смягчали неизбѣжныя послѣдствія такого господства, почему они и выяснились поздно, на нашихъ глазахъ. Въ Европѣ сила капитала, посреди довольства и благосостоянія городской жизни, росла съ успѣхами просвѣщенія и культуры, и содѣйствовала имъ, удовлетворяя нуждамъ и потребностямъ, которыя они вызывали. Тамъ богатство капиталовъ, порождая между ними соперничество и борьбу, долгое время удерживало ихъ въ равновѣсіи и ограничивало злоупотребленія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, если не въ пользу рабочихъ, то, по крайней мѣрѣ, потребителей; наконецъ, захватамъ и злоупотребленіямъ капитала въ Европѣ подверглись не пассивныя и невѣжественныя массы, а народы, стоявшіе уже на высокой ступени образованія и культуры, дѣятельные, трудолюбивые, сравнительно достаточные; а когда завоевательный характеръ и насилія капитала создали тяжелый гнетъ, противъ него началась упорная борьба, которая идетъ, все усиливаясь, при дѣятельномъ участіи всѣхъ лучшихъ живыхъ силъ народа, обществъ и ассоціацій, науки, литературы и самихъ правительствъ.

Совершенно при иныхъ условіяхъ появилось господство капитала у насъ. Цивилизація, успѣхи гражданственности и просвѣщенія, создавая богатство, сами въ свою очередь требуютъ большихъ денежныхъ затратъ и издержекъ. Они уже предполагаютъ развитую промышленность и торговлю, которыя всюду несутъ съ собою достатокъ и довольство и всѣ блага устроенной общественной жизни. Прельщаясь ими, образованные слои русскаго общества призываютъ своими горячими желаніями то, что они видятъ во очію въ сосѣднихъ странахъ высокой культуры, и справедливо убѣждены, что будь у насъ промышленность и торговля на той же ступени процвѣтанія, какъ въ Европѣ, и намъ бы жилось такъ же хорошо какъ тамъ. Отсюда не менѣе естественное стремленіе по возможности развить и у насъ тѣ условія, какія въ Европѣ произвели всѣ блага, хотя бы даже съ временными пожертвованіями. Фабрика, торговля, капиталъ,

банкъ, кредитъ, правда, любятъ все захватить въ свои руки и поживиться на счетъ народнаго труда и мелкихъ промысловъ; но за то они создаютъ чудеса цивилизаціи, культуры и комфорта, и потому на ихъ захваты можно смотрѣть немного сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи, когда они принесутъ свои благіе плоды и разовьютъ богатство, явятся и средства смягчить и устранить временный вредъ, который они могутъ нанести. Такія надежды кажутся тѣмъ основательнѣе, что въ Европѣ временное разореніе мелкихъ промысловъ фабриками увеличило потомъ запросъ на народный трудъ и заработки въ несчетное число разъ, что развитіе заграничной и всемірной торговли, убивая мѣстное производство, доставляетъ потребителямъ дешево и лучшаго качества то, что производилось хуже и за что они платили дорого; вдобавокъ, торговля открываетъ сбытъ для такихъ предметовъ, на которые никакого запроса не было. Краснорѣчіе всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ соображеній особенно убѣдительно въ глазахъ непосредственно пользующихся благами цивилизаціи и культуры, тѣмъ болѣе, что они видятъ только пользу, приносимую господствомъ капитала, а вредъ, который оно приноситъ — перестановка средствъ и достатка изъ многихъ рукъ въ немногія, отъ мелкихъ производителей къ крупнымъ, совершаются исподоволь, незамѣтно, въ низменныхъ, темныхъ слояхъ народа, которые скрыты отъ глазъ. И вотъ, мы возложили всѣ надежды и упованія на развитіе, во что бы ни стало, обработывающей промышленности, торговли, банковъ, кредита, дали имъ щедрую поддержку и помощь изъ государственныхъ средствъ, стали поощрять акціонерныя компаніи и товарищества. Возбужденіе частной промышленной и торговой инициативы и развитіе кредита, столь полезныхъ для общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для частныхъ интересовъ, составляютъ завѣтную цѣль нашихъ помысловъ и стремленій. Намъ кажется, что благодаря этимъ усиліямъ, въ которыхъ правительство и частныя лица подаютъ другъ другу руки и идутъ вмѣстѣ, наша дѣятельность и благосостояніе должны начать быстро рости и развиваться, обѣщая самые благодатные результаты въ будущемъ. Но въ то время, когда мы предавались самымъ сладостнымъ грезамъ и въ мечтахъ считали богатства, которыя должны были разлиться широкой рѣкой въ обще-

ствѣ и государствѣ, капиталъ, созданный на казенныя деньги, дѣлалъ свое дѣло: сосредоточился въ немногихъ рукахъ, опустошилъ частныя средства, сталъ усиливаться на счетъ народнаго труда и обогатилъ нѣсколькихъ на счетъ всѣхъ. Разочарованіе было полное. Мы искуственно вызвали къ жизни и дѣятельности силу, которая обратилась противъ насъ самихъ. Какъ и отчего это произошло? Очень просто. Какъ мы сказали выше, развитіе промышленности и торговли, капиталъ и кредитъ въ высокой степени полезны и благотворны, когда выросли на почвѣ общаго довольства и народнаго благосостоянія, представляютъ ихъ продолженіе и дальнѣйшее развитіе; когда народныя массы, экономически обезпеченныя и огражденныя противъ захватовъ и насилій капитала, могутъ равными силами вести съ ними экономическую борьбу и не дать себя въ обиду. Когда же этихъ двухъ необходимыхъ условій нѣтъ, когда капиталъ не есть естественный результатъ зажиточности и довольства, а созданъ искусственными мѣрами, когда невѣжественныя и убогія народныя массы предоставлены его эксплуатаціи безъ достаточнаго огражденія противъ его злоупотребленій, онъ только разлагаетъ народное благосостояніе въ пользу немногихъ и можетъ только на время создать обманчивый призракъ довольства,—призракъ, который вслѣдъ за тѣмъ быстро исчезаетъ, оставляя послѣ себя дѣйствительное разореніе. Всячески поощряя капиталъ, мы не подумали объ экономическомъ обезпеченіи и развитіи народныхъ массъ и горько поплатились за эту ошибку. Капиталъ, не встрѣчая у насъ никакихъ преградъ, напротивъ поддерживаемый со всѣхъ сторонъ, могъ дѣйствовать на просторѣ, какъ хотѣлъ,—и дѣйствовалъ.

Такимъ образомъ, самъ опытъ, сама жизнь, силою и логикой вещей, привели насъ къ заключенію, что по недостатку условій и классовъ общества, которые въ Европѣ создали обрабатывающую промышленность и торговлю, какъ особую экономическую силу, развитіе экономической стороны не можетъ у насъ, даже при искусственной поддержкѣ и поощреніи, совершаться на тѣхъ основаніяхъ и принести съ собою тѣ же блага, какъ въ Европѣ. У насъ нѣтъ для этого данныхъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что такъ какъ въ составѣ

нашего политическаго тѣла нѣтъ тѣхъ двухъ могущественныхъ высшихъ слоевъ, которые въ европейскихъ государствахъ сложились въ началѣ ихъ исторіи, опредѣлили ходъ ихъ развитія и формы ихъ гражданскаго, политическаго и хозяйственнаго быта, то намъ нечего и разсчитывать на эти слои, ожидать отъ нихъ того, что они дали Европѣ. Затѣмъ, у насъ изъ всѣхъ составныхъ слоевъ общества остается одинъ низшій, въ видѣ крестьянъ, по преимуществу земледѣльцевъ.

Съ этимъ выводомъ, вытекающимъ изъ всей нашей исторіи, доказанной до ослѣпительной ясности событіями послѣднихъ двадцати лѣтъ, многіе никакъ не могутъ примириться. Что въ крестьянствѣ—ключъ нашего національнаго существованія, что въ немъ разгадка всѣхъ особенностей нашего политическаго, гражданскаго и экономическаго быта, что отъ матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго состоянія нашего крестьянства зависѣли и будутъ зависѣть успѣхи и развитіе всѣхъ сторонъ русской жизни и что потому на устройство и развитіе его должны быть направлены, прежде всего, всѣ усилія правительства и частныхъ лицъ,—эти мысли многимъ кажутся и, конечно, долго еще будутъ казаться дикими, эксцентричными, чуть-чуть не революціонными. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ однимъ изъ центральныхъ пунктовъ тѣхъ безчисленныхъ недоразумѣній, въ которыхъ путается русская мысль.

Какъ, скажутъ намъ, вы считаете возможнымъ, чтобъ нація, имѣющая притязаніе на историческую роль, жила безъ высшихъ слоевъ, представляющихъ національное сознаніе, мысль, идеалы, культуру, направляющихъ ея внутренней и внѣшней жизнью, стремленіями и судьбами? Да гдѣ же видано что-нибудь подобное въ цѣлой исторіи? Гдѣ же, когда существовалъ подобный народъ?

Ничего подобнаго мы и не говоримъ. Мы вполнѣ понимаемъ, и признаемъ, что народныя массы, а тѣмъ болѣе наши малоразвитые крестьяне, по преимуществу занимающіеся земледѣліемъ, не могутъ дать странѣ того, что даютъ одни высшіе слои: правительственную среду, интеллигенцію, культуру, безъ которыхъ ни одинъ историческій народъ существовать не можетъ. Наша мысль совсѣмъ другая. Заключается она вотъ въ чемъ: до

сихъ поръ, вездѣ высшіе слои народа противуполагали себя народной массѣ, смотрѣли на себя какъ на какую-то особую отъ нея силу, или элементъ національной жизни, имѣющій особливыя, независимыя отъ нея условія существованія. Вездѣ образованію такого взгляда существенно способствовали историческія обстоятельства, которыя его создали и поддерживали. Наша жизнь, вслѣдствіе нашихъ особыхъ историческихъ обстоятельствъ, напротивъ, сложилась такъ, что высшіе слои, которые у насъ такъ же существуютъ и такъ же необходимы, какъ и вездѣ, не имѣютъ ни условій, ни оснований противуполагать себя народной массѣ, считать себя за какой-то особый, чуждый, посторонній ей элементъ, призванный подчинить ее своей власти и воспользоваться ею для какихъ бы то ни было своихъ особыхъ цѣлей. Каждый разъ, когда появлялись такія поползновенія, когда зачатки обособленныхъ высшихъ слоевъ пытались окрѣпнуть въ самостоятельныя, властныя организаціи въ народномъ составѣ, судьба имъ не благопріятствовала, ходъ исторіи постоянно и безпощадно уничтожалъ всѣ такіе зародыши. Сильное, могучее, вліятельное, промышленное и торговое сословіе оказалось у насъ столько же невозможнымъ, какъ и сильная, властная, родовая и поземельная аристократія. Этотъ характеристическій фактъ русской исторіи и русской дѣйствительности, волей-неволей, приводитъ къ заключенію, что у насъ высшее общественное положеніе само по себѣ ничего не значитъ, что смыслъ его и значеніе состоятъ въ выраженіи національнаго генія, въ формулированіи и удовлетвореніи матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ и потребностей націи. Эта роль, указанная волею судебъ и исторіи высшимъ слоямъ общества въ Россіи, заключается тоже въ своего рода «годности къ службѣ», о которой говорилъ Петръ Великій, а совсѣмъ не въ годности къ господству и власти. Можно-ли назвать такой взглядъ крайнимъ демократическимъ радикализмомъ, какъ назовутъ его, можетъ быть, иные, подыскивая ему соотвѣтствующій терминъ въ европейскомъ политическомъ лексиконѣ? Но въ жизни Европы вопросъ объ отношеніяхъ различныхъ слоевъ народа никогда не былъ поставленъ такъ, какъ онъ поставился у насъ, и потому напрасно было бы отыскивать у европейцевъ названія явленію, на которое мы указываемъ. Демократія и демократизмъ,

радикальный и умѣренный, существуютъ тамъ, гдѣ народная масса, въ противуположность высшимъ слоямъ, представляетъ особый самостоятельный политическій принципъ и имѣетъ свой особенный интересъ. Къ этому народныя массы, рано или поздно, и приходятъ тамъ, гдѣ высшіе слои общества выдѣляются въ особую, самостоятельную силу, обособляются въ особый замкнутый въ себѣ интересъ, который противуполагается всѣмъ прочимъ національнымъ интересамъ. Но у насъ, какъ мы старались показать, нѣтъ высшихъ слоевъ народа съ такимъ исключительнымъ положеніемъ. Откуда же у насъ взяться демократіи и какому бы то ни было демократизму? Для него у насъ нѣтъ почвы ни въ настоящемъ, ни въ историческихъ воспоминаніяхъ. Демократизмъ на русской почвѣ такъ же немыслимъ, какъ и аристократизмъ. Наши демократическія поползновенія и воззрѣнія суть только антиподъ нашимъ аристократическимъ фантазіямъ. Тѣ и другія доказываютъ только очень слабое развитіе русскаго національнаго самосознанія. Какъ только мы себя выразумѣемъ въ прошедшемъ и настоящемъ, демократизмъ и аристократизмъ изчезнутъ изъ нашего языка, какъ ихъ нѣтъ въ условіяхъ нашей дѣйствительности. Въ томъ-то и дѣло, что у насъ всѣ интересы, всѣ направленія, всѣ общественные слои, всѣ теоріи и воззрѣнія, всѣ общественныя положенія, словомъ, всѣ разнообразныя явленія русской жизни имѣютъ свой центръ тяжести въ крестьянствѣ, изъ него исходятъ и къ нему сходятся, но въ то же время демократическій принципъ совершенно чуждъ нашему соціальному строю.

Съ этою мыслью, при нашихъ ходячихъ воззрѣніяхъ и понятіяхъ, конечно, крайне трудно освоиться,—такъ мы привыкли подыскивать объясненія русскихъ фактовъ во всѣхъ когда-либо бывшихъ и теперь существующихъ политическихъ и соціальныхъ комбинаціяхъ, и признавать за первыми право гражданства только тогда, когда онѣ совершенно тожественны съ послѣдними. Но сравненіе и справка есть лишь приготовленіе къ самостоятельной работѣ мысли. Ссылка на авторитетъ того, что̀ было, какъ на безапелляціонное рѣшеніе, есть пріемъ несовершеннолѣтняго сознанія. Надо критически провѣрить господствующія политическія и соціальныя теоріи, вездѣ и всегда выводимыя изъ исторіи и опыта.

чтобъ объяснить непонятныя явленія русской жизни, мало прикинуть къ нимъ готовую мѣрку и окрестить ихъ любымъ извѣстнымъ именемъ, какъ это безпрестанно у насъ практикуется; надо вдуматься въ факты въ ихъ общей живой связи и отыскать законъ, опредѣляющій смыслъ каждаго изъ нихъ отдѣльно, и формулу ихъ взаимныхъ отношеній, воздѣйствія ихъ другъ на друга. Стоитъ только съ нѣкоторымъ вниманіемъ обратиться къ фактамъ русской исторіи и русской современной жизни, чтобъ тотчасъ же подмѣтить тѣсную ихъ зависимость отъ жизни и движеній не дѣйствующаго на первомъ планѣ, скрытаго отъ поверхностнаго взгляда, русскаго крестьянства. Однимъ фактомъ своего существованія, оно незримо и безъ нашего вѣдома служило и служитъ камертономъ и регуляторомъ нашей политической и соціальной жизни. Еще очень недавно никто не подозрѣвалъ существованія Нептуна; а онъ производитъ и всегда производилъ пертурбаціи въ ходѣ небесныхъ тѣлъ солнечной системы; никто не видитъ процессовъ пищеваренія и кровообращенія, а отъ нихъ зависятъ всѣ жизненныя отправленія тѣла и нормальная дѣятельность психическихъ способностей. Такова и роль народныхъ массъ въ политическихъ организмахъ. Онѣ живутъ трудомъ, по своему положенію вращаются почти исключительно въ тѣсномъ кругу своихъ ближайшихъ частныхъ интересовъ, и не имѣютъ ни охоты, ни досуга, ни необходимыхъ знаній, навыка и смысла, чтобъ заниматься дѣлами, выходящими изъ ближайшей обычной сферы ихъ ежедневныхъ заботъ. Общія дѣла, высшіе интересы, широкая дѣятельность естественно и неизбѣжно находятся въ рукахъ высшихъ, т.-е. достаточныхъ и образованныхъ слоевъ народа. Ихъ выдающееся положеніе, выдающаяся роль остаются за ними безспорно и ненарушимо, пока они не обособятся въ особый интересъ, въ особое замкнутое тѣло, живущее своею особою жизнью. Какъ только появляются такія стремленія, какъ только начинаются попытки ихъ осуществить, въ народной жизни появляются признаки общественныхъ недуговъ, безпокойство, броженіе. Если причина, которая ихъ производитъ, не будетъ устранена во-время, болѣзнь начинаетъ рости; зарождается сперва глухая, а потомъ и открытая борьба народныхъ массъ противъ высшихъ классовъ. Какъ первыя себя обособляютъ отъ послѣднихъ, такъ и они

обособляют себя от первых. Названіе «самодержавный народъ» есть политическая фикція, созданная борьбою народныхъ массъ противъ высшихъ классовъ, которые обособились, политически или экономически, въ самостоятельное политическое тѣло и пользуются своимъ выдающимся положеніемъ и властью въ своемъ исключительномъ, сословномъ интересѣ, а не на пользу всего народа.

Вотъ чему учитъ исторія. Европа вывела эти уроки изъ собственнаго тяжкаго, кроваваго опыта. Въ ней поземельная аристократія, независимая отъ государства церковь и первые зародыши особаго средняго сословія сложились и кристаллизировались, когда политическихъ и соціальныхъ наукъ еще не существовало, и самые свѣтлые умы не могли предсказать, къ чему приведетъ изолированность различныхъ составныхъ элементовъ и факторовъ народной жизни. Когда въ Европѣ началась выработка правильной общественной и государственной жизни, не было и не могло быть понятія о томъ, что каждый изъ различныхъ слоевъ общества представляетъ лишь извѣстную функцію народной жизни,—такъ они были разобщены и жили каждый про себя, преслѣдуя свои частные, сословные интересы. Аристократія, церковь, какъ впослѣдствіи среднее сословіе, были наивно убѣждены, что онѣ—весь народъ, и всѣ остальные классы существуютъ для нихъ и ихъ блага. Для насъ, по особеннымъ нашимъ обстоятельствамъ, по ходу всей нашей исторіи, подобныя иллюзіи немыслимы; и слава Богу, что вступая въ гражданское совершеннолѣтіе, мы не имѣемъ надобности съ ними бороться и раздѣлываться! Не демократическій принципъ, которому у насъ нѣтъ мѣста, какъ и аристократическому, а русскій національный интересъ, польза родины и государства, помимо всякихъ предвзятыхъ теорій, заставляютъ обратить всѣ помыслы, всѣ средства и усилія прежде всего на устройство, обезпеченіе и поднятіе у насъ крестьянства, такъ какъ отъ его матеріальнаго довольства, умственнаго развитія и нравственнаго состоянія больше всего зависитъ настоящее положеніе и будущія судьбы русскаго государства и русскаго народа. Хорошій или плохой бытъ нашихъ крестьянъ отзывается на всѣхъ насъ. Бѣдны они — и намъ никакъ не побогатѣть; живутъ они въ довольствѣ—оно распространяется и на насъ. Степенью умственнаго и нравственнаго со-

стоянія и развитія крестьянъ опредѣлится и состояніе культуры во всѣхъ слояхъ русскаго общества, весь нашъ политическій и общественный быть и строй русскаго государства. Итакъ, чтобъ улучшить наше общее положеніе, теперь крайне незавидное, надо работать внизу надъ положеніемъ народныхъ массъ. Безъ его улучшенія, все, что мы ни сдѣлаемъ, будетъ построено на пескѣ, первый вѣтеръ снесетъ какъ карточные домики все, надъ чѣмъ мы трудились, сколько бы живыхъ силъ, умѣнья, таланта и самоотверженья мы ни положили въ нашъ трудъ. Во всемъ, на каждомъ шагу, мы казнимся бѣдностью, невозможно низкою ступенью умственнаго образованія и нравственнаго развитія нашихъ крестьянъ, почти полнымъ отсутствіемъ въ нихъ азбучныхъ понятій о правильной гражданственности, поразительнымъ ихъ равнодушіемъ и пассивностью къ общественнымъ интересамъ, даже въ ближайшей ихъ обстановкѣ, и къ улучшенію собственнаго ихъ быта. Конечно, есть изъятія, но они только подтверждаютъ общее правило. Конечно, есть множество причинъ, которыя сдѣлали такимъ нашего крестьянина и теперь удерживаютъ его въ томъ же положеніи; но отъ этого ни ему, ни намъ, не легче. Надо всячески устранять эти причины. Безъ поднятія экономическаго быта крестьянъ, безъ ихъ умственнаго и нравственнаго развитія при ихъ теперешнихъ основахъ міросозерцанія и глубокомъ фатализмѣ, всѣ попытки къ лучшему не приведутъ ни къ чему.

Сужденіе о русскомъ народѣ, которое мы высказали, тоже найдетъ мало сочувствія. Оно покажется многимъ не-патріотичнымъ; найдутся читатели, которые упрекнутъ насъ, что мы смотримъ на русскій народъ свысока, глазами няньки, или наставника, съ указкой въ одной рукѣ и розгой въ другой. Такія обвиненія, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ, будутъ однимъ изъ безчисленныхъ недоразумѣній, которыми мы такъ богаты. Наши лучшіе люди такъ прислушались къ презрительному, высокомѣрному, безсердечному и недобросовѣстному отношенію къ крестьянину, что потеряли способность различать голосъ правды, и справедливо негодуя на клеветы и напраслины, которымъ такъ долго и такъ незаслуженно подвергался русскій народъ, ударились въ идиллическое превознесеніе его воображаемыхъ добродѣ-

телей и несуществующихъ качествъ. Но правда всего дороже, и ей должно принадлежать послѣднее слово въ разрѣшеніи вопросовъ дѣйствительной жизни. Самъ крестьянинъ считаетъ себя темнымъ человѣкомъ, называетъ себя „теменью непроглядною“. Таковъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ, такимъ надо его понимать, съ какимъ бы участіемъ и любовью мы на него ни смотрѣли. Мы приписываемъ ему разныя высокія христіанскія добродѣтели только вслѣдствіе смѣшенія фатализма съ смиреніемъ, равнодушія—съ покорностью велѣніямъ судьбы и промысла, природнаго добродушія простого человѣка — съ любовью, вытекающею изъ проникновенія христіанскимъ ученіемъ. Но между тѣмъ и другимъ нѣтъ ничего общаго, хотя бы первое и прикрывалось словами и терминами, заимствованными у послѣдняго. Восточное созерцаніе и отреченіе отъ міра можно только по недоразумѣнію признавать за власть и господство надъ страстями, или за стремленіе къ совершенству, которому учитъ евангеліе. Страдательное, равнодушное и безучастное отношеніе къ окружающему не имѣетъ и отдаленнаго сходства съ побѣдой надъ самомнѣніемъ, кичливостью и гордостью. Русскому крестьянину еще предстоитъ впереди проникнуться ученіемъ дѣятельной христіанской любви и дѣятельнаго нравственнаго совершенствованія.

Мы по возможности коснулись главнѣйшихъ возраженій противъ взгляда на крестьянскій вопросъ, какъ мы его понимаемъ. Читатели разсудятъ, правы мы или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, ни этотъ и никакіе другіе коренные, основные вопросы русской жизни не могутъ быть рѣшены правильно при помощи тѣхъ трафареточныхъ взглядовъ, которыми мы запасаемся въ архивахъ нашего и чужого прошедшаго. Они видимо уже обветшали и безъ сильной, основательной критической провѣрки не могутъ болѣе примѣняться къ нашимъ обстоятельствамъ и условіямъ. У насъ, какъ и въ Европѣ, жизнь прокладываетъ новые, неизвѣстные еще пути, открываетъ невиданныя доселѣ перспективы. Примѣняя къ новымъ явленіямъ и задачамъ старые, рутинные пріемы, мы, въ ущербъ себѣ, задерживаемъ понапрасну ходъ дѣйствительной жизни, или тратимъ безполезно силы на борьбу съ нимъ. Правильная оцѣнка и постановка крестьянскаго вопроса требуетъ, какъ мы старались показать, коренного переворота въ нашихъ

ходячихъ воззрѣніяхъ, представляющихъ пеструю смѣсь унаслѣдованныхъ и заимствованныхъ предразсудковъ, политическихъ и соціальныхъ суевѣрій, бокъ-о-бокъ съ какими-то неопредѣленными стремленіями и неясными мечтами. Со всѣмъ этимъ нужно разстаться, и чѣмъ скорѣе мы это сдѣлаемъ, тѣмъ лучше.

X.

Пока мы между собою споримъ и не можемъ столковаться въ основныхъ вопросахъ, жизнь идетъ своимъ путемъ, выводя, поочередно, безъ спроса съ нами, явленія въ извѣстной исторической послѣдовательности. Такую центральную русскую задачу, каково поднятіе матеріальнаго быта, умственнаго и нравственнаго состоянія крестьянъ, нельзя ни отдалить, ни заговорить никакими софизмами и парадоксами. Разные факты, крупные и мелкіе, съ виду незначительные, показываютъ, что эта задача назрѣваетъ и въ скоромъ времени выдвинется на первый планъ, назойливо требуя безотлагательнаго рѣшенія. Готовы ли мы къ тому или нѣтъ, способны ли взять дѣло въ свои руки и вести его или неспособны — передъ этимъ жизнь, дѣйствительность, развитіе останавливаться не станутъ.

Правительству первому придется вѣдаться съ этой задачей практически, и такъ или иначе отвѣтить на великую государственную и національную нужду. Нельзя не предвидѣть, что это дѣло, обнимая почти всѣ стороны народной жизни, по своей обширности и многосторонности, будетъ несравненно труднѣе великаго правительственнаго и народнаго акта, который двадцать лѣтъ тому назадъ ему предшествовалъ. На совершеніе этого новаго дѣла потребуются всѣ матеріальныя, умственныя и нравственныя силы страны, такъ какъ рѣчь будетъ идти о коренномъ перерожденіи всего русскаго народа и окончательной выработкѣ основъ его дальнѣйшаго экономическаго, гражданскаго и духовнаго существованія и развитія.

Когда разъ мысль о крестьянской реформѣ созрѣетъ и при участіи всѣхъ живыхъ умственныхъ силъ страны получитъ опре-

дѣленную выработанную форму, настанетъ время осуществить ее въ дѣйствительности, во всѣхъ подробностяхъ.

Какъ этого достигнуть съ устраненіемъ тѣхъ прискорбныхъ, вольныхъ и невольныхъ ошибокъ и нарушеній, которыя омрачили, при практическомъ примѣненіи, великую реформу крестьянскаго быта въ шестидесятыхъ годахъ?

Разрѣшеніе этого вопроса чрезвычайно трудно, — гораздо труднѣе, чѣмъ опредѣлить главныя основанія и самыя подробности преобразованія; а между тѣмъ все его значеніе и его благотворныя послѣдствія будутъ существенно зависѣть отъ правильнаго и строго-добросовѣстнаго примѣненія въ дѣйствительности.

Трудности осуществленія коренной крестьянской реформы зависятъ у насъ, главнымъ образомъ, отъ свойства и характера установившихся на практикѣ пріемовъ нашей администраціи, отъ умственнаго и нравственнаго состоянія всѣхъ классовъ русскаго общества и отъ крайне низкой степени развитія крестьянъ.

Провести коренную крестьянскую реформу посредствомъ однихъ административныхъ органовъ немыслимо; да объ этомъ едва ли кто теперь и думаетъ. Устраняя здѣсь совершенно вопросъ о разныхъ недостаткахъ нашего административнаго механизма, замѣтимъ, что характерная черта всякой администраціи, хотя бы и наилучшей, заключается въ болѣе или менѣе безпощадномъ примѣненіи формы. Эта черта вытекаетъ изъ самаго существа администраціи и смягчается другими отправленіями государственной и общественной жизни, — высшими общими правительственными соображеніями, судомъ, нравами и культурой. Сама по себѣ администрація формальна и безпощадна, какъ всякій механизмъ, исполняющій свое дѣло. Но именно это его свойство дѣлаетъ невозможнымъ провести, посредствомъ одной лишь администраціи, какое бы то ни было живое дѣло, требующее осторожнаго обращенія съ живыми лицами и фактами, примѣняясь къ ихъ особенностямъ и индивидуальнымъ свойствамъ. Въ Россіи характерная односторонность административныхъ пріемовъ еще осложняется и увеличивается присущими ей у насъ недостатками—неудовлетворительностью личнаго административнаго состава, несовершенствами административной организаціи и уставовъ, опредѣляющихъ дѣятельность административнаго механизма.

Не лучше и наша общественная организація. У насъ очень распространено мнѣніе, что обращеніе правительства къ общественнымъ силамъ могло бы дать странѣ то, чего не даетъ администрація и бюрократія. Въ примѣненіи въ выработкѣ правительственной програмы, органическихъ законоположеній и важнѣйшихъ административныхъ мѣръ, мнѣніе это совершенно вѣрно. Но приведеніе въ исполненіе коренной реформы, въ особенности крестьянской, исключительно, или хотя бы только преимущественно при помощи общества и органовъ общественнаго управленія, точно такъ же немыслимо, какъ и посредствомъ одной администраціи, хотя по другимъ причинамъ. Первая изъ нихъ — та же самая, которая тормазитъ и выясненіе важнѣйшихъ русскихъ задачъ и вопросовъ, а именно, крайнее разнообразіе мнѣній и взглядовъ, неуспѣвшихъ еще сложиться въ ясныя, болѣе или менѣе опредѣленныя направленія общественной мысли, безчисленныя недоразумѣнія, дробящія русскую мысль на мелкіе кружки и котеріи, которыя не имѣютъ между собою ничего общаго и живутъ въ постоянной враждѣ. Эта крайняя разрозненность волей-неволей переносится и въ веденіе общественныхъ дѣлъ и имѣетъ весьма неблагопріятное вліяніе на ихъ ходъ; въ примѣненіи же къ коренной государственной реформѣ, которая при своемъ осуществленіи прежде и больше всего требуетъ единства направленія въ общемъ и подробностяхъ, она могла бы имѣть самыя печальныя послѣдствія.

Но этого мало. Наша общественная организація, земская и сословная, благодаря кореннымъ ея недостаткамъ, не представляетъ собою даже мнѣній и интересовъ большинства. Частные, личные и случайные интересы безпрестанно въ нее врываются и въ ней господствуютъ, свободно распоряжаясь всѣми дѣлами и общественной кассой. Общественныя дѣла, въ большинствѣ случаевъ, ведутся, у насъ крайне дурно. Какъ же ожидать, чтобъ государственное дѣло, идущее въ разрѣзъ съ нѣкоторыми частными интересами, было приведено въ исполненіе какъ слѣдуетъ тѣми органами, которые оказываются на дѣлѣ негодными даже для представленія интересовъ земскаго или сословнаго большинства и правильнаго веденія общественныхъ дѣлъ?

Что касается до самихъ крестьянъ, то отъ нихъ, по низкой

степени ихъ культуры, по совершенной ихъ неопытности въ дѣлахъ общественныхъ внѣ предѣловъ села или деревни, нельзя ожидать никакого полезнаго участія въ проведеніи на мѣстахъ крестьянской реформы. Мало того, въ рѣдкихъ только случаяхъ, въ видѣ отраднаго изъятія, они позаботятся сами вникнуть въ смыслъ реформы и сознательно пойдутъ ей на встрѣчу; огромное большинство отнесется къ ней пассивно и равнодушно, подчинится новымъ порядкамъ такъ же безучастно, какъ подчиняется заведеннымъ теперь, и снесетъ, безъ жалобъ и протестовъ, обиды, несправедливости и злоупотребленія непосредственныхъ исполнителей преобразованія, когда они здѣсь и тамъ будутъ встрѣчаться, въ полной увѣренности, воспитанной и вскормленной вѣками гнета и притѣсненій, что правды не добьешься нигдѣ, и мужику на роду написано ее не видать какъ своихъ ушей. У насъ мало выполнить реформу, а надо еще и наблюсти, чтобъ тотъ, въ пользу кого она сдѣлана, не былъ ею, или по ея поводу, обиженъ, потому что самъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, не подастъ объ этомъ голоса, въ увѣренности, что такъ тому и быть должно, и изъ боязни, что пожалуешься, выйдетъ пожалуй еще хуже.

При неудовлетворительности органовъ, чрезъ которые должна быть проведена крестьянская реформа, при слабости и невыработанности естественной внушительной повѣрки правильности ихъ дѣйствій—голоса самихъ заинтересованныхъ въ точномъ и справедливомъ ея примѣненіи,—необходимо придумать коррективъ, достаточно сильный и дѣйствительный, чтобъ обезпечить и государству, и народнымъ массамъ, дѣйствительное выполненіе закона по его буквѣ и духу.

Такимъ коррективомъ могло бы служить участіе въ крестьянской реформѣ всѣхъ людей въ государствѣ, сочувствующихъ дѣлу, въ составѣ правильно организованнаго общества, примыкающаго въ своей дѣятельности къ высшимъ правительственнымъ сферамъ. Всѣ искренно преданные крестьянскому дѣлу люди, разсѣянные по лицу имперіи, не входящіе въ составъ административныхъ и общественныхъ органовъ и дѣятелей реформы, могли бы принять дѣятельное, хотя и косвенное участіе въ ея осуществленіи, въ качествѣ членовъ такого общества. Единствен-

ной задачей его должно быть ни больше ни меньше, какъ содѣйствіе правильному, точному и справедливому приведенію въ исполненіе крестьянской реформы въ тѣхъ предѣлахъ и въ томъ направленіи, какъ она задумана правительствомъ и выражена въ изданныхъ имъ съ этою цѣлью законахъ и постановленіяхъ. Содѣйствіе общества реформѣ главнымъ образомъ должно заключаться въ наблюденіи за примѣненіемъ ея на мѣстахъ. Не имѣя права прямо вмѣшиваться въ дѣйствія правительственныхъ и общественныхъ органовъ, которымъ поручено ея введеніе, оно должно быть уполномочено знать, что̀ дѣлается, доставлять свои свѣдѣнія и выражать свой взглядъ на то и другое дѣло и возбуждать, въ законномъ порядкѣ, преслѣдованіе за нарушеніе законовъ и постановленій, относящихся къ реформѣ. Но чтобъ дѣйствительно принести пользу своею дѣятельностью, общество само должно съ особенною разборчивостью выбирать своихъ членовъ, агентовъ и корреспондентовъ, и тщательно исключать изъ своей среды, какъ тѣхъ, которые только принимаютъ на себя личину сочувствія, на самомъ же дѣлѣ суть тайные враги реформы, такъ и тѣхъ, которые, изъ какихъ бы то ни было побужденій, не желаютъ строго сообразоваться съ цѣлью общества и вздумали бы выдти изъ предѣловъ реформы, указанныхъ правительствомъ. Одной изъ главнѣйшихъ обязанностей членовъ общества должно быть публичное наблюденіе другъ за другомъ, чтобъ въ этомъ отношеніи оно не подвергалось никакимъ нареканіямъ, и чтобъ личный его составъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовалъ своему назначенію.

Кромѣ того, общество должно быть уполномочено, для достиженія цѣлей реформы, требующей значительныхъ денежныхъ средствъ, собирать и принимать пожертвованія и употреблять ихъ на прикупку для крестьянъ земли, гдѣ это необходимо, на устройство школъ, фермъ, библіотекъ, учительскихъ семинарій и т. п. Какъ личный составъ, такъ и всѣ дѣйствія и распоряженія общества должны быть извѣстны высшему правительству. Архивы его и переписка должны быть для него всегда открыты.

Подобная организація частныхъ живыхъ силъ, не призванныхъ къ осуществленію реформы, но сочувствующихъ ей и дѣйствующихъ рука объ руку съ высшимъ правительствомъ, въ духѣ

его программы, послужила бы могущественнымъ орудіемъ крестьянской реформы и не дала бы ей застрять въ бумажной переписке, отъ неуменья или недобросовестности исполнителей и незаконнаго вторженія въ общественное и государственное дело частныхъ, своекорыстныхъ интересовъ. Изъ состава общества, люди способные, знающіе, практическіе и добросовестные, но дотоле вовсе неизвестные правительству, могли бы впоследствіи быть приняты имъ въ коронную службу и пополнить составъ служащихъ достойными лицами. Этимъ же путемъ высшее правительство могло бы ближе и подробнее ознакомиться съ деятельностью и характеромъ своихъ органовъ, помимо оффиціальной переписки и бумагъ, которыя нередко более затемняютъ, чемъ выясняютъ то, что есть на самомъ деле. Такъ произошло бы то, во всехъ отношеніяхъ желанное, сближеніе и взаимнодействіе оффиціальной деятельности и неоффиціальныхъ стремленій и направленій русской жизни, которыхъ разъединеніе, а нередко и полный разладъ, составляютъ основную тему всехъ неудовольствій и жалобъ и по всей справедливости могутъ быть названы слабой стороной русской публичной жизни.

Многіе найдутъ мысль о такомъ обществе неосуществимой, забывая или не зная, что последняя цель и задача всевозможныхъ учрежденій, государственныхъ и общественныхъ, сколько ихъ ни есть и ни было, всегда заключались въ такомъ сочетаніи всехъ силъ, стремленій, сторонъ и отправленій общества или государства, которое приводило бы ихъ къ возможному единству и гармоніи. Къ этому должны идти и мы, если наши виды и надежды на историческую роль и значеніе не пустыя слова или вздорная мечта. Вся разница между народами и государствами, призванными жить и имеющими будущность, состоитъ только въ томъ, что они различными путями и способами достигаютъ гармоническаго сочетанія своихъ составныхъ элементовъ и функцій. Если различныя историческія, національныя и бытовыя особенности русскаго государства и народа лишаютъ его возможности достигнуть этой последней главной цели теми путями, которыми шли къ ней другіе народы, то надо искать другихъ путей, возможныхъ и применимыхъ у насъ. Такимъ ближайшимъ, сподручнымъ и легко осуществимымъ представляется намъ орга-

низація, рядомъ съ оффиціальными органами, частныхъ силъ, подъ верховнымъ водительствомъ государства, призывъ ихъ въ публичной дѣятельности въ условіяхъ, благопріятныхъ для правильнаго разрѣшенія государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, стоящихъ на очереди. Такое привлеченіе частныхъ силъ на службу государству не было бы у насъ чѣмъ-либо новымъ. Забота частныхъ лицъ о бѣдныхъ послужила основаніемъ для созданія Человѣколюбиваго общества. Забота частныхъ же лицъ о распространеніи духовнаго просвѣщенія въ народѣ, о призрѣніи дѣтей, о содержаніи арестантовъ, о созданіи черноморскаго и добровольнаго флота, рельсовыхъ путей и множества другихъ подобныхъ общеполезныхъ предпріятій представляютъ, по крайней мѣрѣ представляли при началѣ своемъ, обращеніе частныхъ средствъ и добровольныхъ усилій на пользу государства и общества. Но эта давняя мысль до сихъ поръ не получила соотвѣтствующей ей формы. Организаціи частныхъ добровольныхъ силъ и средствъ на общую и государственную пользу то вырождались въ правительственныя учрежденія и замирали, то искусственно вызывались самимъ правительствомъ и были на самомъ дѣлѣ правительственными учрежденіями, подъ фирмою частныхъ и добровольныхъ. Съ успѣхами образованія, съ расширеніемъ круга интересовъ, съ развитіемъ общественнаго духа и направленія, потребность въ организаціи частныхъ силъ для достиженія разнообразнѣйшихъ общеполезныхъ цѣлей выразилась въ учрежденіи безчисленнаго множества частныхъ обществъ, дѣйствующихъ самостоятельно въ предѣлахъ своихъ уставовъ и приносящихъ громадную пользу. Такимъ образомъ, и почва, и самыя формы для общества, о которомъ мы говоримъ, уже подготовлены и выработаны; съ самою мыслью о привлеченіи частныхъ силъ и средствъ на службу общественному дѣлу—русское общество успѣло вполнѣ освоиться. То, что мы предлагаемъ, было бы лишь возобновленіемъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ и посреди сравнительно гораздо болѣе зрѣлаго и развитого общества, опытовъ, начатыхъ безъ ясной, обдуманной мысли еще въ царствованіе Александра I-го. Мы убѣждены, что крестьянская реформа въ минувшее царствованіе была бы осуществлена успѣшнѣе и привела бы къ болѣе плодотворнымъ результатамъ, еслибъ наличныя тогда частныя живыя силы, которыхъ было не мало, были организованы въ

общество и могли дѣйствовать на пользу крестьянскаго дѣла, опираясь на высшее правительство. Такъ или иначе, но мы не можемъ представить себѣ въ будущемъ ни одной глубокой коренной реформы въ Россіи безъ дѣятельнаго участія въ ея начертаніи и проведеніи всѣхъ живыхъ силъ народа,—и чѣмъ далѣе, тѣмъ это участіе будетъ необходимѣе для пользы государства и самого правительства.

Все вышеизложенное нами, при первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ, въ видѣ ряда статей въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ, вызвало замѣчанія, а отчасти и возраженія въ періодической печати. Особеннымъ вниманіемъ почтила насъ редакція извѣстной рижской газеты: «Zeitung für Stadt und Land»; мы отвѣчали ей въ свое время, и теперь, пользуясь случаемъ отдѣльнаго изданія нашихъ статей, приведемъ въ заключеніе тотъ отвѣтъ, которымъ мы старались объяснить недоразумѣнія, вызванныя нашими взглядами и разсужденіями. Очень возможно, что такія недоразумѣнія могли найти себѣ мѣсто не въ однихъ нашихъ читателяхъ на окраинахъ Россіи, но также и въ центрѣ ея.

Вотъ текстъ нашего письма въ упомянутую редакцію:

М. Г.—Примите мою искреннѣйшую благодарность за присылку №№ 298 и 299 Вашей уважаемой газеты. Просвѣщенное вниманіе и полное безпристрастіе, съ которымъ Вы слѣдили за мыслями о крестьянскомъ вопросѣ, изложенными въ длинномъ рядѣ моихъ статей, и передавали ихъ Вашимъ читателямъ, налагаютъ на меня обязанность войти въ нѣкоторыя разъясненія по предметамъ, возбудившимъ въ Васъ недоумѣнія. Эта обязанность представляется мнѣ въ особенности настоятельной въ виду того, что Вы принадлежите къ Остзейскому краю и издаете Вашу газету на нѣмецкомъ языкѣ, доступномъ всему образованному европейскому міру. Для меня лично и безъ сомнѣнія для всѣхъ моихъ просвѣщенныхъ земляковъ чрезвычайно важно, чтобъ наши сограждане другой вѣры и національности вполнѣ ясно знали и понимали, что мы думаемъ и чего желаемъ, безъ малѣйшихъ недоразумѣній, которыя вообще весьма прискорбны, а тѣмъ болѣе между членами одного политическаго тѣла. Съ другой стороны, съ чисто отвлеченной и теоретической точки зрѣнія весьма нежелательно, чтобъ стремленія извѣстной части русской публики сдѣлались извѣстны европейскимъ читателямъ съ оттѣнкомъ, котораго они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ.

Прежде всего, позвольте устранить важнѣйшее изъ всѣхъ недоразумѣній,

вызванныхъ въ Васъ моими статьями. Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ Вашего разбора, Вы, кажется, полагаете, что я всѣ свои взгляды свожу, въ концѣ концевъ, къ національному вопросу. Но я весьма далекъ отъ этого. По моимъ понятіямъ, крестьянство есть общественный типъ, вездѣ, въ цѣломъ мірѣ имѣющій свою особую физіономію, свою характеристику, свои общія, родственныя черты, несмотря на различіе національностей, вѣроисповѣданій, соціальнаго быта, рода занятій и степени культуры. Какъ горожане, аристократы, духовенство, военные, бюрократы, судьи, ученые, художники, медики и т. д., имѣютъ, во всѣхъ европейскихъ странахъ, общія каждому изъ этихъ общественныхъ положеній характерныя черты и отличія отъ другихъ, такъ и крестьяне. Меня это всегда поражало во время моихъ поѣздокъ за границу. Въ 1862 году, въ Базелѣ, одинъ изъ профессоровъ, которому я разсказывалъ о нашихъ крестьянахъ, замѣтилъ: „да это совершенно то же, что и наши мужики". Въ мѣстѣ, занимаемомъ крестьянствомъ въ соціальномъ бытѣ и строѣ и заключается, по моему глубокому убѣжденію, ключъ къ объясненію рѣзкихъ различій между Западной Европой и нами. Какъ истинный европеецъ, Вы смотрите на мужика не какъ на соціальнаго фактора, соціальный элементъ, а какъ на невѣжду, некультурнаго человѣка, и приписываете всѣ наши непорядки тому, что мы отстали отъ Западной Европы въ образованіи на двѣсти лѣтъ; что культурный элементъ, благодаря громадному перевѣсу некультурной массы, подавленъ; что благодаря тому же обстоятельству наши политическія формы находятся въ зачаточной формѣ. Вы тысячу разъ правы, констатируя факты, и конечно не я стану объ этомъ съ Вами спорить. Но изъ-за общей совершенно вѣрной оцѣнки нашего политическаго и соціальнаго положенія, Вы, мнѣ кажется, просмотрѣли его главную причину, а причина и заключается въ иной со всѣмъ постановкѣ у насъ соціальныхъ элементовъ, чѣмъ въ остальной Европѣ. Какъ человѣкъ просвѣщенный, Вы знаете, что и въ дикой странѣ можетъ не быть самодержавія, можетъ существовать сильная аристократія поземельная, или родовая, могучія свободныя общины, съ патриціатомъ во главѣ, сильныя жреческія касты, имѣющія перевѣсъ надъ свѣтской властью. Римскіе цесари и французскіе императоры, ищущіе опоры въ народныхъ массахъ, чтобъ господствовать надъ высшими классами и интеллигенціей, выросли, какъ извѣстно, на почвѣ долговременной и ожесточенной борьбы сословій. Было-ли когда-нибудь что либо подобное у насъ,—я хочу сказать: въ Московскомъ государствѣ, въ Великороссіи, изъ которой выросла Россійская Имперія? Зачатки аристократіи, общинъ, церкви, въ смыслѣ общественныхъ и политическихъ факторовъ, конечно, были, но они атрофировались; а крестьянство, которое въ Европѣ (кромѣ скандинавскихъ странъ) было затерто и до сихъ поръ не играетъ, какъ общественный факторъ, никакой роли, у насъ сохранилось, представляетъ въ нашемъ понятіи народъ, и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе выступаетъ на первый планъ и въ заботахъ правительства, и во взглядахъ мыслящаго меньшинства. Крестьянство у насъ пока—громадный вліятельнѣйшій общественный и политическій фактъ; но недалеко время, когда этотъ фактъ будетъ осмысленъ и станетъ у насъ политическимъ и общественнымъ принципомъ.

Вотъ эту нашу особенность мнѣ и хотѣлось освѣтить. Можетъ быть, попытка оказалась неудачной, какъ по моему неумѣнью справиться съ задачей, такъ въ особенности по новости самой темы. Но что въ этомъ пунктѣ заключается весь интересъ русской исторіи и, наше право на историческое значеніе—въ этомъ я убѣжденъ глубоко. *У насъ народъ не есть горожанинъ, а крестьянинъ.* Вотъ, явленіе совершенно новое, не бывалое во всемірной исторіи. Передовые политическіе и соціальные мыслители Германіи указываютъ на четвертое сословіе, выступающее на сцену всемірной исторіи съ требованіемъ признанія и правъ; но подъ четвертымъ сословіемъ они разумѣютъ рабочихъ. А что такое рабочіе какъ не продолженіе, низшая ступень горожанъ и городского типа? *Я же думаю,* что дѣйствительно новое четвертое сословіе представляетъ соціальный типъ, еще никогда не игравшій никакой роли въ исторіи,—типъ сельскаго жителя, земледѣльца, крестьянина. Эту мысль я развивалъ еще въ 1863 году, въ Боннѣ, въ кружкѣ професооровъ.

И чѣмъ больше я думалъ и наблюдалъ, тѣмъ больше въ ней утверждался. Въ такомъ взглядѣ нѣтъ ничего исключительно узко-національнаго. Крестьянинъ для меня соціальный типъ и принципъ, какой бы онъ ни былъ національности. Капскій боеръ, нѣмецкій михель, французскій жакъ, пошехонецъ и пензякъ представляются мнѣ видоизмѣненіями, разновидностями одного и того же генерическаго понятія. *Я* русскій патріотъ лишь настолько, насколько въ моихъ надеждахъ и предвидѣніяхъ крестьянскій типъ и его развитіе связаны съ историческими судьбами русскаго государства и русскаго народа, насколько мое отечество, какъ безсознательный пока носитель этого принципа, способно развить его—и тѣмъ получить право на значеніе и роль во всемірной исторіи. Безъ такого значенія, Россія не имѣетъ, въ моихъ глазахъ, никакого смысла; ибо всѣ другіе соціальные типы несравненно лучше, полнѣе блистательнѣе развились въ античномъ мірѣ и въ новыхъ европейскихъ государствахъ.

Кромѣ того, вы ставите мнѣ въ вину, что я будто бы знать не хочу тѣхъ основныхъ политическихъ формъ, которыя, необходимо возникая изъ развитія человѣчества въ теченіе тысячелѣтій, постоянно возвращаются и получили значеніе опредѣляющихъ нормъ. Въ Вашихъ глазахъ, онѣ имѣютъ общечеловѣческое значеніе, обязательное для всѣхъ временъ и народовъ. Разныя ихъ примѣненія, по Вашему мнѣнію, не болѣе какъ ихъ видоизмѣненія, и въ моихъ взглядахъ Вы усматриваете химерическую попытку, изъ за нашихъ мѣстныхъ особенностей, выбросить за бортъ то, что лежитъ въ основаніи всѣхъ человѣческихъ обществъ, какъ необходимое общее условіе ихъ политическаго существованія.

И эти обвиненія вытекаютъ изъ важнаго недоразумѣнія. Вы, мнѣ кажется, недовольно обобщаете основныя формы общественнаго и политическаго общежитія и вносите въ нихъ значительную долю содержанія, выработаннаго особенностями жизни древнихъ и новыхъ европейскихъ народовъ, придавая ему, по моему, несправедливо—общечеловѣческое, всемірное значеніе. Нельзя себѣ представить политическаго общества безъ власти, суда, управленія, законовъ письменныхъ или освященныхъ обычаемъ, общественныхъ классовъ и группъ,

учрежденій, финансовъ, военныхъ силъ, и т. п. Вотъ такія только обобщенія и могутъ быть признаны за всемірныя, общечеловѣческія нормы. Какъ только Вы попробуете опредѣлить ихъ точнѣе, положительнѣе, тотчасъ то или другое государство не подойдетъ подъ опредѣленіе, и оно, слѣдовательно, не можетъ уже быть названо нормой. Объясню свою мысль примѣромъ. Всѣ люди имѣютъ по двѣ ноги и руки, по одной головѣ, носу, рту, по парѣ глазъ и ушей и т. д. Попробуйте опредѣлить эти общіе признаки точнѣе, скажите, напримѣръ, что волосы на головѣ русые или свѣтлые, глаза голубые или черные, ротъ маленькій или широкій и т. д., — и Вы тотчасъ же опредѣлите признаки не человѣка вообще, а арійца, монгола, или француза, испанца, нѣмца, русскаго и т. д. То же самое представляютъ и условія политическаго и общественнаго существованія государствъ. Въ каждомъ, непремѣнно, всѣ такія условія непремѣнно будутъ на лицо; но при различныхъ ихъ комбинаціяхъ они являются въ формахъ до того различныхъ, что иногда трудно, почти невозможно ихъ узнать и подмѣтить ихъ однородныя черты и свойства. Припомните только древнія греческія государства въ разныя эпохи ихъ развитія, Римъ въ періодъ царей, республики и имперіи, новыя варварскія государства, возникшія на ея развалинахъ, имперію Карла Великаго, феодальныя государства, монархіи абсолютныя и конституціонныя, Наполеоновскій цесаризмъ и республики европейскія и американскія, кастовое, военное, жреческое устройство восточныхъ царствъ. Что, спрашивается, общаго между этими различными видами организованнаго человѣческаго общежитія? Какія опредѣленныя общія нормы, кромѣ однихъ лишь условій политическаго существованія, можно въ нихъ подмѣтить? Во всѣхъ перечисленныхъ видахъ государствъ мы находимъ, между прочимъ, высшіе и низшіе классы; но какая громадная разница въ ихъ характерѣ, роли, въ ихъ взаимныхъ комбинаціяхъ въ разныхъ государствахъ, даже въ одномъ и томъ же государствѣ, въ періоды его развитія. Крестьянство, отличающееся рѣзкими характеристическими чертами отъ всѣхъ другихъ, никогда и нигдѣ не входило въ политическія комбинаціи, кромѣ Скандинавіи. Представьте же себѣ государство, въ которомъ этотъ общественный элементъ есть почти единственный, во всякомъ случаѣ главный, первенствующій, чего до сихъ поръ нигдѣ и никогда не бывало, какъ нѣкогда, при господствѣ аристократовъ и патриціевъ, никому и на мысль не приходило, что наступитъ время, когда глубоко презираемые средніе и низшіе слои ихъ переростутъ и займутъ ихъ мѣсто: очевидно, что при такой соціальной и политической комбинаціи другіе общественные элементы и условія политической и общественной жизни не изчезнутъ, но явятся въ совершенно другихъ сочетаніяхъ, получатъ совсѣмъ другой характеръ, займутъ въ политической и общественной жизни совсѣмъ не то мѣсто, какое имѣли въ прежнихъ и имѣютъ въ теперешнихъ политическихъ и общественныхъ формаціяхъ, въ которыхъ крестьянство не играло рѣшительно никакой роли и только служило матерьяломъ, подножіемъ, каріатидой.

Возможность такой небывалой и невиданной еще комбинаціи Васъ пугаетъ? Въ Вашихъ опасеніяхъ она представляется господствомъ грубой невѣжественной массы, съ дикой, полуазіятской деспотіей во главѣ. Судя по тѣмъ

комбинаціямъ, которыя Вы знаете и которыя Вамъ представляются нормальными условіями, опредѣляющими всякую правильно-устроенную общественность, не можетъ быть ни порядка, ни свободы, безъ высшаго или средняго образованнаго сословія, смягчающаго и взнуздывающаго произволъ власти.

У насъ такого высшаго или средняго сословія нѣтъ; но я, говоря по правдѣ, объ этомъ не горюю. Не то, чтобъ я не желалъ, подобно Вамъ, законнаго порядка, свободы, обезпеченія правъ, обузданія произвола; но исторія учитъ меня, что вездѣ, гдѣ исторически сложившіяся высшія и среднія сословія становились участниками государственной власти, они, правда, ограничивали произволъ, но въ свою, а не всенародную пользу, вносили въ веденіе общественныхъ и государственныхъ дѣлъ свои ближайшіе сословные интересы, и тѣмъ, въ значительной степени, ослабляли, въ дѣйствительности, несомнѣнную правильность теоріи. Я не виню ихъ за это, но только констатирую фактъ. Когда исторически власть была ограничена, сословія, положившія на нее узду и подчинившія народныя массы своему господству, не имѣли тѣхъ взглядовъ на народъ и государство, какіе мы теперь имѣемъ, и отождествляя себя и свои интересы съ государствомъ и народомъ, поступали вполнѣ добросовѣстно, по крайнему своему разумѣнію. Въ наше время и послѣ стольких опытовъ, подобныя иллюзіи не мыслимы. Теорія государственнаго устройства и власти, которую лучшіе умы носятъ въ своемъ убѣжденіи, неосуществима при помощи исторически образовавшихся типовъ высшаго и средняго сословія. Мы же, вдобавокъ, ихъ не имѣемъ, а потому, еслибъ и хотѣли, не можемъ на нихъ разсчитывать. Мнѣ рисуется въ будущемъ, для моей родины, тотъ же идеалъ законнаго порядка, свободы и гарантій, какъ и Вамъ, но въ другихъ формахъ и съ другими путями для его достиженія. Я вижу впереди мою родину необозримымъ моремъ осѣдлаго, свободнаго, трудящагося, благоустроеннаго крестьянства, съ сильною центральною властью, обставленною высшей интеллигенціей, постоянно вырабатываемой страною, но не составляющей ни юридически, ни экономически привилегіи какого бы то ни было класса, сословія или общественной группы. Преобладаніе осѣдлаго, свободнаго крестьянства, представляемаго безсословной интеллигенціей, исключаетъ возможность господства черни и ея послѣдствій—цесарской власти, политическаго авантюрьерства, ограбленія богатыхъ въ пользу бѣдныхъ, нетерпимости религіозной или національной, ибо такія явленія, вытекающія изъ преобладанія бездомной черни, суть результатъ глубокаго разстройства соціальнаго быта народныхъ массъ. Вы, пожалуй, назовете мои надежды и упованія—несбыточной мечтой, особенно въ виду настоящей нашей печальной дѣйствительности, которая гораздо больше напоминаетъ Францію передъ великой революціей, или временъ послѣдней имперіи, но на самомъ дѣлѣ никакого такого сходства нѣтъ. Оно намъ представляется только потому, что и Вы, и мы сами смотримъ на Россію сквозь европейскіе очки, и мы до того давно, долго и усердно занимались переодѣваньемъ въ европейскіе костюмы, что наконецъ ввели въ заблужденіе себя и другихъ. Россія, какъ еще недавно замѣтилъ А. Леруа-Болье, — страна противурѣчій. Наши природные задатки влекутъ насъ на одинъ путь, а примѣръ и образецъ народовъ, у которыхъ мы учились и учимся, на дру-

гой. Отсюда—наша безтолочь и безсмыслица, на каждомъ шагу, темныя чаянія какой-то особенной задачи, за рѣшеніе которой не умѣемъ взяться, безплодная трата силъ по пустому, потуги, производящія мышей; за все это Вы, европейцы, считаете насъ азіятами, варварами, некультурнымъ народомъ, который случайно выросъ въ громадную державу на погибель европейской культуры. Ваши предубѣжденія разсѣятся, если Вы глубже вглядитесь въ составные элементы русскаго общества, представляющаго совсѣмъ новую соціальную формацію. Крайне низкая степень нашей культуры скрываетъ отъ Вашихъ глазъ чрезвычайную трудность задачи нашего развитія. Мы не можемъ идти проложенными путями и вынуждены пробивать новые, соотвѣтствующіе особенностямъ нашего мужицкаго царства, совсѣмъ не похожаго на другія политическія формаціи. Очень многое, что Вы, съ европейской точки зрѣнія, приписываете нашей неразвитости и отсталости, обусловливается этими особенностями строя, въ которомъ крестьянству предстоитъ выдающаяся соціальная роль.

Вотъ, главные пункты нашихъ недоразумѣній. Всѣ другія вытекаютъ изъ нихъ, и имѣютъ лишь второстепенное значеніе.

Вы находите, что, поставляя высшимъ классамъ русскаго общества задачею заботиться о крестьянахъ и не имѣть своихъ особливыхъ сословныхъ интересовъ, я требую невозможнаго. Но мысль моя вотъ какая: такъ какъ центръ тяжести нашего соціальнаго и политическаго существованія лежитъ въ крестьянствѣ, то другіе соціальные элементы не могутъ, и въ собственныхъ хорошо понятыхъ сословныхъ интересахъ не должны стремиться къ *политическому* господству и преобладанію. Вся русская исторія доказываетъ безуспѣшность такихъ стремленій. Этимъ я не отрицаю существованія особыхъ *соціальныхъ* интересовъ разныхъ слоевъ соціальныхъ и группъ въ Россіи. Они не могутъ не существовать, какъ и въ цѣломъ мірѣ; только роль и значеніе ихъ—другія. Наше дворянство, твердя зады, продолжаетъ противуполагать себя крестьянству. Я стараюсь объяснить ему всю безплодность, непатріотичность и опасность для него самого такого направленія.

Вы находите неправильной мысль, что къ Россіи непримѣнимо понятіе о демократіи и ссылаетесь на бытъ окраинъ русскаго государства. Но я говорю только о ядрѣ русской имперіи, — о Великороссіи, прототипѣ крестьянскаго уклада. Вы правы, что въ сравненіи съ аристократическими государствами, напримѣръ, съ Великобританіей, Россія можетъ показаться демократической страной. Но Франція и Сѣверо-Американскіе штаты — тоже демократіи; и Вы, однако, не причислите къ нимъ Россіи. А главное, отрицая аристократію и демократію въ Россіи, я хотѣлъ лишь указать на отсутствіе въ ней соціальной разнородности элементовъ, которая характеризуетъ всѣ европейскія древнія и новыя государства и объясняетъ глубокое различіе политическаго и общественнаго русскаго и западно-европейскаго строя.

Наконецъ, Вы совсѣмъ не поняли значенія того Общества, которое я предлагаю для проведенія крестьянской реформы. Станьте на минуту на мою точку зрѣнія, и Вамъ сразу станетъ все яснымъ. Коренная крестьянская ре-

форма представляется мнѣ настоятельнѣйшей, неотложной потребностью въ Россіи, удовлетвореніемъ которой нельзя медлить. На скорую коренную реформу нашей мало пригодной администраціи, правительственной, сословной и общественной, я не разсчитываю и не надѣюсь, а пока она существуетъ, крестьянская реформа такъ же будетъ искалѣчена, какъ въ минувшее царствованіе. Остается правительству одно: привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ, не въ видѣ, конечно, постояннаго учрежденія, а въ видѣ временной мѣры, только для проведенія крестьянской реформы, всѣ живыя силы страны, не вошедшія въ составъ оффиціальной административной организаціи. Вамъ показался дикимъ взаимный контроль членовъ Общества другъ за другомъ. Очень можетъ быть, что я дурно выразилъ совѣтъ—не терпѣть въ составѣ общества ни враговъ крестьянскаго дѣла, прикидывающихся его ревнителями, волковъ въ овечьей шкурѣ, ни людей, которые бы хотѣли идти дальше цѣли, для которой Общество устроено, и тѣмъ могли бы существенно повредить его дѣятельности. Другой мысли въ моемъ, можетъ быть, неловкомъ выраженіи не было и не могло быть. Вся русская исторія до послѣдняго времени была дѣломъ усилій и самоотверженныхъ трудовъ малочисленнаго просвѣщеннаго меньшинства, когда ему удавалось стать во главѣ движенія, и обстоятельства благопріятствовали его дѣятельности. При нашей степени культуры и нашей комбинаціи общественныхъ элементовъ, данной всею исторіей, иначе и быть не могло.

Извините меня за это длинное письмо. Вѣрьте, что моимъ перомъ руководило не личное самолюбіе и не раздутое національное тщеславіе, а одно глубокое убѣжденіе въ правотѣ дѣла, которое защищаю. Въ нестройномъ хаосѣ безчисленныхъ взглядовъ, умныхъ и глупыхъ, безобразныхъ и фантастическихъ, которые до Васъ отсюда долетаютъ, Вамъ трудно разобраться, особливо при тѣхъ предпосылкахъ, выработанныхъ европейскою жизнью, съ которыми Вы естественно смотрите на то, что у насъ думается и дѣлается. Надо, чтобъ Вы, наши сограждане, сложившіеся и воспитанные другимъ историческимъ путемъ, имѣли ключъ для уразумѣнія усиленной умственной работы, которая совершается теперь у насъ пока невидимо, за семью печатями. Одно изъ двухъ: или русское государство есть призракъ, фантомъ, случайно возникшій, который долженъ исчезнуть, не оставя послѣ себя другого слѣда, кромѣ громаднаго матерьяльнаго факта, подобнаго другимъ колоссальнымъ созданіямъ Азіи, — или намъ суждено представить и осуществить новую соціальную и политическую комбинацію, и чрезъ нее завоевать себѣ право на историческое бытіе между другими культурными народами. Никакой середины въ этой дилеммѣ нѣтъ—и быть не можетъ.

Я Вамъ пишу по-русски только потому, что это мнѣ легче. По-нѣмецки я бы прописалъ двѣ-три недѣли, а времени у меня очень мало. Пожалуйста не ищите никакой другой причины. Я не принадлежу къ кваснымъ патріотамъ—и очень этимъ горжусь.

С.-Петербургъ, 8 января 1882 г. К. К.

СОДЕРЖАНІЕ.

97.

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 2 линія, 7.

